

Борис Горзев

**ПОВЕСТЬ ОБ ОТВАЖНОМ КАПИТАНЕ И АЛИСЕ ИЗ ЗАЗЕРКАЛЯ,
О ЗЛОМ И БЕССТРАШНОМ СТАРШЕМ МЕХАНИКЕ,
А ТАКЖЕ О СЛАВНОМ ПОТОМКЕ КНЯЗЕЙ ДАДИАНИ,
ДА БУДУТ ОНИ ЖИВЫ, А ИХ ИМЕНА ВПИСАНЫ В КНИГУ СУДЕБ
ЗАТОНУВШЕГО КОРАБЛЯ**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. БОЛЬШАЯ ГОЛУБАЯ ДОРОГА

КАПИТАН (1)

Капитан сухогруза «Волго-Дон 201» написал следующее:

«Хорошая женщина – редкая женщина, а редкая – это такая, которая прощает наше несовершенство и, как ни странно, продолжает любить». Ты знаешь, почему я начинаю письмо к тебе с этой цитаты? И кого я цитирую?.. Ах да, забыл написать обращение и поздороваться! Ладно, исправляюсь:

Дрожащий гриб под зонтом, привет!

«Хорошая женщина – редкая женщина, а редкая – это такая...» Ну и так далее, см. выше.

Так вот, дрожащий гриб мой под зонтом, эту фразочку произнес наш дед... ну, тот дед, который в кавычках, то есть «дед», а может, черт его знает, не в кавычках, а просто с большой буквы – Дед.

Короче говоря, это мой старший судовой механик, Сашка Кумарин, если помнишь. Короче, стармех, или Дед, как их уважительно величают на флоте. Но на флоте морском, а мы кто? Речники всего лишь. Мы – речной флот, грузовой. Эка невидаль с бородой!

Значит, Сашка Кумарин – вспоминай! Морда ехидная, чуток пропитая, но сам завсегда при фуражке и в тельнике, прямым морской волк после поддачи. Ну, злобноватый такой, как ты сказала, помнишь? А я потом тебе объяснил, что ты не права: не злобноватый он, а ехидный и очень порядок уважает, а если кто вдруг за бортом, так сам первым туда и бросится. Ибо это опять же непорядок: человек за бортом. И женщина на нашем сухогрузе – тоже непорядок (если она в рейс, а не на ночь при стоянке), от нее всегда раздрай в команде, и вообще примета плохая на флоте. Вот взял я в позапрошлую навигацию одну девку на камбуз поварихой, так уже вскоре такое вышло! В общем, нехорошее. И Сашка Кумарин посоветовал мне, помню, чтоб на обратном рейсе... в общем, помню, сказал так: «Ты, капитан, спиши ее на берег в Ярославле, хватит мужиками рисковать, ничего-ничего, по железке до своей Кинешмы доберется!» А ведь сам ее и пригрел первым у себя в каютке, а потом... Ну да ладно, было и сплыло. Рассчитал ее, и в порту в Ярославле она сошла, слава богу, и на судне у меня снова воцарился мир-покой, ни ссор, ни грызни из-за, прости меня, бабы.

Вот потому тогда на Рыбинке он и глядел на тебя неласково, помнишь? Когда нам пришлось из-за вас, доходяг, стопорить машину и брать вас на борт, помнишь? Конечно, помнишь! Ведь запросто погибнуть могли, идиоты! А ты была под зонтиком, помнишь? Смех и грех! Шторм, ветер, дождь сечет, вашу лодку-казанку заливает уже, тент сорвало к чертовой матери, мотор заклинило, дружки твои веслами бестолково вертят, а ты сидишь на кормовой банке, в руке зонтик, он мотается над головой туда-сюда под порывами, ты дрожишь, вся мокрая, помнишь? В общем, мокрый гриб. Ну да, гриб, это точно, ибо зонтик твой чумной, ветром вывернутый, очень походил на помятую грибную шляпку, а сама ты - на худенькую ножку под этой шляпкой, и оттого я даже улыбнулся, глядя из рубки, хотя в тот момент не до сантиментов было. Тогда, в шторм на Рыбинке, когда мы вас, значит, на борт брали, чтоб не утопли вы, идиоты. А ведь утопли бы, ей-ей. Ну да ладно, чего вспоминать. А вот то и вспоминать, что иначе как бы я увидел, что произрастаешь на этом сказочном свете ты, гриб мой под зонтом!

А чего я тебе пишу нынче? Нет, чего пишу – знаю вроде, а вот о чем пишу? А хочу тебе тот самый вопрос задать. Тот самый – это прямо по Деду, по моему Сашке Кумарину. То есть (см. выше): ты еще прощаешь мое несовершенство и, как ни странно, продолжаешь любить?

Во, как долго я вывертывал к этому самому вопросу тебе! Аж страницу исписал, пока вывертывал к нему, вспоминая старое и тебе о том напоминая.

Пардон, чайку отхлебну, то есть сделаю паузу.

Так, плывем дальше.

Помнишь, был такой мультфильм про медвежонка, который увидел свое отражение в воде? Да нет, вряд ли ты помнишь, потому что тот мультфильм был в моем детстве, а дожил ли он до твоего – не знаю. Он назывался, кажется, «Тот, кто живет в реке». Медвежонок увидел с мостика свое отражение, удивился и испугался, ну а потом мудрый ёжик объяснил ему, что если отражению улыбнуться, то тогда и тот, кто живет в реке, станет добрым, тоже улыбнется, и всё хорошо, ничего-никого бояться не надо.

Вот и я всякий раз. Про это отражение, про зеркало. Ты ведь Алиса, девочка, прямо как та самая из Зазеркалья, хотя ты еще и гриб дрожащий под зонтом. Алиса под зонтом. Но ты уже не дрожишь, да? (А слово «зазеркалье» я пишу с большой буквы, потому что это – то, что имею в виду, – страна такая ненашенская, то есть неземная. Понятно тебе?) Тебя звать Алисой – и как же так вышло, что мы встретились? Нет, как вышло, я помню, а вот как же это, как? Сказка что ли? А разве та самая Алиса в стране чудес, разве это сказка? Никак нет.

Вот хожу я на своем сухогрузе туда-сюда уж который год, которую навигацию, а всякий раз, когда выплываю на Рыбинку, то есть на Рыбинское море (то есть вообще-то на Рыбинское водохранилище), всякий раз происходят со мной две истории.

Значит, так. Всегда (всегда, хоть ты тресни!) тут ясная погода, спокойная вода, прямо гладь, небо голубеет, тишь и покой. Это как же так? Всегда, повторяю! (Ну, кроме одного-единственного раза, но в этом-

то вся изюминка!) Значит, скажем, идем мы на своем сухогрузе «Волго-Дон 201» из Нижнего домой, то есть до Северного порта в столице, или, напротив, из дома в Кострому или тот же Нижний, и посередине этой долгой голубой дороги, после Углича (если вниз по Волге) или Рыбинска (если вверх), врываемся в Рыбинку. И в том-то и штука, повторяю, что, какая бы ни была до того погода, даже по весне или даже неласковой осенью, стоит выплыть в Рыбинку – тихо, ясно, штиль. То есть никакого волнения. Это как? Что за чудеса? Алиса, ответь мне, это что такое?

Ну ладно, ты молчишь, тогда я продолжаю. Вот тут и начинается мое зеркало. Или Зазеркалье, если хочешь. Что или кто живет в тутошней воде? Как тот медвежонок спрашиваю. Прямо навязчивость какая!.. Я выхожу из ходовой рубки, спускаюсь по левому трапу к борту и заглядываю в воду. Там кто или что? Моя тень. Тень моей головы в фуражке и тела до пояса (это если чуть перегнуться через борт). Это я? Не знаю. Это мое «не знаю» бежит по воде вместе с тенью судна и о чем-то там себе думает. А о чем, мне неясно. Ясно только, что не о том, о чем думаю я. Вот такая штука, Алиса!

А о чем в ту самую минуту думаю я? Во, это интересно. Ибо опять навязчивость! Ибо всякий раз, всякий! Всякий раз на Рыбинке, когда я начинаю глядеть в свое зеркало.

Я опять думаю о той истории, которая когда-то случилась вот здесь же. (О том, что она потом еще и повторилась, то есть как бы зазеркалилась, об этом ты, может, догадываешься... но ладно, об этом потом, потом!) А та история, она известна, она описана, я тебе упомянул об этом в ту нашу ночь, помнишь?

Значит, история. Про что? Про то, как к хорошему человеку на его дачу в Абрамцево под Москвой вдруг появились незнакомые молодые ребята, но хозяину они сразу понравились, сели за стол, выпили-закусили, как положено, и ребята стали зазывать его, хозяина дачи (а на самом деле очень хорошего писателя), в путешествие на небольшом паруснике под гордым именем «Вега». А куда стали зазывать? Плыть по большой голубой дороге: сначала по Каналу имени Москвы, потом из него по Волге, потом по Рыбинскому морю, потом по Шексне в Сухону и Северную Двину – и так до Архангельска. И так сладко они рассказывали, так звали! А тот хороший человек, который очень хороший писатель, был охоч до путешествий, страстно охоч, особенно если в сторону Севера или на сам Север, – вот он и согласился, конечно. И через некоторое время они поплыли, конечно.

Поплыли, на «Веге». И вот когда вышли в Рыбинское море (э, то есть в Рыбинку, как речники и местные говорят), вот тут, уже в ночь, и началось страшное. А что? Сначала ветер поднялся, потом уже просто шквал, волна всё выше, и дождь, и мрак, и парус порвало, и мачта рухнула, и их понесло на мель к какому-то крохотному островку, и потянуло вдоль этой мели, и они там чуть не перевернулись, и как их бог упас, только богу и ведомо, но в конце концов они дотянули до другого островка с бухточкой, где шторм пережидал какой-то танкер, и спрятались на его кормой от ветра, а утром успокоилось, и они уже спокойно дошли до Череповца, что на северном побережье Рыбинки. Вот такая история. И что? Да мало ли тут таких случаев было? Много было. Ибо Рыбинка есть море, а на море

всякое случается. Это тебе известно, гриб с зонтиком? А, то-то!.. Ладно-ладно, не буду поминать вашу дурь, не буду, иначе как бы ты мне попала в этой жизни!

Да, я не об этом, то есть не о том, как ты мне попала, а об этой моей навязчивости, о моем Зазеркалье. Ведь всегда-всегда, повторяю, стоит моему «Волго-Дону» выплыть в Рыбинку, тут опять ясное небо и вода яко зеркало (это раз), но как гляну я с борта в это зеркало, так вижу тень себя и ту историю вспоминаю, а точнее – тоже вижу: про ночной шторм и почти переворачивающуюся «Вегу» с рухнувшей мачтой (это, значит, два). И как тебе, Алиса моя распрекрасная, такой дивертисмент? Нет, не про «Вегу», а про «мою» погоду на Рыбинке и про мое виденье в зеркале? Значит, еще один вопрос возникает. Ну, первый – см. выше (про прощаешь ли мое несовершенство?), а вот второй – про эту самую мою навязчивость на Рыбинке. И мою, и природную, если помнить про завсегда ясное тут небо и водную гладь, ну что чистейшее зеркало. Такого ведь не бывает, чтобы всегда-всегда, целых двенадцать лет. (С одним, правда, исключением, но это я почти шёпотом – потому и пишу в скобках.)

Ладно, хватит, а то всё обо мне и обо мне. А вот ты? Как ты там на своей практике и как там твои друзья-идиоты, будущие врачешки? Нет, вообще-то они славные парни: ведь если бы они не потащили тебя с собой в то путешествие на Рыбинку и потом не уговорили сесть в лодку при волне, то как бы ты попала мне, дрожащий гриб под зонтом?

Ну, пока! Будь ласкова, как прежде.

Твой капитан.

P.S. О, вспомнил, что забыл! Забыл написать тебе, кто еще ты есть – ну, кроме дрожащего гриба под зонтом и моей девочки из Зазеркалья. Ты есть женщина с хмельной фамилией! И это здорово, это по-нашему и очень по-российски. Поняла? Надо Сашке Кумарину поведать об этом моем открытии.

Капитан сухогруза «Волго-Дон 201» Леонид Желтков вложил эти листки в конверт и аккуратным почерком вывел адрес: Тульская область, город Новомосковск, центральная больница, Пивоваровой Алисе (доктору-практиканту). А вот обратный адрес не обозначил. Ну, не напишешь же: большая голубая дорога, между Кинешмой и Городцом. Нет такого адреса, но красиво-то как и, главное, точно!

Заложил конверт в серёдку книги, убрал ее на тумбочку у койки, накинул форменный короткий пиджак с витыми капитанскими погончиками, надел фуражку с высокой тульей и вышел из каюты. Дело шло к закату. По воде вяло плясали солнечные блики, желто-красноватые, жирные, какие-то сытые. Значит, ветер утихает, а к ночи и вовсе штиль будет. Это хорошо, потому что тут такое не часто. Тут, на Горьковском водохранилище перед Городцом, обычно ветрено, даже летом в жару. Дурное место все-таки... Ладно, завтра к полудню будет Нижний, стоянка с погрузкой в ОРП, то есть в Окском Речном порту, что у Стрелки. Два дня на берегу, почти в центре. (Кстати, Нижний, то есть Нижний Новгород, – это капитан произносит так по давней своей привычке, а вообще-то сей славный город носит дурное название в честь хорошего-несчастливого писателя – Горький. До возвращения истинного

названия должно пройти еще шесть лет, но это, понятно, капитану сейчас не известно. Как неизвестно и то, где тут томится в ссылке известный диссидент, который вообще-то знаменитый на весь мир физик.) Вот там, прогуливаясь, капитан дойдет до Центрального Почтамта на улице Свердлова (вообще-то Большой Покровской, если опять же по-настоящему) и опустит письмо в большой деревянный почтовый ящик у входа. А пока... пока еще большая голубая дорога.

Он решил пройтись вдоль борта к носу судна. Прошел, придирчиво вглядываясь в щели закрытых погрузочных секций и блоков. Всё правильно, чисто, никаких никому нареканий. Длинное, плоское, темное тело сухогруза с высоким белым такелажем на корме, где ходовая рубка и жилая надстройка, идеально вписывалось с окружающее пространство, будто указательный палец, направленный к выходу из Горьковского водохранилища. Темное длинное тело с ярко высвечивающим под закатным солнцем такелажем. И тихо кругом, если не обращать внимания на мерный шум судовой машины и шипение воды, рассекаемой тяжелым корпусом.

Капитан дошел до самого носа, постоял на полубаке, привычно оглядел якорные и швартовые, затем повернул обратно. А по пути глянул вниз на воду, но ничего особенного там не увидел. Это тебе не Рыбинка, усмехнулся, там – чистое зеркало, зеркало и Зазеркалье, а тут что? Тут – ничего, а вот там!..

Еще он поговорил со старпомом, уже в рубке, потом здесь же на корме заглянул к Кумарину в машинное отделение, предварительно бросив туда взгляд через стеклянный фонарь люка. Всё спокойно, можно поужинать в кубрике и затем проследовать к себе в каюту, вечером на вахте старпом. А от намёка совершить скромное возлияние на ночь глядя капитан Желтков отказался и даже сделал Сашке Кумарину грозно-шутейный знак – дескать, смотри у меня!

Да, с этим делом, то есть с выпивкой во время следования судна, было у капитана Желткова на его «Волго-Доне 201» почти что строго. Вот завтра придут они в Нижний, там и пейте себе почти два дня. Почти – это значит до начала погрузки, ибо погрузка есть дело архиважное: как погрузишься, так потом и поплывешь.

АЛИСА (1)

Алиса вышла из операционного блока и сразу увидела, как ей машет рукой старшая сестра отделения, призывая к себе. Когда подошла, та сказала с легкой ехидцей: «Звонила секретарь главного, зайдите к ней, до вас письмо пришло на адрес больницы».

Алиса кивнула. Не иначе, из дома, подумала. И про ехидную полуулыбку поняла: весь медперсонал здешней больницы обязали обращаться к студентам-практикантам на «вы», вот старшая, которой, похоже, лет сорок, и не сдержала иронию. Ладно, ерунда – поблагодарила за информацию и пошла в соседний корпус, где размещалась администрация.

Оказалось, письмо не из дома от родителей, а от Леонида. И что – радоваться или нет?.. Не знаю, пожалала она плечами, не могу разобраться...

Значит, от «отважного капитана», как его называли друзья-приятели, если вдруг поминали его. Его и ее тоже. Шуточки, подтрунивание. Да нет, всё по-доброму, но тем не менее... Ну да, все они тогда отличились, все с ума посходили. Ребята – что недалеко от Пошехонья, городка на Рыбинском море, решили под вечер выйти на моторке порыбачить и ее уговорили сесть в лодку, а погодка была уже так себе (еще смеялись: зонтик прихвати!); а она – она, когда уже их спасли, подобрали, отогрели, заставили выпить водки, когда они переночевали на том самом преогромном «Волго-Доне» и назавтра собирались распрощаться с командой, со спасателями, она все-таки приняла предложение капитана не сходить с ребятами в Угличе, а остаться на судне и плыть по Каналу со шлюзами до московского Речного порта.

Осталась, да. А ведь чувствовала, что капитан только покупает ее, покупает на никогда не виденные ею шлюзы, что у него на уме другое. Чувствовала, но, в конце концов, согласилась. Да, поёрзала мыслями, но решила: пусть ребята сходят в Угличе, а она остается. И осталась. А дальше... ну, дальше вышло так, как он и замыслил, злодей. Провела ночь в его каюте. Ах, какая была ночь! Вспоминать страшно и сладко. До сих пор.

В общем, сошла с ума. А ведь чувствовала: так и будет. Так кто ж виноват – он или она? Она. Хотя, да, он взял ее силой, она честно сопротивлялась. Честно, но вяло. И молча. Вот он и взял. Морской (точней, речной) волк. Злодей. А вот полюбила ли она его после того? Именно после того, после его насилия? Ведь пока он не завлек ее к себе в каюту уже под ночь, она его не любила – он был ей просто симпатичен. Такой взрослый, сильный, ироничный, уверенный в себе, негромкий, четкий, лицо – будто скульптурный портрет. В общем, мужчина. Настоящий мужчина, не то что друзья-одногодки. А тут – сам капитан! А еще и спаситель! И даже хорош собой, кстати. Лет сорок ему, а ей? Студентка, двадцать два, будущий доктор. Или всего лишь дура безголовая?

Так вот и вопрос, главный: полюбила ли она его, любит?..

Алиса Пивоварова поднялась с лавочки, стоявшей между корпусами больничного комплекса, упрятала письмо поглубже в карман халата и пошла к себе в хирургию, где сейчас проходила их практика. Спасибо, что ребята не видели, не узнали об этом письме, а то опять начали бы издеваться. Ведь несомненно подозревают, что тогда она осталась на судне не просто так, не только для того, чтобы полюбоваться шлюзами на Канале имени Москвы. А и пусть подозревают! В конце концов, она сама себе хозяйка и развеивать их подозрения не будет. Это ее дело. А мальчишки, они при всем при том хорошие парни, друзья, ей с ними спокойно, просто, а то, что порой на них дурь находит (вот как с той идеей выйти на рыбалку под вечер при уже ветреной погоде, и где – не на речке, а в море!), так это, ясно, по молодости. Впрочем, у нее по молодости тоже порой не всё в порядке с головой. Вот, например, как в случае с «отважным капитаном»: очаровалась им и... Что «и»? Да уже ночью в его койке оказалась – вот и всё! Грех? Или любовь? А у него как? Ну, у него-то это не грех, уж конечно. Подумаешь, с молоденькой переспал! Это у них, мужиков, не грех, это нормально, даже некая доблесть. Какая там любовь! Хотя... Что ж он письма пишет, на свое несовершенство намекает? То есть на то, что заставил ее, принудил, фактически взял силой. И почему-то уверился, что она его любит. Откуда он это взял? Ладно, пусть он влюбился в нее, это вполне возможно и даже

понятно, но откуда такая уверенность, что и у нее то же - любовь? В этом она пока не уверена вообще-то...

Алиса уже подошла к своему корпусу, но тут с ней что-то случилось, и, оказавшись в холле, она сразу же присела на диванчик, извлекла из кармана конверт с **его** письмом и раскрыла листки. Это письмо, как стало件нятно, просто не давало покоя. Перечитать, перечитать! Уже не скользить глазами по строкам, а перечитать внимательно, со смыслом, пытаюсь вылавливать потаенное, напрямую не высказанное. В общем, понять всё, понять, что у него, капитана, на уме...

Ну вот, перечитала. А что поняла? Уж не всё, это точно. Но интересно. Про зеркало и Зазеркалье интересно, про того мультяшного медвежонка, испугавшегося своего отражения в воде, про всегда-всегда чудесную, тихую погоду на Рыбинке, которая, как по заказу для капитана Желткова. Но тут же – почему в своем зеркале-зазеркалье он видит одно и то же: «Вегу» в шторм на той самой Рыбинке? Всегда – чудесно, тихо, а видит – шторм и порванный парус «Веги». Это почему? Интересно. Потому что, догадалась она, капитан таки дождался своего шторма, и уже не в Зазеркалье, а в реальности. Это - в ту самую ночь, когда она с мальчишками болталась в волнах на моторке без мотора и отчетливо понимала, что им не выбраться, не спастись. Понимала, но почему-то упрямо верила: они не потонут и она не умрет сегодня – что-то будет, какое-то чудо. Либо вдруг шторм стихнет, либо окажется рядом сказочный дядька-черномор и спасет ее, спасет, вытащит из волн. А ведь так и вышло!

После летней сессии оставалось еще десять дней до начала врачебной практики. Курсу сообщили, что это будет в Тульской области, а конкретно Алисе и ее друзьям-мальчишкам выпал город Новомосковск. Ну и ладно, какая разница, пусть будет неведомый Новомосковск, который бывший Сталиногорск вообще-то. Как они узнали уже позже, по прибытии туда, сей Новомосковск-Сталиногорск до и после войны строили заключенные, коим, в порядке высшей милости, потом позволили жить и работать там, в новом городе при химическом комбинате союзного значения. То есть, считай, освободили, однако пока без права покидать область. Но такая деталь: те самые строители-заключенные были, в основном, из уголовников, а не политические. Вот они-то и стали жить-поживать в городе Сталиногорске (потом Новомосковске), народили новое поколение, уже совсем свободное, однако обремененное соответствующими генами. То есть преступность в данном городе была выше среднестатистической по стране.

Это узнали потом, а пока оставалось десять свободных дней.

Десять дней – это море времени, вот и поехали на море – Рыбинское, как предложили ребята, одноклассники по курсу. А почему бы и нет: море – это прекрасно, и что относительно близко от Москвы, тоже хорошо, и парни свои в доску, Алиса уже не раз ходила с ними во всякие походы. Палатка, байдарка, вечером у костра песни под гитару. Чудесно!

Значит, поехали. На сей раз без байдарки, потому что это - Рыбинка, а на ней, как сообщили парни, на байдарке не походишь, перевернешься. Ничего, придумаем, как и на чем выходить в море, как рыбачить – дескать, там деревеньки на берегу, договоримся с местными.

Поехали, и вот оно, Рыбинское водохранилище. Действительно, прямо море. В какой-то день оказались в Коприно, а от него доплыли на тяжелом баркасе (нет, кажется, на буксире) до Пошехонской губы. Там, еще на берегу, поставили палатку, переночевали, а утром пошли в Пошехонье. Оказалось, это даже не село, а городок. Дома старые, деревянные, но есть и каменные, в центре – полуразрушенный собор, почта, рынок, даже кафе и пивной ларек. И везде – рыба, рыба, вяленая, свежая, всякая. Милая провинция, старорусский говор, и то, что существует советская власть, понятно только по пустому обезглавленному собору, почерневшему дереву изб и запахам – пыли и из выгребных уборных.

Походили, погуляли, прикупили кое-чего к вечернему костру, вернулись на берег, нашли местечко вблизи нескольких домов за спасательной станцией, опять поставили палатку. Погода тихая, хотя небо с бегущей облачностью, но ни намека на дождь. Даже искупались, хотя дно оказалось неважнецким, каким-то топким. Потом перекусили с чаем, и двое парней пошли к ближним домикам и еще на спасательную станцию, чтобы договориться о плавсредстве для рыбалки.

Вернулись они, кажется, через час, и не по берегу, а по воде на моторке. Удача! Взяли на пару дней «казанку» у какого-то мужика, под залог, конечно. Сразу решили грузиться-сниматься, чтобы и порыбачить на вечернем клёве, и после дойти до Бройтово на западном берегу. Ну а завтра или еще через день – обратным путем до Пошехонья, чтобы вернуть лодку и двигаться к городу Рыбинску, по воде на кораблике или проселками на автобусах.

Так и сделали: свернули палатку, погрузились. Вот только погода стала портиться, небо совсем заволокло, и ветерок поднялся. Волна не волна, но вода беспокойная. Алиса попыталась отговорить парней, но те в смех: ты что, красавица, это ж какой клев на спиннинг в маленькую волну, рыба такое очень уважает, особенно лещ, а лещ, он, завяленный, силен к пиву!.. В общем, уговорили, даже про зонтик напомнили, чтоб был рядом с ней на сидении (это не без иронии, конечно). Но на всякий случай все-таки уложили на корму брезентовый тент: если понадобится, тут же натянем.

Да, подсекли трех лещей и пяток плотвичек, но отошли от берега уже прилично и, когда, еще видя его в сумраке, двинулись в направлении Бройтово, волна пошла уже нешуточная, «казанка» гулко хлопала носом по воде, и Алису даже немного замутило – ну, будто морская болезнь очнулась в организме. Надо вернуться в Пошехонье, принялась она настаивать, но ребята уверяли, что через час дойдут до Бройтово. И тут налетел шквал. Это вышло впервые в жизни – попасть в шквал. Дикий ветер порывами, косой дождь и волна – ох, какая волна! А почти ночь. Видимость – ноль. Куда плыть, уже неясно... Так полчаса, наверное. Тент сорвало в воду, еще когда пытались натянуть его поверху лодки на каркас. Дождь всё сильнее. Вот и зонт пригодился. Да только он вскоре вывернулся под порывом ветра – толку от него чуть, хоть бросай в воду. Но мотор еще работал, и куда-то они все-таки плыли, а вот куда? И вдруг Алиса поняла, что они заблудились. Не в лесу, а на воде. Это тоже вышло у нее впервые в жизни. Но странно, она еще не чувствовала, что это конец, что они обречены. Более всего докучало то, что она совсем промокла, что тошнит, что холодно и тьма кругом. Ей было очень плохо, но еще не смертельно страшно.

Вот когда вдруг заглох мотор, стало страшно. Мотор сдался первым, он умер.

Мотор умер – теперь их черед, и Алисы тоже. Она стала кричать – а зачем? Из-за ветра ее никто не слышал. Да и что толку от ее крика, кому он в помощь? И, уразумев это, она замолчала. Трое ее друзей еще пытались что-то делать (двое на веслах, чтобы удерживать лодку так, чтобы она не разворачивалась бортами к волне, а третий всё старался оживить мотор, хотя и лампочки на приборной доске давно погасли), а она, Алиса, утихла под вывернутым зонтиком, закрыла глаза и всё спрашивала себя: это конец или нет?

Потом она много раз вспоминала те минуты. Вспоминала, что умом понимала: это конец. А вот сердце... или душа? Там, в этих потаенных глубинах ее естества, кто-то (кто?) упрямо не желал мириться с безысходностью, со смертью. Вот это и есть вера, стало ей ясно много после. Вера есть неверие в смерть. Такой почти парадокс: вера есть неверие. Во что? Да в смерть, повторяю, в то, что меня не будет уже никогда!.. Она знала, что это конец, но упрямо верила в чудо. Сейчас, будто повторял ей кто-то, сейчас явиться из тьмы дядька-черномор, раздвинет волны, укротит ветер – и спасет. «В чешуе, как жар горя», – повторял ей кто-то из сказки о царе Салтане. И, сидя с закрытыми глазами, дрожа от холода, мокрая и несчастная, она слышала этот голос и видела его, черномора, который в чешуе, как жар горя...

Сколько прошло – а и прошли ли? Тьма, но вдруг они увидели какой-то мерцающий шарик вдалеке. Да нет, это кто-то из мальчишек приметил, потому что Алиса сидела по-прежнему с закрытыми глазами. В общем, он закричал, и они увидели. Шарик слабо мерцал каким-то красноватым мутным светом, но уже вскоре он распался. То есть стал не шариком, а двумя ниточками огоньков – одна над другой, а выше – еще несколько огоньков отдельными точками. Ясно, к ним приближалось **что-то**, оттого поначалу, еще издали, оно выглядело как тусклый мерцающий шарик, а потом, по мере приближения, огоньки выстроились в ниточки – ну, будто гирлянды. «Это корабль, – прокричал кто-то Алисе на ухо, – корабль! Идет к нам – ну, в нашу сторону, во всяком случае. Это светятся иллюминаторы, а выше – ходовые и габаритные огни».

Вот тебе и всё чудо, еще не поверила в чудо Алиса. Нет, поверила, поверила. Огоньки, ниточки, гирлянды, чешуя, как жар горя...

Теперь одно: заметит или пройдет мимо?

Спасли фонари. В рюкзаках у ребят были фонари, точнее, два фонаря. Достали, включили, стали размахивать ими из стороны в сторону, но потом кто-то сообразил, что надо не размахивать, а включать-выключать, как это происходит по ночам у летящих самолетов. Пульсирующий объект...

И опять она не помнит, сколько времени прошло – полчаса или вечность. Тело уже не дрожало от холода, а горело. Жить, жить! Если хочется жить, то гореть... Потом собственно спасение. Судно приблизилось настолько, что, несмотря на кромешную тьму, Алиса поняла, насколько оно огромно. Потом возник трап, и двое матросов, стоя на нижних ступеньках почти по пояс в воде из-за волны, стали баграми ловить борт «казанки» и приваживать его к себе, к трапу. Вот это была тягомотина. Потом кое-как все они, кто в лодке, по одному оказались на трапе и поднялись наверх, на борт судна. А матрос уперся багром в уже пустую «казанку» и оттолкнул ее подальше в море. С ней было покончено, то есть вот именно ей, лодке, действительно пришел

конец, поскольку кто-то там на судне понял, что в такой шторм, без людей и обездвиженная, она вскоре потонет. Ну и потонула, конечно, куда ж ей деться! Неловко, конечно, перед ее хозяином: обещали вернуть – и на тебе! Ладно, что ж, хоть залог оставили...

На этом кончился ужас, и началось то, что потом Алиса, будущий врач, назвала реанимацией.

То ли кубрик, то ли кают-компания – как это называется у них, бог знает... Тепло, сухо и, да-да, яркий-преярыкий свет после ночной тьмы в бурном море. Какие-то тельняшки, свитера, даже пара телогреек – кучей на столе. Приказали снять всё мокрое, всё, догола, и переодеться. У Алисы тряслись руки, и ей никак не удавалось стянуть с себя прилипшие к ногам джинсы. Кто-то ей помогал. А кто – тут одни мужики! Потом крик с злобноватым хохотом: «И трусики снимай, идиотка!» И этот «кто-то» сам же и стащил, а затем еще по голому заду хлопнул... Наконец она во всем сухом. Вдруг – полотенце на голове, и кто-то невидимый вытирает ей волосы, долго трет, сильно. И она чувствует, как согревается, как уходит дрожь из тела. Это и есть жизнь после смерти, да?.. Потом они уже сидят за столом, и очередной «кто-то» разливает по стаканам... что? ну водку, конечно! Она покорно берет стакан, и ей кричат: «Пей! Всё пей, быстро!» Она пытается сделать глоток и поперхивается. «Пей, – кричат опять, – пей, полстакана уж осиль, утопленница!»

Алиса впервые в жизни выпила полстакана водки, причем сразу. Ничего, не померла. Если в шторм не померла, не потонула, то уж от ста граммов водки не помрешь и подавно. Теперь вообще не помрешь, теперь будешь жить если не вечно, то очень-очень долго. Теперь вроде бы возвращается реальность.

- Москичи, студенты? – слышит она начавшийся разговор между злобноватым морячком (это он, кажется, развлекал ее, а еще и по заду хлопнул) и друзьями-приятелями. – А откуда «казанка»? Напрокат, значит. Привет вашей «казанке»! А как же вы в шторм вышли, идиоты? Правила безопасности знать надо! На «казанке» далее трех километров от берега нельзя, понятно! И при волне более чем ноль-семь метра нельзя, понятно!.. А, это не сразу, это уже через час? Голову надо иметь на плечах, и ей думать, а не жопой. Вот жопы у вас есть, а голов не примечаю. И девку с собой в лодку усадили, в такую волну поволокли! Не, чистая психиатрия, а, капитан, скажи? Чистый дурдом!

Вот тут и подал голос кто-то сидевший сбоку. Спокойный голос, чуть с хрипотцой, уверенный, ироничный:

- Ты, Дед, откуда всё про «казанку» знаешь?

- А сам такую имею. За Химками стоит, у Левобережной. Моя собственная. А поскольку моя, то всё и знаю, и как плавать на ней знаю, то есть когда можно выходить, а когда нельзя! – почти огрызается этот самый Дед. (Да, уж больно он зол, это видно.)

- И даже поддавшим на ней не выходишь? – слышит Алиса спокойную иронию.

- Представь себе, капитан! Пью только опосля, а не до, ясно?

- Ага-ага, – усмехается тот, который, значит, капитан. – Завтра соберу всю

команду, все восемнадцать рыл, и сообщу им, какой у нас, оказывается, замечательный стармех. Он у нас, оказывается, водку жрет только опосля, во как!

О чем-то еще они переговариваются, явно подкалывая друг друга, а Алиса поднимает глаза на человека с таким спокойным, уверенным и ироничным голосом. Значит, он – капитан. Капитан, то есть главный здесь, на этом огромном корабле под названием, как выяснилось, «Волго-Дон».

Вот она его видит. Его – этого ее дядьку-черномора, спасителя. Который явился, раздвинул волны, вытащил из шторма. И как же это вышло? Что за сказка, черт возьми? Потому что такого не могло быть, не могло!

Красавец-мужчина. Или так только кажется после пережитого страха? Ну да, как в кино: если спаситель, то непременно красавец. Не опереточный тенор, а сочный баритон. Лицо, будто скульптурный портрет, только явно обветренное. Морской (точнее, речной) волк. Морщинки под глазами, насмешливый голос. Капитан, спаситель. Да нет, не киношный красавец – просто заметный, симпатичный.

- Это как же вы нас спасли? – обращается к нему Алиса, но тот, который Дед (то есть стармех, кажется), опять хохочет злобно:

- Смотри-ка, капитан, очухалась дамочка! Вопросыки задает! – И уже ей, без смеха, но всё еще зло: - Это не он тебя спас, дура, а старпом! Старпом на вахте стоял и различил ваши огоньки-фонарики, вот и дал аврал, сигнал команде «человек за бортом»! Поняла?

- Верно, – спокойно подтверждает капитан, – это старпом. А где он, кстати?

- Да всё в рубке. Лишние часы бдит. Ведь все были на аврале. Так до собачьей вахты достоин.

- Ясно, – говорит капитан и поднимается. – Пойду, пожалуй, сменю его, бедолагу. А вы все по койкам, спать! – кивает спасенным. – Утро вечера мудренее, как говорится. Сашка, и ты в койку, марш! А всей команде по вахтенному распорядку! Всё, отбой, всем пока.

И он уходит, спаситель. Ночь, а на вахту...

Ушел спаситель. А жаль. Нет, может, самый спаситель не он, а неведомый Алисе старпом, который сейчас в рубке, но всё равно именно он, капитан, ее спаситель. И всех их спаситель – именно он.

Так она решила, и это ее решение никто и никогда отменить уже не мог.

Наутро после «реанимации» спасенные стали обсуждать, что делать дальше, что теперь.

Вместе с «казанкой» у них погибли все рюкзаки вместе с палаткой, одеждой и продуктами. Спасибо еще, паспорта и деньги целы, поскольку оставались в карманах курток, то есть при себе, на себе. Вымокли, правда. Теперь сушатся на столе... Значит, что? Значит, надо свертывать путешествие, возвращаться в Москву. Глянули в карту. По ходу движения судна – Углич, ибо они уже вышли из Рыбинского водохранилища в Волгу. Да, вот скоро этот самый Углич, там и сойдем, решили – и на поезд до Москвы.

Однако выяснилось, что их славный «Волго-Дон 201» не намерен там останавливаться, поскольку сухогруз – не пассажирский теплоход и по ходу следования к столичному Северному речному порту стоянка в Угличе не предусмотрена. Дальше в Колязине – тоже. Что делать? Ну, не плестись же

еще день с ночью по Волге и потом через шлюзы по Каналу до Химок? Да и питаться ведь надо – а как? Нахлебничать у матросиков? Неудобно как-то, и так уж всем здесь обязаны...

Ребята думали-гадали, и тут родилась идея: запустить к суровому капитану красавицу Алиску, пусть она поговорит с ним ласково, попросит ссадить их все-таки в Угличе. Алиска, а?..

Алиска натянула на себя высохшую одежду, причесалась и, пожалев, что теперь при ней нет косметички (тоже утопла вместе с рюкзаком!), отправилась в ходовую рубку. Это по металлической лесенке вверх, еще выше, еще, подсказал ей какой-то матрос. Однако там капитана не оказалось. Где? Спит в своей каюте после ночной вахты. И долго будет спать?

На этот вопрос ей не ответили толком, и Алиса попросила показать, где капитанская каюта. Показали. Она постучала и вошла. Капитан сидел на койке и курил, задумчиво глядя в иллюминатор. Медленно повернул скульптурную голову, кивнул и спросил хрипло, почему-то на «ты»:

- Тебе чего, девушка?

- Просить пришла, – ответила девушка. И добавила, смутившись: – Извините. – Воинственно-игривый настрой сразу пропал.

- Просить, это плохо, – без выражения заговорил капитан, давая сигарету в пепельнице. – Девушка не должна просить, девушка должна требовать. Ну, в крайнем случае, баш на баш, то есть дашь на дашь. Садись, обсудим.

Это было как на уроке, когда учитель равнодушно вкладывает знания в пустые головы учеников. Алиса присела на краешек капитанской койки и осторожно спросила про Углич: как всё-таки им сойти на берег, если вообще-то нельзя сойти? Странно или нет, но она тут же услышала – как.

- В Угличе мы не стоим, это правильно тебе доложили. Но тебе не доложили, что мне надо вскорости избавиться от посторонних на судне, а то потом мне припишут, что я кого-то посадил еще в Рыбинске и с них деньги взял. Я этого не делаю, я чту речной устав по правилам перевозок на грузовом флоте. Поняла? Поэтому, да, я вас ссажу в Угличе. Специально для такого случая дам команду спустить спасательную шлюпку где-нибудь за километр до тамошнего порта – и через пять минут твои ребята на берегу. А вот ты... Ну, я же сказал тебе про баш на баш или дашь на дашь. Мой «дашь»: я, не нарушая порядка следования судна, у Углича быстро ссаживаю группу в лодку. Твой «дашь»: ты не ссаживаешься, остаешься и плывешь со мной до Москвы, по Каналу через шлюзы. Поняла? Я хочу тебе эти самые шлюзы показать, тем более ты их никогда не видела. Вот они и будут под вечер, а утром отшвартуемся в Северном порту – и конец рейсу.

Алиса растерялась, но тогда выделила для себя одно:

- А откуда, товарищ капитан, вам это известно – ну, что я шлюзы никогда не видела?

Капитан взялся за новую сигарету. Медленно извлек ее из пачки, медленно доставал зажигалку из нагрудного кармана белоснежной, но помятой рубашки, медленно прикуривал. Наконец изрек:

- А известно мне, во-первых, всё... ну, почти всё, если честно, а что до тебя, так по тебе сразу видно, что ты никогда не шлюзовалась.

- Это как? Что должно быть видно?

И тут капитан улыбнулся. Впервые. Хорошая у него улыбка, оказывается, добрая, располагающая, какая-то умная.

- Значит, так, – сказал, – значит, меня зовут не «товарищ капитан», а Леонид Сергеич, а лучше просто Леонид. А еще лучше - Лёня, но Лёня – это между нами, поняла? А тебя-то звать как?

- Алиса, – покорно вздохнула Алиса. Но тут к ней вернулось самообладание, и она вспомнила, кто она такая, даже когда говоришь со своим сказочным спасителем: - Хорошо, товарищ капитан, то есть Лёня между нами, хорошо, я подумаю. – И, встав, пошла к двери. А там услышала, уже себе в спину:

- Вот и подумай, подумай про шлюзы. Сам капитан будет тебе экскурсоводом. Поняла?

Она поняла. Шлюзы – под вечер и долгим вечером, но потом-то – ночь. А ночью – что, как?

КАПИТАН (2)

Удивительно, но я сразу увидел ее совершенно голый.

Когда застопорили ход и после той возни в море, пока вылавливали лодку и поднимали людей по штормтрапу, а затем переправили всех в кают-компанию, я тоже поднялся туда и, войдя, увидел, как шустрый Сашка Кумарин стаскивает с несчастной девицы джинсы, а затем и трусики, и вот – совершенно голая, мокрая, смешная и трогательная! Вся дрожит, аж трясется, глаза полужакрыты, мокрые волосы прядями, как худосочные дохлые селедки, но – господи! – тело какое! Какая попка, по которой злодей Сашка еще успел хлопнуть всей ладонью, при том хохотнув, конечно! Но тут же кто-то бросил девице тельник, и она влезла в него, скрыв мокрую красоту, поскольку тот тельник оказался ей не про росту длинным, и уже ни грудей, ни плоского животика, ни роскошной попки.

Вот, удивительно, но первое, что я увидел тогда, это то, что она совершенно голая! А оказалось, это моя Алиса. Голая девка. Девка, вылавленная в шторм, оказалась моей Алисой. Алисой не в стране чудес, а на моем судне в ночном Рыбинском море, где прежде при моем тут появлении не то что шторма, даже плохонькой погоды ни разу не бывало. Все двенадцать лет, что я хожу на «Волго-Доне» из Москвы до Нижнего и обратно, а иногда и до Петрозаводска на Онежском. Никогда тут при мне непогоды не случалось, и вот на тебе: дикий ночной шторм, люди (если эти идиоты разумные люди) терпят бедствие, и среди них та, которая, оказывается, моя Алиса. Сначала совершенно голая, кстати, когда я ее толком увидел, то есть не в ночном море, а уже при свете на судне.

Только в тот момент она не видела, что я видел. В тот момент она меня не видела. В тот момент она вообще ничего не соображала.

Но об этом – о том, что (что!) я видел в тот момент, – я ей потом не рассказал. Само собой.

Значит, сначала дрожащий гриб под зонтом (это когда он различил ее в ночном море под лучом направленного с судна прожектора), а потом – совершенно голая (это уже в кают-компании). А теперь, значит, выяснилось, что ее звать Алисой.

«И что ты решишь, дорогая моя Алиса?» – думал капитан Желтков, когда она покинула его каюту. Тебе час на раздумье, не больше, скоро Углич. Сажу твоих чумных дружков, а ты останешься при мне на этот денек, ну и на ночь само собой. Очень мне хочется, чтоб ты осталась – на ночь само собой. У меня, черт, до сих пор перед глазами твое роскошное голое тело. Ну так что? Решайся!..

Так думал капитан Желтков, пока шло время и он занимался своими делами на судне. А тех ребят не видел: небось сидят в кают-компании или на юте и обсуждают свои проблемы.

И что? Если эта Алиса из страны чудес не предстанет вскоре перед капитаном и не скажет «да», то он ни в каком Угличе стопорить ход не будет (и так уж выбились из графика), поэтому пусть вся их компания катится на судне до Северного порта в Химках, только чтоб под ноги не лезли и на глаза не попадались...

Так он решил твердо, но почувствовал, что настроение испортилось. Ладно, посмотрим. Посмотрим, как расписано в его, капитана, небесах... Он поднялся в рулевую рубку, ибо Углич уже возник по ходу, и теперь положено самолично отслеживать прохождение вдоль города по левому борту, слушать по радио переговоры портового диспетчера с вахтенным и рулевым.

Странно, а погода опять наладилась, еще как вышли из Рыбинки, будто вчерашнего ночного кошмара и в помине не было. Небо чистое, ветер слабенький, всё голубеет. Да, большая голубая дорога.

И тут приоткрылась дверь в рубку. Алиса. Он сразу понял по ее глазам: да! Но выражения лица не изменил и выговорил строго:

- Не положено посторонним в рубку на ходу при прохождении населенного пункта.

Она не смутилась, ответила звонко:

- Так сходить пора, уже Углич! – И после короткой паузы, увидев вопрос в его глазах: - Ребята собрались у борта, ждут.

Он понял. Спасибо, девочка, вздохнул про себя. И сказал коротко:

- Да, пора. Скажи им: с левого борта перед кормой. Сейчас шлюпку спустим.

Иди. – И уже вахтенному: - Стоп машина! Спасшлюпку на воду к левому посадочному штурмтрапу!

Алиса уже вышла, а сюда влетел Сашка Кумарин.

- Капитан, – начал быстро, – ты что, зачем стопоримся?

Капитан Желтков подмигнул стармеху (он его все-таки любил, негодяя):

- Пиратов ссаживать будем. На необитаемый остров, где царевича прибили.

- Какого царевича? – явно обалдел Кумарин.

- Докладываю. Царевич Дмитрий, малолетний сынок Иоанна Грозного, в шестнадцатом, кажись, веке... ну и так далее.

- И чё, его порешили? – заинтересовался стармех, но тут же вспомнил о своем вопросе: - Капитан, за что стопоримся?

- Не за что, а за кто. За кого, точнее. За женщину. Понял, Сашка?

Тот ничего не понял, конечно. Однако выделил главное:

- Если за бабу, тогда простить можно многое. Если она женщина...

Дальнейшее капитан пронаблюдал, выглядывая из рубки, чтобы самолично во всем удостовериться. Спустили лодку, парни погрузились, лодка отвалила и через несколько минут приткнулась к маленькому причалу возле порта, потом обратным ходом пошла к судну. Вот и всё. А где Алиса? Ее капитан не

видел сверху. Наверное, у борта за жилой надстройкой. Зато хорошо был виден кремлевский храм спереди и слева, тот самый, где жил-поживал царевич вместе с матушкой, откуда с ним не вышла беда: то ли злодеи-изверги прибили несчастного, то ли он погиб случайно, играя, как гласят летописные хроники, в ножички с приятелями.

Ну ладно, царевич, а вот что Алиса? Впрочем, пусть помается, побродит, посидит, подумает. Еще есть время, еще не вечер, как говорится. Главное, она здесь, на судне. Значит, при капитане. Значит, она решилась. Решилась, что при нем. Это хорошо. Ладно, надо только дать команду накормить девушку, а то ведь и не завтракала небось. Ладно, уж скоро обед, вот и поест вволю...

Большую Волгу и Дубну они миновали уже вовремя, то есть в точном соответствии положенному распорядку следования. Ддя этого пришлось нагонять упущенное в шторм на Рыбинке и возле Углича, то есть прибавить ходу до максимума, до двенадцати узлов, хотя, понятно, шли не порожнем. Ну, не впервой, справились, машина выдержала, «Волго-Дон» - пусть и сухогруз, но теплоход все-таки, резервы имеются.

В шесть вечера, сразу после Дубны, при подходе к первому шлюзу на Канале (он так и называется официально: «шлюз номер один»), капитан отдал всю власть старпому. С шести вечера и до утра, до подхода к Северному порту в Москве (тут он уже только сам). Сейчас капитан желал полностью освободиться душой и телом. Освободился и пошел искать Алису.

Она нашлась на носовом полубаке. Сидела там и глядела на статую Ленина, к которой после выхода из первого шлюза приближался их «Волго-Дон 201». Почти у самой воды на круглом, выложенным крупным камнем постаменте, Ильич внимательно глядел чуть влево, на другую сторону Канала. Капитан Желтков стал рядом, облокотился о край борта. Погода соответствовала: не жарко, спокойно, ветерок поигрывает в Алисиных волосах, разбрасывая в стороны темные прядки. Симпатичная девушка, даже красивая. Сидит, смотрит.

- Извиняюсь, чуть припоздал на экскурсию, первый шлюз уже прошли, – констатировал капитан. – Ты голодная?

- Нет, меня накормили, спасибо, – тряхнула она головкой, пытаясь отбросить с лица непослушные волосы. – А нехорошо опаздывать, капитан! Уговорили девушку и бросили.

Он улыбнулся:

- Больше не брошу. До самого утра.

Теперь она как-то неуверенно повела головой, явно подумав о чем-то своем, конкретном. Он понял. Но заговорил о другом:

- Хороший статуи, правда? Работы скульптора Меркурова, между прочим. Знаешь, вообще тут стояли две статуи – Ленина и Сталина, одна напротив другой, то есть по разным берегам. Однако по распоряжению товарища Хрущева Сталина снесли. А жаль, потому что эти злодеи смотрели друг на друга, а всякие кораблики проплывали между ними, в перекрестье их взглядов. Здорово! А ты сама за кого – за красных или за белых?

- Не поняла, – расширила глаза Алиса, – о чем вы?

- Ну, так в Гражданскую говорили. Красные, белые...

- А, ясно! – Она усмехнулась. – Тогда... тогда я, наверно, за зеленых.

- Теперь я не понял. Это как, за кого?

- Это так. На Западе есть такое движение. Ну, за охрану природы. Это мне симпатично. Поэтому и говорю: я не за красных или белых, а за зеленых. Он покивал. А что, хороший ответ. Если копнуть, то и сам капитан, пожалуй, за зеленых. Правда, не думал об этом, но пусть так.

- А что вы молчите? – услышал Алисин голосок. – Где же ваша экскурсия? Что теперь?

Он спохватился:

- Ага, извиняюсь опять же, задумался малость... Что дальше? Ровно через шестнадцать километров наш ждет второй шлюз, называется Темпы, городок есть такой перед Дмитровом. Потом еще будет мосты... да, подплывем, покажу, расскажу. Ты не голодна, не замерзла?

- Вы уже спрашивали про еду. Не голодна. И не замерзла.

- Молодец. И не устала?

- А с чего сегодня? Сегодня – безделье. Как ребят проводила, хожу, сижу, смотрю.

- Нравится?

- Очень. На корабле нравится, никогда на таком не плавала. Сухогруз, да? Очень красивый, хотя и толстый. И берега красивые. И погода просто прелесть, не то что вчера ночью – и вспоминать страшно.

- Вот и не вспоминай, – как приказал капитан. Потом вдруг опять улыбнулся:

– Это я вспоминать буду – как вылавливал тебя.

- Ну, не только меня, – услышал поправку.

Он не согласился:

- Тебя, тебя. До остальных мне нет дела.

- А что – есть до меня? – любопытствовала Алиса если не тревожно, то как-то осторожно.

- Вот именно. Ты мне понравилась, нравишься. Я человек конкретный: если нравишься, так и говорю. А чего скрывать – не грех это, верно? Да, точно, это не грех. И вообще – что ты такая напряженная? Ты меня побаиваешься, что ль? Не бойся, я человек без криминальных наклонностей... хотя кой-кого прибил бы. Да и прибил бы, но пожалел. Хотя надо было прибить, надо. Ладно, это мужские дела.

- Ну да, от мужчин всё зло на свете, – глубокомысленно изрекла Алиса, на что капитан изрек свое:

- А так и есть, ты права, от мужичья... Ладно, давай о другом, о тебе, пока идем к следующему шлюзу. Расскажи мне о себе, Алиса из страны чудес!

- Да зачем, разве это интересно?

- Конечно, интересно! Ведь должен я хоть что-то знать о девушке, которую выловил ночью в штормовом море и которая мне понравилась.

Алиса опять повела головой, потом задумалась, пристально глядя на проплывающий берег в лесах, а потом начала рассказывать, уже глядя в лицо капитану, прямо ему в глаза. О себе, о родителях, о мединституте, где учится, о предстоящей врачебной практике в Тульской области, где впервые, как и другие студенты их курса, будет работать врачом – врачом! – хотя формально они еще практиканты, то есть не несущие юридической ответственности, то есть под присмотром и контролем местных докторов. Но как интересно, как здорово, да?

Капитан кивал, соглашался: конечно, это здорово, сказал пару раз, а Алиса всё говорила, говорила, но вдруг спохватилась:

- Ой, ну меня понесло, извините! Мы ж на вашей экскурсии, а я о себе, о себе. Всё, молчу, слушаю вас!.. Кстати, – вдруг добавила, – вы тоже могли бы мне кое-что рассказать о себе.

- Да? – удивился капитан. – Я что, тебе тоже понравился?

И тут она ответила просто:

- Да. – Но сразу поправилась: – Чуть-чуть.

Он усмехнулся и вдруг приобнял ее, но легонько, по-дружески, даже почти по-отцовски – в общем, так, что она приняла это спокойно, не повела плечами и даже улыбнулась. Капитан выпрямился, потом присел рядом.

- Ладно, совмещу первое со вторым, то есть экскурсию с рассказом о себе...

ну, не о только себе, но все-таки. Ладно. Только закурю, пожалуй. А ты слушай и смотри. Вот туда смотрю, туда. – И он протянул руку вперед и вправо. – Значит, от второго шлюза, от Темпов, до третьего, до Яхромы, ровно сорок три километра, а наша скорость по Каналу не более двенадцати километров, и значит... значит, до Яхромы нам пилить еще более трех часов, но до Яхромы будет город Дмитров, вот о нем и речь. То есть конкретно не о том городе, а обо всей этой округе, об этой большой голубой дороге местного значения. А эта большая голубая дорога местного значения, которая нынче зовется Каналом имени Москвы, есть зековская дорога, и значит, она не голубая, а черная, поскольку она – дорога в ад. Понимаешь, о чем я?

- Не-е-ет, – тихонько протянула Алиса. Она явно не ожидала такого поворота в его рассказе. Лицо сделалось удивленным. – Это как?

- А так. – Капитан закурил, всей ладонью прикрыв от встречного ветра огонек зажигалки, глубоко затянулся. – Тогда слушай, девочка Алиса. Данная водная артерия, которая прежде называлась Каналом имени Сталина, сотворена заключенными, каторжниками. Они строили Канал четыре года. Это было до войны. Открытие – в 1937 году. Знаменитый год, да? Но еще до знаменитого всё было по-сталински. Создали еще один ГУЛАГ – конкретно Дмитровлаг. Вот дмитровлаговцы Канал и строили. И летом строили, и в морозы. Всегда в грязи, голодные, оборванные, больные, ибо никакой медициной тут не пахло. Заболел – помирай. Мёрли тысячами. Привозили новых зеков. А умерших сваливали в узкие могильные рвы вдоль Канала, по всей его длине.

Сваливали один на другого, не разбирая, прямо с телег, никаких гробов, даже ни во что не завертывали. Сваливали в ров – где подалее в рожице, где прямо вдоль берега. Сотня километров. Смотри, вот мы плывем, сытые и довольные, а вдоль этого берега, вот этого самого, на глубине в пару метров – длинный-предлинный могильник, и там – черепа, черепа, кости, кости. Вот такая тут веселая большая голубая дорога. Понимаешь? Чего молчишь?

Понимаешь, спрашиваю?

Алиса прямо дернулась, отпрянула:

- Вы зачем повышаете голос, Леонид? Конечно, понимаю. Ужас какой, о боже!

- Прости, – кашлянул он и выбросил окурок за борт. – Прости, девочка... А почему ты не называешь меня Лёней, как я просил?

- Хорошо, – кивнула она покорно, – хорошо, буду звать вас Лёней.

- И на «ты», ладно? – совсем ласково попросил он, так ласково, что она даже улыбнулась. Кажется, ей стало спокойно: почувствовала, что и он пришел в

себя.

- Хорошо, – повторила, – Лёня и на «ты».

- Ой, спасибо! – Теперь он вдруг усмехнулся. – Спасибо, ты молодец. Тогда слушай дальше. Нет, сначала посмотри туда. Мосты видишь? Через Канал, арочные. Красота. Их тут три. Это мы подходим в Дмитрову. А вот там... сейчас, да... вон, уже видно, слева, смотри... большой крест, видишь? Это всем здесь погибшим, всем заключенным. Сейчас пройдем мимо, и ты увидишь цифры под ним. Да, уже сумрачно, но ты увидишь. Вот: 1932 – 1937. А сам крест какой-то нетипичный все-таки. Да? То есть простой крест, не такой, как у православных. А почему, не знаю. Может, потому, что среди тех многих тысяч погибших дмитровлаговцев не только православные были... Ладно, девочка Алиса, скоро будет Дмитров, а потом, это еще через часок, Яхрома со шлюзом, это называется «шлюз номер три». Красивое место. И всё бы чудесно, да вот в чем еще штука. Понимаешь, среди тех умерших, погибших, которые этот Канал строили, был и мой дед. Да, был. И сплыл. То есть тоже помер тут. И где-то тут лежат его кости. А вот где – кто ж знает. Где-то. Может, вон там, а может, вот там, на том берегу. Как ты понимаешь, это было еще до моего рождения, а я всё это помню. И каждый раз, когда плыву через Канал, вспоминаю его, моего деда, которого ни разу в глаза не видел, только на старых фотокарточках из маминого альбома. Вот такая история, девочка.

Алиса прижалась к нему плечом, но ненадолго. Как-то само по себе это вышло у нее, непроизвольно.

- И как же вы... как же ты, Лёня, здесь плаваешь? Это ж как... между могил. Это ж кладбище! Как?

Он развернулся к ней, взял за плечи:

- Как? Спокойно плаваю. И очень часто. И хорошо, что часто. Всякий раз тут деда вспоминаю, поминаю в своей каюте. Это хорошо. Никто о нем, кроме меня, уже не вспоминает, ибо все его родные померли, только я остался, потому что и мама, его дочь, умерла три года назад. Я один из того рода. Но видишь, имею возможность часто думать о нем, глядеть на эти проклятые берега. Надо помнить об этом, надо. Не только о моем деде, а вообще **об этом**. Понимаешь?

- Поминаю, – кивнула Алиса. – Правда.

Капитан опустил руки с ее плеч (как отпустил на волю) и резко поднялся с сиденья.

- А я знал, что ты молодец. Не зря ж ты мне сразу понравилась... Ладно, сумерки уж, скоро тьмой накроет, экскурсия подошла к финалу. Остальная часть Канала пройдет без нас. А мы пойдем ужинать, уже пора.

- А куда – ужинать?

- Как куда? Куда все, в кают-компанию, к матросикам, к команде.

- А это удобно, к команде? Ну, мне удобно?

- Тебе со мной тут всё удобно. Тут я капитан, если ты не забыла. А да, еще я твой спаситель. Это ты тоже, надеюсь, помнишь. И ты тут не левый пассажир, а лично при мне. Поняла? Вставай, и за мной, марш!

За столом собралось лишь несколько человек, остальные на вахтах, объяснил капитан, поскольку прохождение шлюзов – дело хоть и привычное,

но очень серьезное, и тут почти вся команда задействована. Однако уже знакомый Алисе стармех был здесь же и по давней привычке пикировался с капитаном. Алисе это даже нравилось – как они перешучиваются, хотя Сашка иногда позволял себе вставить соленое словцо в очередную тираду, за что, в очередной раз же, получал замечание. В ответ Кумарин хихикал ехидно и кивал Алисе: «Ой, опять забыл, это с непривычки, от дам отвыкли-с!» В общем, они валяли дурака, и всем, кажется, было хорошо. Капитан это понимал, а Алиса тоже чувствовала: да, ей хорошо. И совсем успокоилась. Будто она тут уже своя, а не выловленная в шторм девица, потом ставшая случайной пассажиркой. И еще ей нравилось, как сидевшие за столом относятся к капитану. Хорошо относятся, это заметно, просто, но уважительно. И без панибратства, если не брать в расчет шуточки стармеха и всем его «тыканья».

Отужинав, стали расходиться, остались только Алиса и капитан. Он курил и молчал, она тоже ни слова.

- Пошли, – произнес он вскоре, загасив сигарету.

- Куда?

- Ко мне в каюту, куда ж! Пора и спать укладываться.

Она почувствовала, как по спине пробежала волна дрожи.

- Нет, лучше я на палубу, погляжу еще.

Он усмехнулся:

- Боишься? Зря боишься. А на палубе – что? Ветер по ходу, то есть прохладно, это раз, и темень кругом, это два. А ты – погляжу!

– Ну и что, всё равно погляжу. А ветер... так можно сзади упрятаться, на корме за этим... как его?... за такелажем, да?

- На юте, – поправил он. – Нет, все-таки ты боишься, – утвердил опять и опять усмехнулся.

Алиса повела плечами. Потом вскинула голову:

- Да, боюсь.

Он удивился:

- Не понял! Ты мне нравишься, и я тебе нравлюсь. Так же можно бояться? Я тебе не враг, а друг. Любимый друг, ты уже знаешь.

- И ты это серьезно? Прямо сразу любимый? – Она встала из-за стола и медленно двинулась к выходу из кают-компании. Капитан остался сидеть и смотрел ей вслед.

- Попка у тебя красивая, хоть она и джинсах, – проговорил шутливо. – И всё прочее тоже красиво.

Алиса развернулась к нему:

- Лёня, тебе не кажется, что ты...

- Кажется, кажется! – резко перебил он, поднимаясь. – Хватит валять дурочку, Алиса из Зазеркалья. Не хочешь ко мне в каюту, спи на палубе. Других свободных коек на судне нет, все заняты. – Но тут будто вспомнил: – Ладно, сжалюсь. Есть одна свободная, однако временно, до шести утра. Койка в каюте старпома, он сейчас и до утра на вахте. Могу попросить его.

Попросить? Чтоб ты не думала, что я тебя лишь за этим на судне оставил.

- А для чего оставил? – Она не сомневалась, что он лукавит: конечно, для того, чтобы переспать с ней.

Он подошел к ней и обнял, сильно обнял:

- Играешь в «хочу, но надо поломаться»? Ты ведь не такая. Ты другая,

настоящая, редкая. Ты из Зазеркалья, моего. – И сразу отпустил ее, убрал руки. – Уговаривать тебя не буду. Как хочешь. Одно жалко: боюсь разочароваться в тебе. Или даже не в тебе, а в моем волшебном зеркале. – В каком-таким зеркале? – возник искренний вопрос. Нет, как она сейчас ни была напряжена, а этот человек ей интересен. И, черт возьми, мил, да. Капитан тряхнул головой:

- Ладно, пошли на корму, подышим свежим воздухом, как говорится. Если спать не хочешь. А то поднимусь к старпому в рубку, договорюсь, чтоб ты у него в каюте переночевала.

- Не надо к старпому, – решительно произнесла Алиса. – Пошли подышим. Он провел ее на полуют – тут было совсем безветренно. Встали рядом, глядя за корму, в ночь. Внизу шумела вода, можно было различить белые брызги, летящие от винтов. Капитан спокойно обнял Алису, прижал ее спину в своей груди.

- Стой так и смотри. Так ты не замерзнешь, я теплый, очень теплый, почти горячий. – И крепко охватил ее руками, уложив сложенные ладони ей на живот. – Ну, тепло?

Она лишь кивнула довольно. Ей было вправду хорошо. Он мил, он интересен, он не пристаёт к ней – вот, даже в свою каюту не тащит, даже про старпомову койку вспомнил. Нет, достойный мужчина, сильный, опытный... интересно, сколько ему лет? Ну, под сорок, наверно. М-да. А что – и хорошо. И ему, капитану, тоже было хорошо. Она ему нравится. Сильно нравится. Конечно, он хочет ее, но не только. То есть он хочет всего, всей близости – и постельной, и духовной. Хотя, да, она совсем еще девчонка... интересно, сколько ей, студентке? Лет двадцать, наверное. М-да.

Так они стояли молча, он по-прежнему обнимал ее, и она чувствовала спиной теплое, сильное тело. Потом положила ладонь на его руку, которая уютно покоилась на ее животе.

- Слушай, Леня, – заговорила, – слушай, вот что... Скажи мне... Понимаешь, у меня из головы твой рассказ не идет. Про деда твоего. Скажи, за что его арестовали?

Капитан хмыкнул:

- Глупый вопрос, Алиса! Не за что. То есть за то, что был умным. Или – что был интеллигентом. Или – что был честным, прямым, как мне мать говорила. Или за то, что фамилию имел подозрительную – Пепеляев, а такой Пепеляев был очень известным среди белых, его расстреляли. В общем, было за что. А так – не за что. Понимаешь? За то, что он не вписывался в сталинскую картину жизни. Но в сталинской картине жизни такие, как мой дед, тоже исполняли определенную, очень нужную роль. Какую? Быть рабом. Членом ГУЛАГа. Дармовой рабочей силой. На костях которых сложен сталинский социализм. Понимаешь?

- Понимаю, – кивнула она. – А кем он был до того, ну, до ареста?

– Морским офицером был. Также капитаном, только военным. На Балтфлоте. Командовал отрядом минных тральщиков. А проживал в Питере, с женой, то есть моей бабкой, и моей будущей мамой. Потом его перевели в Москву, уже в звании капитана 1-го ранга. А почему из Питера в сухопутную Москву, не знаю. В общем, он переехал с семьей, и в 35-м его арестовали. Дальше – Дмитровлаг, и всё. Как в той известной песенке: «Жил отважный капитан». Жил – и сгинул, но уже не в песенке... Вот такой мой дед – морской волк.

Алиса помолчала. Потом спросила не без иронии:

- А ты кто, Лёня? Речной волк, да?

Он удовлетворенно кивнул:

- Именно! Ты молодец.

- А как это вышло? Как ты стал речным?

Капитан Желтков разжал руки, повернул Алису к себе:

- Тебе что, и впрямь интересно? Чудеса в решете! Нет, чудеса от Алисы в стране чудес... Ладно, расскажу. – И опять прижал к себе ее спину, опять обнял. – Я окончил речное училище в Горьком, то есть в Нижнем Новгороде. Имени Кулибина, между прочим, Ивана Петровича, нижегородца.

Известнейшее заведение еще с до революции. Вот и стал речником по курсу капитанов вождения судов. Кстати, там, в училище, я и с Сашкой Кумариным познакомился, стармехом нашим. Только он туда поступил сразу после армии, а я после армии еще несколько годков матросом на таком же судне отработал. А Сашка, он нижегородец, после училища в Сормове болтался, на какой-то мелкой хреновине по Волге и Оке ходил. Это уже потом, когда я пару лет отплавал капитаном, то на свой «Волго-Дон» его перетащил. Теперь он москвич, как и я. Вверней, он подмосквич, поскольку прописан в области, в Химках. Но я-то москвич с рождения, а он по лимиту министерства речного транспорта, есть такая знатная организация. Вот и вся моя биография. Ну, если коротко и формально.

Но был еще вопрос, который интересовал:

- А если коротко и формально, то ты женат?

Он ответил сразу же и как-то печально:

- Нет, не сложилось. Хотя женщины были, конечно. А почему не сложилось?

– И тут уже не печально, а, кажется, играя: – А всё тебя ждал! Мою Алису из страны чудес! Утопленницу из ночного моря... А зачем ты всё это выпрашиваешь – про меня, про мою жизнь? Я тоже тебе понравился, да? Ну-ка, отвечай! Впрочем, я тебе уже задавал этот вопрос, и ты, помню, ответила «чуть-чуть». Так что – чуть-чуть? Или много-премного?

Алиса легонько высвободилась из его рук, повернулась к нему и заговорила в глаза:

- Ты умный ведь, да? Я тебя меньше суток знаю. И как же девушка после такого мизерного срока может понять, что у нее в душе?

- Это смотря какая девушка, – был ответ. – Ты тоже умная, могла бы и разобраться уже.

- Видишь, не разобралась пока. Или не такая уж умная.

- Достойный вывод, самокритичный. Не замерзла?

- Нет.

- А я спать хочу, кажется. Ночь, а завтра мне в шесть утра сменять старпома в рубке. Пошли в каюту. Пошли, Алиса, и ничего не бойся, я с тобой, я в тебя влюблен, а разве любимым делают плохо? Да и ты в меня влюблена – значит, веришь. Пошли.

Не знаю, что на меня нашло там, в каюте. Вдруг. Я такого не планировал, правда. О чем-то мы поговорили минут пять, и вдруг... Да, что-то на меня нашло. Я повалил ее в койку, стал целовать, жарко целовать и стаскивать с нее одежду. Резко, сильно. А она сопротивлялась. А я

продолжал. И это я делал с ней, с ней, моей Алисой, моей драгоценной девочкой! Какой же я гад все-таки. И не мог остановиться, уразуметь, что с ней так нельзя, да и вообще так нельзя. Вообще – да, но с ней-то, с ней и подавно! Это же моя Алиса, из моего Зазеркалья, которую мне подарило ночное море, а море на Рыбинке всегда при мне было спокойным, всегда, но вот вдруг: шквал, шторм – и она! Приплыла прямо в руки, подарок моря, моего вечного зеркала. Это – Алиса, девочка из страны чудес, из моего «оттуда» – а я, а я! А я – решил взять ее силой. Да нет, не решил, это вышло помимо разума, помимо меня. Правда, я не вру.

Она сопротивлялась, молча, тяжело дыша. Ни стоны, ни крика. Просто пыталась отнять от себя мои руки, увернуться, лечь на живот. А я стаскивал с нее куртяшку, кофту, потом джинсы. Даже вспомнил в тот момент, что вчерашней ночью почти так же с нее стаскивал эти джинсы Сашка Кумарин, джинсы и потом трусики, но вчера они были мокрыми, прилипшими к телу, а теперь... Теперь они сползли быстро. И вот – она, опять голая Алиса, мое чудо, которое я увидел вчера, голое чудо, только тогда ей помогали снять одежду, а сейчас срывали, против ее воли. Потом я лег на нее, придавил собой, сжал ее руки, чтоб она не хватала меня за волосы на затылке, не дергали их, и... и оставалось сделать последнее. И я это сделал. Я пошел в нее, и тут она сразу затихла. Ближайшие минуты она лежала недвижно, как статуя. И, кажется, почти не дышала – во всяком случае, я этого не слышал. А вот я дышал тяжело, потому что здорово запыхался, пока раздевал ее, усмирял, сковывал ей руки и ноги... Потом я отвалился на спину, и стало мне горько. Да-да, вот именно тогда, после завершения, так сказать, процесса, мне стало горько, ибо я наконец всё понял. Что фактически изнасиловал ее. Кого? Мою Алису!

И тогда... О господи, и тогда... Она уже лежала на животе, отвернувшись от меня и всего мира, но вот, повернулась на бок, лицом ко мне, и обняла, прижалась.

- Запыхался, капитан? Бедненький! – рассмеялась тихонько. – Ты понимаешь, речной волк, что взял меня силой? Можно сказать, изнасиловал... А может, ты правильно сделал, не знаю. Но всё равно это нехорошо, гад ты плавучий!

- Значит, ты любишь меня, – понял я, – значит, любишь, если прощаешь.

- Значит... значит, что-то в этом роде, – вздохнула она и вдруг стала меня целовать. Приподнялась на локте и принялась обцеловывать мне лицо – лоб, нос, щеки, губы... Такого со мной не было никогда. Короткие, быстрые поцелуи, и так несколько минут. Такого со мной не было никогда.

АЛИСА (2)

Июль в Новомосковске выдался отличный: солнечный, даже жаркий, но с периодическими грозами, так что от зноя особо не страдали. Работали в своей Центральной больнице, переходя из терапии в хирургию, а оттуда в акушерство-гинекологию, по три недели в каждом отделении. В общем, врачебная практика по трем основным специальностям. Кто-то из студентов

желал бы попробовать себя, скажем, в неврологии или офтальмологии, но это, объяснили им, уже более узкий профиль, это после пятого курса института, а сейчас они лишь после четвертого. Поэтому Алиса, выбравшая для себя в будущем именно офтальмологию, немного мучилась, пока проводила дни в хирургии и акушерстве-гинекологии (к этим дисциплинам совсем не лежала душа), а что до терапии, то это ладно, это еще вполне. Да и вообще всё хорошо: практиканты особо не уставали, на ночные дежурства их не ставили, и после четырех дня уже полная свобода. А главное, у всех отличное настроение, и у Алисы тоже, потому что с ребятами полный контакт, нормальное житье-бытье и совсем не скучно в чужом городе, хотя они проводят время только в своей компании, никакого общения с местной молодежью.

О последнем подробней. Их, приехавших из столицы студентов, с самого начала предупредили, что вечерами не стоит посещать кафе, кинотеатры и особенно танцплощадку в горпарке, и вообще лучше не выходить в город, когда стемнеет. Объяснили почему: полно хулиганья, зачастую драки, поножовщина, попытки изнасилования. Да они и сами вскоре убедились в том, что здесь, в отягощенном генами уголовников городе Новомосковске, всяческих правонарушений предостаточно. А убедились просто: в больнице было травматологическое отделение, и каждое утро на общеврачебных конференциях они слышали доклады дежуривших ночью докторов о новых поступлениях по «скорой», о диагнозах и состоянии пострадавших. К тому же в глубине больничной территории располагался морг, из которого тоже поступали сведения о доставленных туда убитых и с какими ранениями. Иногда просто оторопь брала. Короче говоря, о гуляниях вечерами по городу или о посещении значных мест не было и речи. Сидели у себя, то есть дома. Теперь об этом самом доме.

Их разместили в пустующей по причине летних каникул школе, которая находилась почти на окраине города, у леса, зато в десяти минутах пешком от больницы, что было очень удобно. Освободили большую классную комнату (это для четверых парней) и комнатку поменьше, кажется, пионерскую (для Алисы и другой студентки), поставили туда кровати по числу прибывших, тумбочки, пару шкафов для одежды, стол со стульями. Всё это на первом этаже. Показали, где крохотная кухонька с газовой плитой и, само собой, туалеты с раковинами, а вот что до душа, то такового в школе не оказалось, поэтому принимали его у себя в больнице, и сколько угодно, хоть каждый день.

Обустроились – и вскоре пообвыкли. Белье чистое (его меняли раз в неделю), по пути из больницы – несколько магазинов, где покупали необходимое для скорого завтрака и долгого ужина, после которого – посиделки под гитару или прихваченный из Москвы магнитофончик. Так проводили вечера, и совсем не скучно им было. А обедали в больничной столовой (кстати, очень дешевой, что немаловажно для студента).

Развлекались ли? Понемногу: после работы, то есть еще в светлое время, посещали ближайший кинотеатр (удивительно, но тут показывали то, чего не увидишь в Москве – например «Рублёва» Тарковского или итальянских неореалистов, Антониони и Феллини). А по воскресениям ходили на большой пруд возле горпарка, где с удовольствием купались и загорали, валяясь на травке у воды.

Вот такой расклад в течение полутора месяцев. И настроение у Алисы оставалось хорошим, ровным. Читала вечерами, болтала с ребятами, переписывалась с родителями, изредка звонила им с почты. А Лёня, который «отважный капитан»? Думали ли она о нем? Думала, и довольно часто. Но как-то спокойно, без тоски или удивления. Да, было на «Волго-Доне», было. А что же было? Ну, не о самом факте речь (это ясно, хоть и странно до сих пор), а о том, что осталось в душе. Думала, пыталась разобраться в своих чувствах, но как-то безрезультатно. Вдруг получила от него письмо (хотя почему «вдруг»: сама же подсказала ему, как писать ей на Новомосковск, когда при прощании в Северном порту после той самой ночи он выразил такое желанье). А еще они обменялись московскими телефонами, но вот звонить ему отсюда она не собиралась, поскольку такого желанья не возникало. Да если б и возникло, то зачем звонить – ведь он, скорее всего, опять поплыл по своей большой голубой дороге.

Короче говоря, капитан существовал в душе, однако где-то на ее периферии, если таковая у души имеется. А что до его, как он выразился в письме, несовершенства (намек на сумасбродное поведение той ночью), то, конечно, она его простила. Да и виноват ли он в самом-то деле? Ведь это она, Алиса, сначала не сошла вместе с ребятами в Угличе (почему, а?), осталась на судне, а затем, уже под ночь, пошла за капитаном в его каюту, пошла, хотя могла переночевать в пустой старпомовой каюте, как ей предложили. Кто ж виноват? Уж не он, мужчина... Так что, решила Алиса, на нем вины нет. И вообще дело не в нем, а в ней. Любит ли она его, вот в чем дело, вот вопрос. Скорее, все-таки нет. Если б любила, то хотела бы его, мечтала о новой ночи, о близости, о его сильном теле. А она... нет, пожалуй, такое желанье ее не томит.

Однако иногда ловила себя на странном чувстве: на жалости к нему, капитану, причем какой-то почти материнской. Действительно, странно – ведь он старше ее лет на пятнадцать, а то и двадцать. И все-таки... Одинокий он, капитан. Дед погиб в ГУЛАГе, недавно мама умерла. Только отец остался, но они живут в Москве по разным домам, как стало известно. И что его, капитанова, жизнь? Плавает туда-сюда по Волге, до Нижнего или Казани, или до Петрозаводска на Онеге. Живет один, так и не женат, ну, какие-то временные женщины, наверно, вот и всё. Плавает, возит грузы на сухогрузе – лес, зерно, уголь, что-то еще. Так он рассказывал. Туда-сюда. Большая голубая дорога. Вот его жизнь.

Событие случилось ближе к концу июля, за неделю до окончания новомосковской практики. Наверное, они все-таки расслабились, потеряли бдительность, предвкушая скорый отъезд в Москву.

В то воскресенье, как обычно, всей компанией отправились на пруд, купались, загорали, играли в карты, дурачились. К ним подошли какие-то местные парни в плавках, крупные, развязные, явно немного поддавшие, с бутылками пива в руках. Галантно попросили присесть рядом. Ну, не скажешь же – извините, мы сами по себе! Вот они и присели, зыряка на девушек. А девушки симпатичные, в купальниках, есть на что посмотреть. Стали перешучиваться. Гости осмелели, поэтому естественный вопрос: может, примите сыграть в картишки?.. Ну, опять же: как откажешь, вроде

неудобно. Стали играть, один кон, другой. Потом кто-то из своих ребят пошел в воду, за ним еще один. Вернулись. Опять карты, всякие разговоры со смешками. Выяснилось, что эти местные – после армии, двое работают на химкомбинате, а третий нигде не работает, и не хочет работать, валяет дурака. «А вы кто, нездешние, кажется?» – и взгляды на девушек, будто этот вопрос адресован только им. Кое-что узнали: что из Москвы, что тут на практике в больнице. А почему вас не видать в городе вечерами?..

Ну и как от них избавиться? Вот именно – как? Один из своих ребят опять шепнул: «Пошли домой!» Да, другого выхода нет – к себе, в школу. Стали собираться-одеваться, местные парни поднялись и отошли к каким-то своим приятелям, сидевшим неподалеку. Думалось – слава богу, но оказалось, это они лишь для того, чтобы натянуть одежду. Нагнали, пошли рядом. По дороге выяснили, где студенты-практиканты живут. Довели до самой школы, приглашали вечером на танцы в горпарк и вообще выразили надежду, что еще увидятся, что надо продолжить знакомство. Расстались вполне мирно. До вечера, то есть до танцев в парке! - утвердили парни и помахали на прощанье. Вот и всё вроде бы.

В школе друзья-приятели стали пенять девушкам: «Ну, не можете вы без кокетства! М-да, женщины есть женщины, хоть ты тресни! Намекнули же вам сразу: давайте одеваться – и домой. А вы – неудобно, невоспитанно!» – «Да ладно, ничего не произошло, хватит, мальчики, всё кончилось, потрепались и разошлись!» Вот такой разговор. И ведь действительно, ничего не случилось, расстались мирно. Теперь можно заняться своими делами, потом сходить в ближайшую столовую (по воскресеньям обедали где-то в городе, а в будни – у себя в больнице). В общем, обычный распорядок.

Так и было до самого позднего вечера. Поужинали, и чай еще раз попили, и девушки уже собирались уйти в свою комнатку, чтобы укладываться, – и вдруг громкий стук в окно. Посмотрели: в окне – тьма, но все-таки видна чья-то физиономия. И слышны громкие голоса, смех. Пригляделись – там вся дневная компания, но тех было трое, а тут уже человек пять. Размахивают руками, гогочут – дескать, впустите хороших людей, мы вина притащили, посидим, выпьем, чего ж вы на танцы не пришли, не уважаете нас, москвичи, нехорошо это, нехорошо!

Вот тут Алиса похолодела, потому что сразу вспомнила жуткие случаи по больнице. Да и остальные зажались. Перед ними – молодые сильные самцы с криминальной наследственностью, к тому же несомненно пьяные. Что делать? Впускать нельзя, а телефон в школе хоть и есть, но он в закрытом на ключ директорском кабинете, так что в милицию не позвонишь. Что делать? Один из ребят, негласный лидер их группы, Костя Гастев, понял, что обязан что-то предпринять. Ну да, он лидер, значит, именно он. И сказал:

- Спокойно, братцы! Вы сидите тут, а я к ним выйду, попробую договориться, скажу, что девушки легли спать, да и мы ложимся, так что пить сегодня уже поздно, утром нам на работу в больницу, давайте перенесем встречу на завтра.

- Ага, – урезонила упрямая Алиса, нервно усмехнувшись, – и они тут же уйдут! Не дожدهшься, Костя!

- Я попробую, – повторил не менее упрямый Костя. – Только сразу же, как я выйду из подъезда, закройте за мной входную дверь на щеколду.

Помолчали пару секунд, вслушиваясь в громкий говор за окном и новую

барабанную дробь по стеклу. И Алиса решилась:

- Пойдешь не ты, а я. Тебя они избьют со злости, а с девушкой можно договориться. Я им намекну, что... ну, что приду завтра вечером на танцы, например. А завтра они уже протрезвеют.

- Ты глупая, Алиска! – тряхнул головой Костя. – Сиди тут, я пошел, поняла!

- Нет, это я пошла, а ты сиди тут, понял! – И она двинулась в коридор.

Важная деталь: Костя Гастев был не только их лидером, он давно и нежно ухлёстывал за Алисой, хотя и безуспешно. Но надеялся. И не странно, что он всерьез взревновал Алису к капитану после вынужденного плавания на «Волго-Доне» и, главное, после ее странного поступка (бросила своих из-за каких-то шлюзов, если это не отговорка, конечно!). Поэтому всегда ехидно поминал капитана, однако старался обращать свои тирады в шутки, ибо кто их спас тогда, в море на Рыбинке? Вот именно.

Ладно, сейчас не о том. Сейчас, глухой ночью на окраине города с дурной репутацией, почти у самого леса, Костя Гастев не мог оставить обожаемую Алису один на один с чужими пьяными парнями. Он нагнал упрямыцу в темном коридоре и коротко сказал: «Я с тобой». Она ответила: «Нет, я сама!», но он уже сбросил щеколду с входной двери...

Финал этой короткой истории вышел почти трагическим. Слава богу, почти. Назавтра в середине дня Костю Гастева переправили по санавиации из новomosковской травматологии в Тулу, в тамошнюю нейрохиргию (в Новomosковске оказался небольшой аэродром, а до Тулы на АН-2 всего пятнадцать минут лёту). В нейрохиргии ему сделали трепанацию черепа и, найдя гематому в субдуральном пространстве (то есть между оболочками мозга), убрали излившуюся туда кровь. Два дня он провел в реанимации и теперь помаленьку выздоравливает, ибо, кроме сотрясения мозга, никаких органических последствий черепно-мозговой травмы, у него, по счастью, не выявили.

А Алиса тоже до сих пор в больнице, в своей новomosковской, в травматологии. У нее перелом ребра, многочисленные ушибы и неглубокие раны на голове и теле. Лежит перевязанная. То еще зрелище! Но, как говорится, жива, и тоже выздоравливает потихоньку, хотя голова еще кружится, и ей запрещают вставать, однако она это втихаря делает, когда приспичит. Помимо наблюдающих за ней докторов отделения, которые сдувают с нее пылинки, она еще в приемном покое подверглась осмотрам невропатолога и гинеколога, но последняя врачиха следов изнасилования не обнаружила. И это верно, поскольку каким-то чудом Алисе удалось избежать сексуальных контактов, несмотря на серьезные попытки нападавших совершить их. А вот любимые ее джинсы пострадали здорово, и как раз на них-то следы мужской похоти имели место, поэтому потерпевшая, узнав об этом, безгласно попросила выбросить их к чертовой матери.

А из числа тех парней-преступников милиция нашла и арестовала троих, уже назавтра. Остальные двое скрылись. Как пытались скрыться и их дружки, когда драпанули от школы и из леса, увидев подъезжающий милицейский «уазик». Вот это и спасло Алису Пивоварову от изнасилования, а ее воздыхателя Костю Гастева от смерти. Впрочем, благодарить надо еще и их студента-приятеля, который, услышав крики у входа в школу, выпрыгнул в

окно и понесся к ближайшему телефону-автомату, чтобы набрать «02».

Алиса лежала в своей травматологии. Голова еще кружится, ребро не зажило, перевязки всякие. Но больше всего беспокоило следующее: через неделю, когда закончится практика, выпишут ли ее наконец, и, главное, заживет ли физиономия, а то мама с папой, увидев, в обморок грохнутся. Потянулись скучные дни. Как же это, оказывается, противно – лежать в палате на больничной койке! Приходя сюда врачом, об этом не думаешь. Вот и подумай, будущий доктор!

Естественно, каждый день забегал кто-то из своих. Вместе переживали за Костю Гастева, который в Туле. Слава богу, что всё обошлось, но выпишут его еще через пару недель, как они узнали, позвонив туда. И решили, что по окончании практики поедут в Москву именно через Тулу, чтобы навестить друга в тамошней клинике. А может, удастся забрать его с собой, если врачи дадут «добро». Что ж, посмотрим, остается ждать.

Алиса ждала, скучая. Через день-два всё надоело: читать, валяться, ходить на перевязки, болтать с соседками по палате. Спасибо, разрешили выбираться на воздух, в больничный парк, полчаса посидеть на лавочке. Но потом – опять в палату, на опостылевшую койку. То рентген завтра, то опять анализы, то опять должен осмотреть невропатолог. Ладно, ничего не поделаешь!..

Она пошла к заведующему отделением, попросила разрешения позвонить из его кабинета в Москву родителям. Тот сказал, что завтра по пути на работу зайдет на почту и купит для нее талон на междугородний разговор. Хороший дядька, спасибо!.. Назавтра позвонила, уже попозже вечером (ключ от кабинета ей оставили – еще раз спасибо), и как ни в чем не бывало, самым лучезарным голоском, поговорила с мамой и затем с отцом. Ну хорошо, это она сделала, они спокойны за драгоценную дочь в чужом городе.

Вернулась к себе в палату, легла, а сна нет, хотя вот и ночь уже. Бессонница. Одиноко-то как! Своих нет рядом. Друзья-приятели – дома в школе, мама с папой – в московском доме, а она тут, она совсем одна, ибо без своих, без родных душой. И тут вспомнила капитана, Лёню. Вдруг. Господи, ну конечно, вот кого ей не хватает! Именно его – не ребят своих, не родителей, а именно Лёню. Почему так, почему именно его? Не знаю, подумала, не знаю, но почему-то хочется, чтобы именно он сейчас оказался рядом, обнял со спины, прижал к теплому сильному телу, как тогда на «Волго-Доне», когда они стояли на этом... как его, на полуюте и глядели за корму в темную ночь, и Лёня ей рассказывал, рассказывал – про деда, кем тот был до ареста, потом про себя, потом про этого смурного, но хорошего Сашку Кумарина, стармеха. Господи, как же было чудесно тогда, той ночью на судне, а она, глупая девочка Алиса, этого еще не понимала, не чувствовала – как это чудесно! Нет, не совсем так: ей было хорошо с ним, капитаном, спокойно, ну как за каменной стеной, ну будто он ей уже родной, и потому она и пошла за ним в его каюту, и потому тогда, после его, так сказать, силовых действий, не винила его, а, напротив, дурачиться захотелось и целовать его, целовать. Лёня, дорогой мой, где ты, как же тоскливо без тебя!..

А кстати, внезапно дошло до нее сейчас (когда в голове промелькнула эта картина – капитан и она в его каюте), кстати, в течение этого лета ее, Алису,

дважды пытались изнасиловать. Дважды! Что за рок, прямо мистика какая-то! В первый раз – Лёня (и удачно), во второй – эти ублюдки, но неудачно, слава богу, вовремя подоспели менты, уже когда ее притащили в лес, бросили на землю и, избивая (она сопротивлялась, как могла), срывали с нее одежду и пытались, да, пытались... а напоследок, перед тем как драпануть, несколько раз ударили ногами по голове и голой груди, и она потеряла сознание, но, кажется, ненадолго. А пока это длилось, двое других избивали у школы Костю Гастева, причем какими-то железными прутами, как потом стало известно.

Да, вот такой бред собачий: две попытки изнасилования с перерывом в полтора месяца. Две – ее, Алисы! Это что?

И она рассмеялась тихо. Действительно, больше делать нечего – только смеяться! Ну ладно, всё: было – и прошло, было – и забыла. Скоро выпишут, она вернется домой в Москву, потом еще месяц каникул, а в сентябре – в институт на пятый курс. Всё хорошо, даже чудесно.

Всё хорошо, даже чудесно, но... но (опять заныло в душе) нет Лёни. Сейчас нет Лёни. «А я хочу, чтобы он сейчас был!» – будто кто-то крикнул там же, в душе... Алиса хотела повернуться на другой бок, но, вспомнив про незажившее ребро и запрет спать на левом боку, вздохнула и улеглась на спину. Уставилась в невидимый во тьме потолок. И утекла мыслями – куда? Туда же, к Лёне. Вот он в своей рубке на корабле, вот он обнимает ее, вот говорит, говорит, а она смотрит на него, на его лицо, которое будто скульптурный портрет... Он говорит, а она слушает, только еще не знает, что любит его. Сейчас знает. Потому что хочет быть с ним, потому что хочет повторения той самой ночи... И как же это так, вдруг явилась ей удивленная мысль, как же все прошедшие дни, как же еще вчера – вчера! – она не хотела его? Ну, не возникала в ней эта тяга, это желанье интимной близости с ним! А сейчас – хоть кричи... Это как же так? Что за метаморфоза в организме? Опять стала думать о нем. И *так* думать – впервые. Например: вот сейчас у него очередной рейс, потому что сейчас навигация, а вот когда навигация закроется, поздней осенью и зимой, что он, капитан, делает, чем занимается? Интересно. И вообще, где он живет в Москве, как живет – ну, кроме того, что один, это ей известно. И кто его отец? И какие у него, Лёни, интересы, что читает, любит ли спорт, конкретно теннис, как она? Любит ли музыку, как она? Интересно. Хорошо бы, если б и он это любил, хорошо бы... Как, оказывается, приятно думать о нем. Как, оказывается, приятно его хотеть!

И, будто обмазавшись в меду этого своего «оказывается», она заснула.

Следующий день. Утром – тот же больничный распорядок: туалет, дрянной завтрак, врачебный обход, посещение перевязочной, процедуры. Скучно, но теперь было о чем постоянно думать, о ком и чем мечтать – о Лёне, о близости с ним. Потом полчаса на лавочке в больничном парке, трёп с зашедшими к ней ребятами, потом обед, после которого опять опостылевшая кровать, ибо в отделении тихий час. Алиса лежала, по привычке уставившись в потолок, и опять думала о Лёне, рисовала себе разные сладкие картины, но время от времени, очнувшись от грез, вздыхала, потому что опять то же: одна, без него! Теперь это стало мучить, даже

раздражать. Разлука – как это, оказывается, мучительно! Тоска. Так и в депрессию впасть можно. Значит, поняла, надо что-то сделать.

Она поднялась, вышла в коридор и с сестринского поста позвонила в терапию, где сейчас работала подруга по группе. Ту подозвали, и Алиса попросила ее в конце дня заскочить к ней в травматологию, есть дело. Через час встретились, и вот какое задание получила подруга: в их комнатке в школе, в Алисиной тумбочке, найти ее записную книжку, там на букву «К» найти и записать номер телефона капитана Леонида Желткова, потом, уже завтра перед работой, зайти на почту, позвонить ему в Москву и сказать, чтобы он приехал сюда, в Новомосковск. Только никаких подробностей про случившееся! Только попросить его приехать сюда, потому что Алиса очень соскучилась. Да, и ребятам ничего говорить не надо, предупредила напоследок. Договорились? Договорились.

Назавтра с утра – мучительное ожидание, но когда подруга явилась – понятное разочарование: московский телефон Леонида Желткова не отвечал, хотя подруга звонила ему с почты дважды, с перерывом в час, оттого и в больницу опоздала. Ну да, ясно: наш «отважный капитан» в очередном рейсе, да и вообще, может быть, плавая туда-обратно по своей большой голубой дороге, он об Алисе и не думает. Это она себе всё напридумала, выдумщица, мечтательница влюбленная!..

И расстроилась – хоть плачь. Упала в кровать и так валялась до обеда. После него – то же. И вдруг увидела капитана.

Верней, сначала краем глаза она заметила, что кто-то вошел в палату, кто-то в халате. Ну, один из докторов, решила, потому и не среагировала. Но когда он склонился над ней...

Он улыбался, и то, что он такой – в белом халате, а не в капитанском пиджаке, без своей роскошной фуражки, – она просто не ожидала и в первую секунду почти не узнала его, но эта улыбка на загорелом, обветренном лице, эта улыбка и веселые, какие-то игривые глаза!.. Алиса резко присела в кровати, коротко охнула (от секундной боли в груди, где раненое ребро) и обняла его. Обняла за шею, да так сильно, что чуть не повалила посетителя на себя.

(ИЗ ДНЕВНИКА АЛИСЫ)

Я тут же сказала, что сейчас мы выйдем в парк, а там, на лавочке, уселась ему на колени, прижалась и попросила, чтобы он обнял меня, но осторожно, не сильно (чертово ребро!). А плевать мне, что в тихий час нельзя выходить из корпуса! Плевать мне, что сижу на коленях у мужчины! Это мой мужчина – что хочу, то и делаю!.. И спросила: «И как тебе моя покоренная рожка?» Он долго целовал меня и повторял: «Твое личико всё равно даже лучше, чем у Гюльчатай!» Ну, если так, тогда ладно. Потом, конечно, надо было вызнаться, как он нашел меня, как и почему вдруг объявился. Вот что я узнала:

- Ну, ты же сама дала мне свой адрес, когда мы прощались в Северном порту: Тульская область, город Новомосковск, центральная больница. Да я тебе и письмо на этот адрес отписал пару недель назад. Получила? Так что ж спрашиваешь?.. Ладно, дальше. Дальше так.

Значит, сегодня рано утром мы пришвартовались после рейса, встали под

разгрузку у причала с портальными кранами, я сдал документацию – и всё, свободен, можно двигаться к дому, на судне теперь будет другая команда – портовиков. Следующий мой рейс через неделю, в Петрозаводск поплывем... Приехал домой – пусто, тихо, и вдруг понял: тебя не хватает! Знаешь, как-то остро понял: хочу быть с тобой, прямо сейчас. Вот такая хреновина с упёрно-холостым капитаном!..

Позавтракал, позвонил в справочную и выяснил, что в твой Новомосковск нужно ехать с Курского вокзала, и почти через три часа – там. Собрался, схватил такси, и на вокзал. В обед был уже здесь. Дальше – в твою больницу. А вот здесь интересно!

Стал тебя искать, а мне говорят: идите к главврачу, то есть к его секретарше, она в курсе, по каким отделениям распределены московские студенты-практиканты, кто где сейчас. Вот я к ней и пришел, задаю вопрос. Она: а кто вы этой самой Пивоваровой? Я спокойно уселся на стул рядом, снял фуражку, представился по всей форме и потом говорю: «Я ей, Алисе Пивоваровой, то ли дядя, то ли старший брат, то ли, черт возьми, старый любовник из столицы» – и подмигиваю. Она, знаешь, сначала обалдела, а потом вдруг рассмеялась: «Ну, вы даёте, товарищ капитан!» Но тут загасила улыбку, посерьёзнела и сказала... в общем, сказала, что сейчас ты лежишь в травматологии в связи с легкими ушибами... да, неудачно упала бедная девочка, но в целом всё хорошо, на днях выпишут, так что не стоит волноваться. Конечно, я тоже обалдел и спрашиваю: где это самое отделение, как мне туда пройти? Она заговорила про то, что вообще-то сегодня не положено, сегодня не день посещения больных, но сняла трубку, набрала номер и, дождавшись ответа, сказала командирским тоном: «Сейчас к вам капитан дальнего плавания поднимется, моряк, он срочно из Москвы приехал, пропустите его к больной Пивоваровой». Потом мне: «Второй корпус налево по ходу, третий этаж, скажете, я звонила. Идите». Я сердечно поблагодарил и даже не стал ее разочаровывать в том, что я не моряк, а речник... Вот так я и нашел тебя, моя Алиса, мой дрожащий гриб под зонтом из страны чудес... Ну ладно, теперь твоя очередь рассказывать, что тут с тобой произошло?

Я стала отмахиваться – дескать, ерунда, – но он настаивал, и пришлось набрехать немного: возникла ссора на улице с местными парнями, крики, мелкая потасовка, меня толкнули, упала неудачно – лицо разбила, и еще оказалось, трещина ребра, вот и уложили на несколько дней в больницу. Леня покачал головой:

- Врешь поди?

- Я? Тебе? Никогда! Я честная девушка... нет, кристально честная, у кого хочешь спроси! – Мы оба посмеялись, и тут меня прорвало: – Лёня, дорогой, прошу тебя! – И обняла его, опять прижалась. – Нет, даже не прошу, а умоляю: возьми меня отсюда, прямо сейчас, возьми с собой в Москву, я хочу с тобой, к тебе, понимаешь? Понимаешь, я тут без тебя... мне без тебя... о господи, я хочу с тобой, я хочу тебя, понимаешь?.. Сходи к заведующему, попроси его, чтоб он меня сейчас выписал. Лёня, ну?

Он ответил так:

- Ты молодец, ты стала толково мыслить, особо про «я хочу тебя». Это вдохновляет. Успокойся только. После таких слов честной девушки любой

здравый мужик выполнит любую ее просьбу. Поэтому я на крыльях лечу к заву. Где его кабинет и как его звать, кстати?

Мы вернулись в корпус на свой этаж, и Леня пошел в кабинет заведующего. А я присела на диванчик в коридоре и стала ждать. Долго ждала. Наконец он вышел, сел рядом.

- Значит, так. Всё прекрасно, но с деталями. Первое, неглавное: ты мне чуток наврала, конечно, про свои ранения, но это для любой женщины вполне нормально – врать, поэтому прощаю. Теперь второе: он выпишет тебя завтра, потому что сейчас уже конец рабочего дня, скоро вечер, почти все разошлись, а надо выписку подготовить, заверить ее печатями, поставить в известность какого-то больничного начальника, который тут ответственный за вашу практику и, кстати, договориться с ним, чтоб он тебе эту практику засчитал, несмотря на твой несколько преждевременный отъезд завтра. Но это ерунда, завтра всё сделают, не бери в голову. И завтра же мы с тобой уедем – ага, ко мне домой, и там... там ты получишь то, чего так страстно хочешь. Ну, одну ночь ты перетерпишь, врунья?

- А где же ты будешь ночевать? – опомнилась я.

- То же мне проблема! В гостинице, например. Денег у меня до хрена, мне за рейс заплатили, хорошо заплатили, не сомневайся, в нашей стране капитаны очень прилично получают.

- Лёня, какая, к черту, гостиница? Тут всего одна, а если там мест нет? Нет, ночуй-ка ты в нашей школе, тебя ребята разместят, пристроят. Все-таки они свои, ты их вспомнишь по «Волго-Дону», ведь именно с ними я тогда на Рыбинке была в лодке. А заодно мои вещи там соберешь, сложишь в сумку, ребята тебе всё покажут. Но только... только не уходи сейчас, побудь со мной до самого вечера, ладно? Если я тебе еще не надоела... Ой, а ты голодный? Ты ведь, наверно, есть хочешь. Ведь не обедал сегодня! Ладно, давай подумаем, как и где это сделать. Значит, такие варианты...

В общем, я сказала ему, где ближайшее от больницы кафе, но ушел он еще не скоро, а потом, после кафе, вернулся, и мы до позднего вечера были рядом, сначала опять в парке на лавочке, а после в коридоре на диванчике. И я была счастлива. Как это чудесно, оказывается, любить и быть вместе!

КАПИТАН (3)

Новым утром он поднялся рано, еще до ребят, у которых ночевал. Но вот встали и они. Попили чаю, стали готовиться к выходу. Капитан был вполне спокойным, то есть доброжелательно-ровным и не слишком разговорчивым, как обычно.

Кстати, вчера пообщались хорошо, тут же вспомнили друг друга, хотя мальчишки, спасенные им тогда в шторм на Рыбинке и затем поднятые на «Волго-Дон», безмерно удивились его внезапному появлению почти уже ночью. Ну да, как снег на голову. Пришлось что-то объяснять, с шутками-прибаутками, конечно. Ладно, нормально.

Значит, ребята двинулись на работу в больницу, а капитан, прихватив Алисину сумку с вещами, сказал, что сначала заскочит в одно место в городе (там есть кое-какое дело), а сразу после – тоже в больницу, за Алисой. Он стал разыскивать отделение милиции. Где оно тут? Первый же прохожий показал, куда идти. Спасибо, совсем близко, в десяти минутах ходьбы от школы. Там капитан объяснил дежурному, что хочет пообщаться с тем, кто ведет одно недавнее дело, и в двух словах объяснил какое. Дежурный снял трубку, что-то выяснил и в конце концов указал, куда идти, в какой кабинет. Принял человек лет тридцати, в штатском. Назвался следователем Кешманом. Капитан тоже представился, предъявил удостоверение, сказал по какому делу. Заметил (или только показалось?), что его форма с погонами, белая фуражка с кокардой и фраза, что прибыл из Москвы, произвели легкое впечатление. Затем понятный вопрос, кем он приходится потерпевшей девушке Пивоваровой. Другом, принялся капитан за свою легенду, другом их дома, мы с ее родителями дружим семьями, особенно наши отцы, а мой отец – полковник МВД, в Главном Управлении работает (вот это, про отца, было чистой правдой). Короче говоря, приехал за ней, девушкой Алисой, чтобы забрать ее в Москву к родителям, так они просили, а врачи в больнице не возражают. Но вот в чем дело, продолжил капитан, хочется узнать подробности и что предпринято милицией по факту случившегося. И тут он узнал эти самые подробности. Значит, Алису, его Алису!... И он даже разозлился на нее, обманщицу, врушку! Но быстро понял, почему она скрытничала: ведь не хотела причинять ему боль... Ладно, спокойно, не волноваться!

И что? Следователь извлек из сейфа дело, показал показания потерпевшей Пивоваровой, показания ее друзей по школе, где они нынче временно проживают, а также показания троих задержанных, которые сейчас в следственном изоляторе. А те двое, которых задержать не удалось? Они в розыске, фамилии известны, фотографии есть, на них разосланы ориентировки по отделениям милиции в Новомосковске и по Тульской области. А по Москве? По Москве – нет, ибо дело-то для города обычное, далеко не редкое, к сожаленью, так что... Ведь никто не убит, слава богу, и изнасилования не было, только попытка... Ну да, ну да, внешне спокойно покивал капитан и тут спросил: а нельзя ли ему получить данные на тех двоих ублюдков, которые в розыске? Нет, ответили, вам в руки не положено, но если из Москвы придет запрос по соответствующей линии – скажем, из Следственного управления МВД, тогда, конечно, вышлем. Хотя, добавил, Следственный комитет – это вряд ли, там расследуют наиболее сложные уголовные дела, не то что наш случай... Хорошо, сказал капитан, так и сделаем. Записал точную дату происшествия, номер дела и кто его ведет. На том и распрощались.

Он вышел из отделения на знойную улицу и, сняв фуражку, отер взмокший лоб. Потом заметил лавочку у какого-то подъезда, сел, закурил. Да, дела! Да, Алиса!.. Еще вчера в больнице, после разговора с заведующим, он догадывался, что она его обманывает, хотя тот самый зав про попытку изнасилования ничего не сказал, пожалел. И мальчишки в школе про это ни слова. Драка с местными, и всё. В общем, молодцы, расстраивать не хотели... Ладно, пора к врушке Алисе, пора забирать ее из этого бандитского города, заждалась небось, девушка из Зазеркалья. Ладно. А про визит к

следователю он, конечно, ей ничего не скажет. Это дела его, капитана. Но надо же, подумал, уже идя в больницу, надо же, прямо мистика какая-то! Ведь она чуть не погибла, причем за это лето дважды (в штормовом море, потом от рук этих нелюдей), а еще ее пытались насиловать дважды: он, капитан, и эти, эти... Мистика. Нет, насиловать Алису из страны чудес дозволено только ему!

КАПИТАН И АЛИСА

- Ты как? – Он пытается что-то разглядеть в ее глазах, но ничего не видит. В квартире полная тьма.

- Чудесно, – слышит ее шепот. – Мне было совсем не больно.

- И только?

- Нет, там... ну, *там!*.. было очень приятно, а тут, – она легонько хлопает себя по груди, – не больно. И как тебе это удалось – делать это без рук?

- Я – народный умелец.

- Угу. Это называется, безрукий секс.

- Ладно, пусть это называется так.

- Ладно, вот скоро на мне всё заживет окончательно, и тогда...

- Тогда мы будем делать это при свете, без твоих просьб не смотреть на тебя в синяках.

- Договорились, вот тогда смотри и используй руки. Они у тебя ласковые, сильные. Я люблю твои руки. Я всего тебя люблю.

- Какое совпадение, я тоже! Особенно твою попку обожаю.

- Далась она тебе!

- Вот именно, далась. Как и прочие места.

- Приятно слышать, между прочим...

Капитан поднимается с дивана.

- Эй, ты куда? – слышит.

- На кухню за свечкой. Засвечу ее, чтоб хоть твои глаза видеть. Всё, молчи, тут я хозяин пока!..

Опять они лежат обнявшись. Полутьма, тихо, лишь сквозь открытую форточку едва слышен дальний гул машин.

- Это где шумит? – спрашивает Алиса.

- На Ленинградском шоссе, за метро «Речной вокзал». Тут до моего Северного порта недалеко.

- А, кстати, Лёня, всё хотела тебя спросить. Вот твои навигации... Ну, это летом. А вот когда навигаций нет, чем ты, речной волк, занят?

- Объясняю. Навигация у нас обычно с двадцатых чисел апреля по середину ноября. Потом еще постройка в док и прочая мелкая работа. В общем, как правило, то есть если нет срочного или планового ремонта судна, с конца ноября по середину апреля я совершенно свободный человек.

- Это ж сколько? – подсчитывает Алиса, загибая пальцы. – Это четыре с половиной месяца, значит?

- Именно так. Как правило.

- И на что же ты живешь? Я имею в виду деньги.

Он смеется:

- На деньги! Во-первых, нам оплачивают полтора месяца отпуска. Во-вторых,

когда навигация, нам действительно здорово платят, так что, если не транжирить, не сорить деньгами, то на три месяца вполне хватает, чтобы нормально жить. А я не транжира, хотя и не скупой, на копейках не экономлю. В общем, всё в порядке, нет проблем. Вот, думаю даже машину купить, ну, не новую, подержанную, но всё-таки буду при своем «жигулёнке», представляешь?

- Завидный ты женишок, оказывается!

- Завидный, только не первой свежести, сорок скоро.

- Брось, Лёня, ты в самом соку.

- Если в самом, тогда... Тогда так: вот будешь себя хорошо вести, и слушаться капитана, и безумно его любить, тогда, может быть, капитан подумает.

Алиса улыбается, довольная:

- Подумай, Лёничка, подумай. А я тоже подумаю, если ты тоже будешь хорошо себя вести.

- Ну вот, пришли к предварительному соглашению.

- Соглашение о намерениях, это называется... Ладно, а вот еще я любопытная! Скажи: в эти нерабочие месяцы – что ты делаешь, чем себя занимаешь?

- Ну, перво-наперво, можно в отпуск смотаться, хоть это и зимой. А что, и хорошо. А куда? К морю, конечно. К Черному – конкретно, в Гагры. Там друг мой живет, полугрузин-полурусский, Володя Дадиани его звать. Дом имеет недалеко от моря, в Старой Гагре. Мы с этим Володей одно училище кончали, речное, в Нижнем, с ним и с Сашкой Кумариным. Вот иногда мы туда, в Гагру, вместе с Сашкой и ездим, а иногда я один. Недельки на три. Зима, а тепло там. Пальмы, горы зеленые, вдоль набережной шикарный парк с павлинами и пеликанами, вальяжные тетki прогуливаются. А в море даже искупаться можно, если погода позволяет, не штормит. Ну да, водичка прохладная, бодрящая, так сказать, но хорошо! Вечером – за стол с вином или в ресторан, «Гагрипш» называется. Народу немного, музыка играет... хорошо!.. Ну а потом, после отпуска, есть два варианта. Можно на временную работу выйти в порт, у меня же еще и профессия судового ремонтника, так что вот тебе и зарплата в месяцы капитанского простоя. Ну и второй вариант: никуда не выходить, валять дурака дома, читать, гулять, ходить в кино, в гости к друзьям, в ресторан опять же. Этот второй вариант, кстати, я предпочитаю в последние годы и на скуку не жалуюсь. Ну, я удовлетворил твое любопытство?

- Частично, я хочу знать о тебе всё. – Алиса поворачивается на бок, гладит его по волосатой груди. Потом вздыхает: – А вот у меня свободный месяц уже совсем скоро начнется, в августе. А ты опять уплывешь куда-то.

Тут капитан вскидывается радостно:

- Отлично! Есть идея: на днях мы идем в Петрозаводск, ну, туда и обратно, вот и поплывешь со мной. Ты по Мариинке ходила, до Онежского озера или дальше по Волго-Балту? Нет? А в Карелии бывала? Тоже нет? И на Кижях не была? Эх ты, это полное безобразие!.. Всё, решено, поплывешь со мной! Три дня в Петрозаводске, на Кижии махнем на «ракете», еще кое-что посмотрим.

- Как же я поплыву, в качестве кого, Лёничка?

- Ну опять ты за свое, опять тебе неловко! Поплывешь со мной в качестве моей женщины, и пусть тебя это не волнует. Кстати, всё это за счет родного

государства – и плавание, и питание, и спанье с капитаном в его каюте. Представь, сколько ты сэкономишь! Пользуйся, пока я у тебя есть. И еще кстати: сколько я через тебя радости получу. Вдвоем, по Мариинке, потом Карелия, ночи с тобой... нет, право, чудесно, Алиска, сказка моя! Идет?

- Ладно, уговорил, идет. Ты же просил, чтобы я себя хорошо вела, вот я и стараюсь.

- Молодец! Надо тебя за это поощрить. Повернись-ка на животик, я поцелую тебя в ненаглядную попку...

Еще через полчаса она спрашивает:

- Что еще я позабыла узнать про тебя? А, вот! Кто твой отец, Лёнечка?

Тут капитан молчит почему-то. Она торопит:

- Ну?

- А, да, прости... Кто? Он..., – и усмехается как-то иронично, – он аж полковник! И большой поклонник коммунизма, да. Нет, человек он порядочный, но... поклонник коммунизма, партии и так далее. Вот поэтому мы с ним как-то не в большом контакте. То есть имеем расхождения по политической линии. После смерти мамы мы разъехались, и это положительный факт. Но мужик он хороший, повторяю. Просто мы не всегда понимаем друг друга, раньше даже ругались, спорили, а потом я дал себе слово больше никогда не затевать с ним разговоров на политические темы и о родном государстве. В общем, он у себя в доме, а я у себя, слава богу... Э, ну ладно, давай о чем-нибудь другом. Вот, о себе расскажи. Кто твои родители?

- Мои? Ну, у меня-то просто. Мама и папа – доктора. Это у нас семейное. Мама – ревматолог, папа дорос до замглавврача в своей больнице, детской, психоневрологической, в 18-й, которая на Мичуринском проспекте. А познакомились они еще в институте, когда учились, и поженились вскоре, еще студентами. Да я об этом тебе уже рассказывала, когда мы плыли на твоём «Волго-Доне», помнишь? Вот так, и всё. Я их очень люблю. А теперь и ты у меня есть.

- Это существенный факт, я тебя поздравляю.

Алиса кивает, кивает и опять за свое:

- А теперь ты скажи. Ты музыку любишь?

- Естественно.

- И какую, что?

- Исключительно рок. Знаешь, когда мне было столько лет, как сейчас тебе, на нас обрушился прилетевший с гнилого Запада рок, и я пал под этой бомбардировкой. А еще я почитаю блатные песни. Хотя никакие они не блатные, это народное самовыражение в романтическом виде. О, как я сказанул, да? Вот, например, почти про меня: «Он капитан, и родина его – Марсель». Знаешь такую?

- Нет, не слышала. Ну, спой!

- Насчет спой, это только выпивши. Как-нибудь при случае.

- Ладно. Ну, хорошо, рок, а еще? Барды, скажем?

- Это что?

- Не что, а кто. Окуджава, например, Визбор, Ким. Или Высоцкий.

- А, Высоцкий! Это наш человек. Жаль, помер, бедолага.

- Ну а классическая музыка?

- Э... Чайковский? Нет, конечно, он наше национальное достояние, но...

- Но скучно, да? – подсказывает Алиса.
- Есть немного... – Капитан улавливает иронию и усмехается: – Что, разочаровал твою возвышенную душу?
- Что ты, Лёничка! Я тебя не только люблю, я тебя прямо обожаю!
- Это как?
- Как? Ну, так... Ну, значит, делай, что хочешь, всё, всё!
- А, вот теперь я понял!..

Это они уже суетно проговаривают между поцелуями, и ясно, к чему в очередной раз идет дело...

Засыпая, капитан подумал: слава богу, что Алиса, будучи, понятно, женщиной, не любопытствовала, полковник чего его отец. А то пришлось бы говорить, что он – полковник МВД. Зачем ей это знать. Сейчас не за чем.

В течение двух ближайших дней он так и не смог пообщаться с отцом, поскольку в порту возникли проблемы с делами по погрузке судна. Ладно, подумал, может быть, оно и к лучшему: сейчас – большая голубая дорога на Онежское озеро и обратно, сейчас только Алиса и он, а разговор с отцом и эти бандиты, которых надо непременно найти и покарать, это после рейса, это, что ж, отложим на потом.

Так и вышло – отложил. И в первых числах августа «Волго-Дон 201» поплыл через уже знакомый Алисе Канал имени Москвы курсом на Петрозаводск.

Утром вышли в Волгу, еще через полдня миновали Калязин, Углич и на подходе к Рыбинскому водохранилищу Алиса сказала, глядя вперед по ходу судна:

- Сейчас будет Рыбинка, да? Знаешь, я боюсь. У меня до сих пор страх в душе, как вспомню ту ночь. Так засело – намертво.

Капитан покачал головой, проговорил почти строго:

- Это плохо. Ты зацклилась. Вспоминай хорошее. То есть вытесни негатив, а втисни позитив – как я тебя спас – я и ты, наше с тобой начало. Поняла?

Она задумалась.

- Как интересно... Ты сказал почти по-врачебному, почти по науке. Выходит, я не истеричка.

Он не понял:

- Яснее, девочка!

- Яснее, это так. Когда нам читали курс психоневрологии, то речь шла и об истерии. В большей мере она характерна для тех женщин, у которых сильно выражено именно это качество – вытеснение, вытеснение из сознания всего для них негативного, плохого, например, чувства собственной вины, своей неправоты, памяти о неприятном событии со своим участием, ну и тому подобного. Они это вытесняют, напрочь, и забывают навсегда. Вытесняют свое плохое, но при этом непременно переносят вину с себя на кого-то другого. Поэтому в сознании такой женщины – ее постоянная правота, никаких комплексов и глубинных тревог, не говоря уж о страхах. Понимаешь? А вот я... Ведь я помню, помню, что, дура, согласилась сесть в лодку, когда уже было ясно, что идет непогода! Да, ясно, это я виновата, а не мальчишки с их всегдашним авантюризмом, именно я: ведь они меня слушаются обычно,

и, если б я настояла тогда не выходить в море, если б уперлась, то потом не случилось бы того кошмара и...

- И мы бы не встретились, – по-своему закончил капитан эту Алисину тираду.
- Лёня, да, но... Я сейчас о другом. О чувстве вины, до сих пор, о том, во всем виновата я. А если так, то, выходит, по натуре я не истероидная личность. Согласен?

Он наконец уразумел, о чем она:

- Вполне согласен, не истеричка. Иначе как бы я сразу понял на Рыбинке, что ты – это та, которая из моего Зазеркалья? Ведь как увидел тебя – сначала под зонтом в «казанке», а потом при свете в кают-компании, так сразу и понял: вот она, которая для меня... А вот ты, – и тут усмехнулся, – ты поняла это совсем не сразу! Да, ты не истеричка – ты длинношеее жирафа, это точно.

Довольная Алиса стукнула кулачком ему в грудь:

- Очередное прозвище мне выдумал! То я гриб под зонтом, то еще кто-то, а теперь и жирафа. А ты у нас ты кто, всезнающий?

- Не, я всевидящий. Как выйду в Рыбинку, там всегда тихо, спокойно, вода – зеркало, и я всё гляжу, гляжу, тебя там жду. Кто там живет, в воде? Помнишь, как тот мультяшный медвежонок... И дождался. Однажды вышел в Рыбинку, и вдруг там шторм – и ты, Алиса из Зазеркалья. Вот и вся сказка, которая была, то есть реальность. Моя страна чудес... Пошли на бак, мы в Рыбинку входим, вот и глянем, какая там погодка, вода – зеркало или нет...

Они прошли к носу судна, встали на полубаке, капитан обнял ее. Алиса попыталась высвободиться:

- Лёня, неудобно, нас увидят!

- Команда уже давно знает, что ее капитан... Э, как это там пелось: «Жил отважный капитан... И влюбился, как простой мальчуган». Мало того, команда знает, что он с ней, этой девой, спит. Более того, он даже подумывает, не связать ли себя морским узлом брака. То есть он – конченный человек. А ты – увидят! Да они в радостном трауре по капитану! Стой тихо и не мешай мне. Лучше смотри в море. Оно, видишь, – как для меня и положено: полный штиль, зеркало, и в нем мы вместе, обнявшись.

После ночной стоянки в Череповце, где с судна частично что-то разгрузили (некие неведомые Алисе секции и блоки), утром вышли из Рыбинского моря. И началась Мариинская система. Отсюда до Онежского озера, пояснил капитан, около четырехсот километров – реки, каналы, шлюзы. А сейчас конкретно – река Шексна.

Вот по ней и плыли к Белому озеру, мимо местечек с чудесными названиями – Ирма, Иванов Бор, Горицы, а за ними был еще Белозерск с его кремлем – невероятной красоты зрелище с воды, Алиса это понимала. Да, великолепная идея пришла в голову капитану – взять ее с собой в этот рейс. Всё чудесно: погода, ясная и прозрачная до сероватой ночи, акварельные тона небес и воды, виды с борта судна, само плаванье – спокойное, какое-то неторопливое, размеренное, когда можно спокойно глядеть и спокойно думать, потому что, главное, рядом любимый мужчина, ее мужчина, который всё объяснит, расскажет, покажет, а ночью в каюте будет любить, а она будет любить его, каждую ночь, а такого с ней не было никогда, и теперь она

поняла, как это прекрасно, когда любовь длится и длится, не прекращаясь, и это и есть жизнь, которая счастье.

На следующий день после Белого озера была река Ковжа, потом канал, потом река Вытегра и опять канал, шлюзы, два небольших водохранилища – и вот уже ближе к вечеру вышли к Онежскому озеру, а вскоре и вошли в него. Да какое это озеро – опять же море, как и Рыбинка! Только оно, пожалуй, красивей. Какие берега в лесах и высоких валунах! Карелия начинается, пояснил капитан. Утром будем в Петрозаводске.

Там провели двое суток. В перерывах между делами капитана в порту (разгрузка-погрузка) побывали на Кижях, вернулись и, насколько успели, осмотрели город, даже в краеведческий музей зашли. Конечно, набережная вдоль озера, парки. В одном из них, прямо у озера, рядом с главными причалами, размещались разные аттракционы, и капитан предложил Алисе подняться на колесе обозрения, а оно тут преогромное – кажется, почти всё озеро на виду, если в ясную погоду. Ну, погода была ясная, и, оказавшись в верхней точке, на действительно огромной высоте, Алиса здорово струхнула, схватила капитана за руку и закрыла глаза, замерла.

- Ты что? – рассмеялся он.

- Боюсь. Голова закружилась. Под ногами-то – ничего, а стенок почти нет, только эти чертовы цепочки!

- У тебя что, боязнь высоты?

- Не знаю, вроде не было. Вот в нашем Парке культуры в Москве каталась на колесе обозрения – и нормально. А тут... Тут – ой как высоко! И сплошь озеро под ногами, до горизонта. Будто в синь засасывает. Ну да, будто летишь в небе над морем, а пола и стенок нет. Будто не в самолете, а сама. Как голая.

- Ладно, голая! А как же на ковре-самолете летали? Так и летали, и не трусили, между прочим. Ты же девочка из сказки, а там совсем не страшно, а лишь волшебно. Поняла? Держись за мою руку и смотри не вниз, а далеко вперед. Сейчас начнем спускаться помаленьку.

Спустились. Алиса шла по парку, и ее даже пошатывало. Сели на лавочку, капитан принес ей мороженое. Вскоре головокруженье исчезло, всё нормально...

День завершился, и после ужина в ресторане «Северный» (естественно, на проспекте Ленина), отправились к себе на «Волго-Дон», в свою каюту. Еще одна ночь вместе. Не последняя еще, слава богу.

Там, уже в капитанской койке, после сладких минут любви, Алиса сказала:

- Жаль, что так быстро, что утром, как ты говоришь, отваливаем. Карелия! Ты мне целый мир открыл, да. Какой мир! – Помолчала и продолжила: – Ты вообще мне мир открыл, весь, целиком, не только Карелию. Всё вокруг – и любовь. Когда открываешь любовь, то и мир открывается. И это сделал для меня ты... – Опять помолчала и рассмеялась довольно: – Знаешь, пожалуй, я приму твоё предложение стать твоей женой... ну, если ты надумаешь, конечно. – Но тут спохватилась: – Слушай, я еще пьяненькая после ресторана, не обращай внимания на мои бредни, я тебя ни к чему не принуждаю, честное слово!

- Хорошо, не буду. А сына мне родишь?

- Запросто! Или дочку.

- Не, я сына хочу. Назову его в честь деда – Пашкой. Павел Леонидович будет. Хорошо! А то я старый хрен, уж сорок почти, а всё без сына.
- Ты не старый хрен, а хрен мой любимый.
- Ну вот, и мне прозвище придумали. Ладно, пусть таким я и буду.

ПОЛКОВНИК, КАПИТАН И АДМИРАЛ

По возвращении в Москву, они, понятное дело, разъехались по своим домам. И оба затосковали.

Что до Алисы, то это можно понять: за прошедшую неделю она, начинающая взрослую жизнь женщина, так счастливо привыкла к их «вместе», днями и ночами, что теперь ей уже не хватало всего, и порой казалось, что ее, мчавшуюся в поезде или машине, на ходу выкинули наружу, оставив в пыли на обочине.

Да, это можно понять, если молодая, влюбленная и неопытная. А опыт в этом деле – что? Помимо прочего, это умение привыкать к разлукам.

Поэтому с Алисой понятно, а вот капитан-то что?

Вполне опытный, он тоже затосковал, оказавшись наедине с собой. И это случилось уже во второй раз за последнее время. В первый – когда он вернулся из прошлого рейса и, придя домой, вдруг ясно осознал, что ему не хватает Алисы, вот здесь, сейчас. А она в каком-то Новомосковске! Вроде должна приехать дней через десять или даже через неделю... Да какая неделя! – и он бросился на вокзал. К ней, а вернее, за ней: взять в охапку – и к себе домой, в Москву... Ну, так и вышло, хотя и с некоторой задержкой, потому что после того самого дикого происшествия с попыткой изнасилования, Алиса пребывала в больницы. Но вышло же! И вот – снова: он вернулся из рейса, на сей раз счастливого, сладкого, с Алисой, а дома – опять пустота. Вообще-то так было всегда – вернешься, а тут никого, – но теперь отсутствие Алисы вновь резко ухудшило настроение. Капитан удивился (да такого с ним не может быть!) и решил крепко выпить за ужином, дабы завалиться спать с хорошими мыслями, а не в тоске по женщине. Так и сделал, и сделал это умеючи, под мелодии любимого рока. Старый магнитофон, он зачем? А чтоб слушать старый рок!..

Однако ночью, как тому и положено, в дело вступило подсознание. Но приснилась капитану не женщина (конкретно Алиса), а Стаф.

Стаф – это из эпохи школы, десятого класса. Учитель физкультуры. Как его звали, капитан теперь не помнил. И это самое «Стаф» было не именем или фамилией, а прозвищем, кличкой. То ли хохол, то ли с Кубани, он не мог произнести слово «ставь» (например, команду: «Руки на плечи ставь!»), и получалось смешное «Руки на плечи стаф-ф-ф!» Так и прозвали этого мужичка лет тридцати, туповатого, какого-то тщедушного, со слащавой физиономией.

Он появился в школе в начале их десятого класса. А тогда же будущий капитан серьезно влюбился в свою одноклассницу Олю, хотя до того знал ее много лет. Вот так – вдруг как увидел. А она – его. Они жарко целовались

вечерами, прячась по темным подъездам, и Оля даже позволяла оглаживать свою грудь и всё, что ниже, для чего, преодолев легкое сопротивление, надо было сначала расстегнуть ее пальто, а зимой – шубку. Но они не только целовались, а вполне серьезно относились друг к другу, говоря о своей любви и всем делясь. Ну, как брат и сестра, только с острым желанием близости.

И вот однажды зимой Оля в очередной раз поделилась – поведала о тайном, причем возмущенным шепотом. В темном подъезде, после долгих поцелуев она вдруг стала рассказывать, как во время уроков физкультуры (а в старших классов эти уроки проходили отдельно для мальчиков и девочек) Стаф будто бы случайно притрагивается к грудям девочек. Очень просто: скажем, они делают соскок с брусьев или прыжок через коня. Стаф тут как тут, боится, чтобы, не дай бог, девушка не упала. Но осуществляет, хитрец, это так, что под его ладонью непременно оказывается грудь очередной десятиклассницы. После каждого такого урока девицы между собой возмущаются, но жаловаться на этого нахала как-то неудобно, а дать пощёчину вроде и не за что – ведь помогает человек. «Что делать, Лёничка?» – спросила будущего капитана возмущенная, но беззащитная Оля.

И тогда Лёничка, пожалуй, впервые в жизни, почувствовал, как кровь ударила ему в голову. Ах ты, гад ползучий, сволочь, гнида мерзкая, плюгавый недоносок! – захотелось крикнуть ему, но в горле буквально заклокотало что-то, и он поначалу даже не мог выговорить слова, только дышал тяжело и часто. Бедная Оля испугалась: «Ты что, Лёничка! Ну, успокойся, ну черт с ним!» Он успокоился, нервно вытащил из кармана пачку сигарет, закурил (курить он начал именно с того года). Ничего, подумал, адресуясь к Стафу, ты за это поплатишься, подонок!.. А Оле сказал только: «Да-да, посмотрим, подумаем, придумаем, всё будет хорошо...»

Это засело у него в голове. Не давало покоя. Дело даже не в том, что Стаф лапает всех девчонок – он лапает Олю. Его Олю! Будущий капитан не мог с этим смириться. И не смирился.

Убить Стафа? Да, всерьёз считал он, Стаф заслужил смерть, но как это – убить? Тогда не убить, а избить. Однако через пару дней изменил меру наказания: немного стукнуть, но много напугать – так, чтобы духа его в школе не было!

После уроков собрал нескольких дружков-одноклассников, рассказал им о самом событии и о способе мщения, то есть о том, как этот способ осуществить. Возник горячий спор, в ходе которого высказывались разные мнения, в том числе резкие, крайние, однако будущему капитану удалось уговорить приятелей. В общем, все согласились принять участие в таком благородном деле, как отомстить «за наших девок».

Леня выследил, где Стаф живет. Осторожно пошел за ним после уроков – пешком, на трамвае, опять пешком. Ага, вот его дом, вот его подъезд, всё ясно. На следующий день вычислили, в котором часу Стаф может вернуться домой, и отправились всей компанией по нужному адресу – пять дружков вместе с главным мстителем. Роли распределили.

Стаф вошел в плохо освещенный подъезд, и на него напали. Сбили с ног, прижали к грязным плиткам пола. Шапка откатилась в сторону, пальто распахнуто; оторванные пуговицы, сбитый на бок шарф. Удар по морде Стаф получил лишь один, но хороший, потому что, в отличие от учителя

физкультуры, Лёня уже тогда был сильным парнем. Ударил и сказал, грозно шипя: «Это тебе, сука, за наших девок, за твое их лапанье! Мы тебе за наших девок сейчас твои потные лапы покалечим, понял, падла! Пальцы переломаем, понял! И не дай тебе бог потом кому-то жаловаться на нас, в милицию или куда-то еще! Под статью пойдешь, гад, за приставания к несовершеннолетним! А если не хочешь, чтоб тебе еще и перо в бок воткнули, то завтра же убирайся из нашей школы! К чертовой матери! Не уйдешь, не уволишься – уьем, это точно!»

Кто-то из ребят вытащил из-под полы пальто заточку и погрозил лежавшему на полу учителю. Тот утер разбитую губу, что-то простонал. Лёня еще раз ударил ему по физиономии. После этого ребята отошли к двери. Напоследок Стаф услышал: «Ты понял, гнида? Завтра же подаешь заявление об уходе! Если увидим еще хоть раз на уроке физкультуры, то яйца тебе оторвем и перо в бок. Всё, сволочь!..»

Удивительно, но всем им это сошло. Стаф оказался не только сладострастным идиотом, а еще и большим трусом, поэтому вскоре действительно исчез. В школе его больше не видели, а после зимних каникул взяли нового учителя, даму в возрасте, мастера спорта по какому-то виду спорта, она и стала вести физкультурные уроки у девочек. А Оля жутко заужала своего Лёнечку, потому что он оказался настоящим мужчиной, хотя подробностей она так и не узнала. Лёня только усмехнулся: «Да что ты говоришь – Стаф ушел? Ну, мы с ним чуток поговорили, объяснили, что девочек трогать нехорошо, за это можно и под статью попасть. Вот он и драпанул, значит!».

Значит, Стаф драпанул, через полгода кончилась школа, расстроились отношения с Олей, еще через год стало известно, что она вышла замуж, а вскоре Лёню призвали в армию, и покатила его взрослая жизнь – служба на Севере, в ракетной части на Кольском полуострове, потом работа матросом на речном флоте, потом Речное училище имени Кулибина в Нижнем Новгороде (туда предложил поступать отец, поскольку в том городе жила его родня, а Лёня был не против учиться на речного капитана). Да, стал капитаном, плавал на теплоходах и сухогрузах (в последние годы на «Волго-Доне 201»), в Москве общался с немногими друзьями и многими женщинами, – в общем, всё как у людей, ничего особенного, нормальный мужик, хотя несемейный, несколько замкнутый, на судне своем в меру строгий, но свой. Вот такая жизнь, которая большая голубая дорога, но тот самый Стаф, а точнее, случай со Стафом, это засело в подсознании, и вот, вдруг выплыло теперь, ночью после окончания рейса, когда Алиса мирно спала в своем доме, а он, капитан, спал у себя.

Проснулся и понял: этот сон про Стафа – напоминание об Алисе, о тех подонках, которые пытались домогаться ее. Значит, надо встречаться с отцом, сегодня же.

Полковнику МВД Желткову доложили, что ему звонил капитан Желтков (не сын ли, судя по фамилии?). Полковник ничего не ответил и удивился: обычно Леонид не беспокоил его в рабочее время. Что-нибудь срочное? И набрал нужный номер. Сын оказался дома. Поздоровавшись, отец спросил: - Что звонил? И давай покороче, у меня дела.

- Покороче – это так. Ты вечером когда дома? Нужно встретиться.

- Буду около восьми, если ничего экстраординарного. Приезжай в восемь-тридцать.

- Понял. До встречи...

Так они общались все эти годы – коротко, без особой теплоты. Будто, потеряв мать, сын совсем поостыл к отцу. Странно все-таки, хотя Сергей Иванович тоже не испытывал особой потребности общаться с Леонидом. Ну, он, отец, – это ладно, это объяснимо, потому что сын уже давно стал раздражать его своими высказываниями, неприятием наших идейных ценностей, вообще своими взглядами. Будто совсем чужой. Но все-таки можно позванивать родителю не только в день рождения, день Победы или чтобы поздравить с Новым годом. Тем более что отец живет один, и хоть не бедствует и здоров, слава богу, но почему бы иногда не поинтересоваться, как дела, или просто не дать о себе знать? Ладно, не хочет, не надо.

И вот вечер, означенные им восемь-тридцать. Сели за стол, но в комнате, а не на кухне, поскольку Леонид есть отказался, а отец поздно отобедал у себя на Петровке-38 и тоже был не голоден. Достал бутылку коньяка из бара, рюмки, ибо знал, что сын не прочь выпить, хотя и в меру. Потом попросил его сварить кофе. Вот кофе он делает отлично, прямо талант какой-то. И даже не из суперимпортных сортов. Впрочем, таковых у Сергея Ивановича не водилось, поскольку они бывали только в принципиально отвергаемых им продуктовых заказах, которые выдавали в Управлении. Чем пользовался там (помимо столовой, конечно), так это спецбуфетом, где прикупал дефицит: баночную ветчину в желе (югославскую), греческие маслины или оливки и нашу копченую колбасу. Ну а кофе – кофе он доставал в известном гастрономе на углу Большой Лубянки: был там один знакомый продавец, он и оставлял по старой дружбе.

Наконец вот и Леонид с кофейником. Можно начинать. Выпили. Коньяк хоть не армянский, а болгарская «Плиска», но сойдет и это, а кофе, как всегда, вышел вкусным.

- Как плаваешь, где был в последний раз? – привычно поинтересовался полковник, поскольку спокойное поведение сына, кажется, не указывало на то, что он чем-то озабочен.

- Нормально плаваю, – тоже привычно ответил капитан. – Вчера вернулся с Мариинки, из Петрозаводска.

- Как там, хорошо?

- Даже чудесно. Белые ночи на исходе, теперь они не очень белые, но очень серые, так что уже звезды смутно видать. А вышли в Рыбинку, ночь уже наша, совсем темная, и звезд полно, яркие, ну в общем, августовские.

- А, вот что! – вскинул голову Сергей Иванович при упоминании Рыбинки. – Еще не объявили, на днях объявят, но нам уже пришло постановление сверху. Принято решение о переименовании города Рыбинска в город Андропов, в честь покойного Юрия Владимировича.

Капитан от неожиданности ахнул, выругался, не сдержавшись, и затем выговорил зло:

- Мой Рыбинск, этот старый русский город с таким чудесным названием – и теперь именем кагэбэшника! С ума сошли!

- Леонид, постыдись! – тоже возбудился полковник. – Он был генсек! Генсек, понимаешь? Тяжело болел, вот умер недавно. А какой человек был, как за

дело взялся! Эх! Ему бы лет пять хотя бы, навел бы порядок наконец!

- Да хоть двадцать пять! Но Рыбинск-то тут при чем?

- А при том, дорогой мой сын, что в решении Политбюро всё сказано. Товарищ Андропов в Рыбинске учился и работал, понял? Кстати, он в некотором роде когда-то был почти твоим коллегой. Точно, не вытягивай лицо! Сначала работал матросом на Волге, потом окончил Рыбинское речное училище, потом работал там на судовой верфи. Понял? А ты – при чем! Вот при том!

- Ни хрена себе коллега! – Капитан схватил бутылку, разлил по рюмкам и, не дожидаясь отца, выпил.

- Вот именно! Всё прошел с низов, честнейшим человеком был. И твердым, и решительным. И порядок любил, а не бардак. Вот при нем бардака не было бы, не то что при предыдущем товарище. Настоящий коммунист, ленинец! И Рыбинск – правильно, пусть будет его именем. Поэтому, если не согласен, так помолчи!

Капитан покачал головой, вздохнул, потянулся за сигаретой.

- Ты прав: всё, молчу. – Но опять не сдержался: – Ё-мое, Рыбинск – и теперь Андропов! Надеюсь саму Рыбинку, то есть Рыбинское водохранилище, в Андроповское не переименуют? Или тоже приняли решение?

Сергей Иванович спокойно ответил:

- Об этом ничего не сказано. Значит, только сам город.

- А, ну спасибо, спасибо...

Капитана прямо жгла злость, но дальше разговаривать с отцом на эту тему было бесполезно, да и не только с отцом – вообще. Если Политбюро решило... Он даже забыл, зачем пожаловал сюда, и вспомнил о цели своего визита лишь через несколько минут, еще раз выпив. И решил пока помолчать, успокоиться, переварить узnanное, переключиться.

- Выйду на балкон, подышу, – сказал хмуро и поднялся.

- Сходи, сходи, подыши! – иронично отозвался отец...

Капитан глядел вниз на темный город в огнях и помаленьку успокаивался.

«Вот как некстати! – и даже сплюнул с высоты шестого этажа. – Приехал просить, а чуть не поругались! Политбюро решило!..»

Вероятно, отец тоже пожалел, что они схлестнулись. Вышел на балкон, стал рядом, облокотившись о поручень. Тоже закурил (курил он теперь редко, не что что раньше, особенно на войне, как он рассказывал). Так и курили молча. Наконец возник естественный вопрос:

- Ты приехал просто так или всё-таки по какому-то делу?

- Да, по какому-то! – хмыкнул капитан. – Есть дело, есть. Ладно, покурили, пошли в комнату, расскажу.

А рассказывать не хотелось: ведь надо было объяснять, кто такая Алиса и почему он непременно хочет найти тех насильников-подонков. Ладно, решил, чем проще, тем лучше.

- Значит, вот такая штука, – начал, когда опять сели за стол. – Встретил я одну женщину. хорошую, да. Она мне понравилась, и...

- Вот и прекрасно, давно пора, – перебил отец, но капитан сморщился:

- Погоди, я не о том! Я о том, что она попала в передрагу. Была на практике в другом городе, и поздно вечером в дом, точнее, в школу, где она остановилась вместе со своими приятелями-практикантами, пытались влезть через окно местные молодые мужики, ну пьяные, понятно. В общем, одного

из ребят здорово избили железными прутами, ему даже операцию потом делали, а эту мою знакомую... ее чуть не изнасиловали, то есть действительно пытались, как показала экспертиза, но, слава богу... э, как бы это сказать, полового контакта не было, просто не успели, потому что вовремя подросла милиция, которую вызвали. Вот, значит, что произошло. Мою девушку положили в больницу, в травматологию, потому что у нее оказалось сломано ребро, раны на теле. Через несколько дней я приехал за ней, забрал в Москву, но перед тем...

- Откуда забрал? Где это было? – опять перебил отец.

- Новомосковск. Это в Тульской области. Знаешь?

- Слышал. Бывший Сталиногорск.

- Да, ну ладно. Так вот, перед тем как ее забрать из больницы, я зашел в отделение милиции, всё выяснил. Нападавших было пятеро. Трех назавтра нашли, арестовали, они в следственном изоляторе. А двое остальных, именно те, которые пытались насилловать, они в розыске, фамилии их известны, есть их фото, на них, как мне объяснили, разосланы ориентировки по городу и области, Тульской. Сегодня утром я звонил туда, в то новомосковское отделение милиции, следователю, который ведет дело, спросил, нашли ли тех двоих подонков. Нет, не нашли, сказал он. А еще, когда я был там, в отделении, то спросил, может ли он дать мне данные на тех двоих. Он не дал – сказал, мне не положено.

- Правильно сказал, – кивнул отец. – Это дело милиции, а не твое.

- Ну да, а милиция их сто лет искать будет! Верней, чуть поищет и забудет, запишет в «висяк», так по-вашему? А почему? Потому что, мне следователь сам рассказал, в городе Новомосковске поножовщина и изнасилования – это рутина, это чуть ли не пару раз в неделю, там бандитский город еще издавна и до сих пор, понимаешь, его зеки строили, и твой товарищ Сталин разрешил им потом в том городе жить. Жили, детей народили, теперь они выросли, пьют и бесятся. Короче, уголовщина там – рутина. Подумаешь, кого-то избили, пытались изнасилловать, эка невидаль! Трех взяли, вот они и ответят. Но эти трое, похоже, не пытались насилловать. Пытались те двое, которые удачно смылись и теперь в розыске. Вот они и должны ответить. Я спросил: куда, кроме Тульской области, разослана информация... ну, ориентировки? Никуда. А в Москву? Тоже нет. Вот если будет запрос оттуда, из Москвы, тогда вышлем, сказал следователь, лучше, если из Следственного Управления МВД. Вот я и приехал к тебе – за помощью. Поможешь, отец?

Полковник прикрыл глаза, покачал головой. Теперь он всё понял, теперь он в своей профессиональной стихии.

- Зачем тебе это надо? Без тебя и без меня найдут.

- А если нет? И скорее всего – нет, не найдут. Тебе ли не знать!

- Возможно, не найдут, бывает. Дело действительно не всесоюзного значения. Банальная уголовщина, сам говоришь. Тем более, факт изнасилования не доказан. Ведь не было изнасилования, Леонид? Не было! Чего же ты так взъ

елся, чего бесишься, вон, даже лицо у тебя побагровело. Девушка твоя цела, уже в Москве.

- А наказание за драку, раны, сломанное ребро, попытку изнасилловать? Должно быть наказание или нет? Правосудие, в конце концов!

- Да успокойся ты! Конечно, должно. И будет.

- Или не будет, скорее всего. Не будет, если не поднажать. Поэтому мне нужны данные на них. Они в деле. Номер этого дела у меня есть. И фамилия следователя есть. Кешман его фамилия. Ты можешь послать запрос, чтобы тебе переслали эти данные? А ты передашь их мне.

- Слушай, ты что задумал? Мстить? Народный мститель, да? Брось, оставь это тем, кто призван заниматься преступностью. И вообще выкинь всё это из головы. Розыск идет? Идет. Всё!

- Значит, не поможешь? Не пошлешь запрос?

- Дорогой мой, если бы я из Москвы слал запросы в местные отделения милиции нашей огромной страны по поводу всякой многочисленной уголовщины, то... И вообще мой отдел в Управлении на Петровке этим не занимается. У меня организационно-штатный отдел, ты знаешь.

- Ну хорошо, а Следственный комитет?

- Э, милый мой! Знаешь, какими делами там занимаются – не чета твоему!

- Ладно. Но на твоей Петровке тоже есть уголовный розыск!

- Да, есть такое управление.

- Ну так что, тебе трудно попросить коллег послать запрос в Новомосковск?

- Основание? С чего это я вдруг прошу о запросе по такому, прости меня, тривиальному делу, коих тысячи по стране, десятки тысяч?

- Значит, ты не хочешь мне помочь. Так?

Полковник понял, что сын обидится, не поймет, обидится и уйдет таким, обиженным. Но решил не отступать от своих правил.

- Ты зря обижаешься. Ты не прав. Я никогда никого не прошу о чем-либо без крайней необходимости, тем более другой отдел или другое управление, и тем более когда... ну, в общем-то, мелочевка. И я никогда не использовал связи. Да, я такой, это мой принцип. К тому же тут у тебя никакой логики. Дело копеечное, но ему дан ход, оно идет, пусть медленно. Розыск идет? Идет. Значит, всё нормально. Мне так и скажут, даже если я обращусь к кому-то. Поэтому нет смысла просить. Это ясно. Но ты объясни мне наконец: ну, даже если не найдут этих негодяев, не дадут им от двух до пяти лет общего режима – и что, ты будешь жить с этой занозой в сердце? Объясни: слава богу, все живы-здоровы, и что ж ты так зациклился на этом? Дело заведено, твоя женщина в порядке – ну чего же еще тебе лично? Это был хороший вопрос, прямо в яблочко.

- Мне лично, – холодно отчеканил капитан, – надо свести с ними счеты. Эта женщина – только моя женщина, и я никому не позволю ее трогать, а тем более насильно. За это надо платить. Вот они и заплатят. – И после паузы: – Сколько, ты сказал? От двух до пяти общего режима? Эта статья про попытку изнасилования, правильно я понял? – И, когда полковник подтвердил кивком, вдруг хохотнул: – Не, это мало! Этим они не отделаются!.. – Но закончил уже спокойно: – Значит, я понял, что ты не поможешь их найти. Ну да, ты принципиальный: мелочевка – неловко просить коллег. Понимаю. Что ж, хорошо, закрыли тему. Давай коньяк пить, всё.

У всякого подростка бывает свой кумир, тем более если подросток романтический. Лёня относился к романтическим. Его кумиром был адмирал Колчак, и началось это с момента, когда мама рассказала ему о своем отце,

репрессированном капитане 1-го ранга, деде будущего капитана. С тех пор Лёня и возмечтал стать моряком, капитаном, но так сложилось, что стал он не морским офицером, а водил суда на речном флоте, хотя и в ранге капитана.

Судьба деда потрясла. Ну а как иначе, если тебе еще двенадцать лет и ты мальчик романтический? Двенадцатилетний возраст совпал с решением партии начать процесс реабилитации репрессированных в период сталинизма. После XX съезда прошел год, и мама стала обсуждать с мужем, тогда майором МВД, действия в этом направлении. Что писать, куда подавать, на чье имя, какие данные излагать и прилагать?

Это были месяцы потрясений. Первое потрясение – дед и его судьба, о чем мама вдруг стала рассказывать в то время. Второе потрясение – отец, который (тоже вдруг) отказался помогать маме в деле реабилитации, то есть вообще отказался участвовать во всем этом.

Отказался, потому что оказался упертым сталинистом. Возможно, считал он (и считает до сих пор), были перегибы, но тогда нельзя было иначе, и вождь делал всё правильно, освобождая страну от врагов, вредителей, уклонистов, фракционеров, изменников, уголовников и прочих. И поэтому в стране был порядок. И войну выиграли. И социализм построили. И новое поколение воспитали – людей честных, преданных партии и идее коммунизма. А Хрущев – мудила (так и крикнул однажды, Лёня слышал из-за стенки очередную ссору родителей). Поэтому участвовать в этом шабаше (то есть реабилитации) отец не намерен, еще не известно, кого там за что посадили, хотя почти всех посадили правильно. Поэтому, если матери так уж хочется (а зачем – человека уже не вернешь!), то пусть сама этим занимается, а он, ее муж, честный партиец, палец о палец не ударит. А Хрущев, мудила, еще поплатится за то, что поднял руку на память о товарище Сталине, поплатится!..

Лёня был еще слишком мал, чтобы ругаться с отцом, хотя хотелось, потому что он сразу выбрал сторону мамы. А почему? Почему он, не предуготовленный к подобному конфликту и вообще *такой* проблеме, выбрал маму? Непонятно. Ну ладно, теперь-то понятно, а вот тогда? Тьма души. Но в той тьме он нашел правильную тропку, и она вывела его к свету. Эта тропка вывела вот куда и вот к кому. Сначала дед. Дед сделался заочным кумиром, поэтому мечта стать морским капитаном была вполне объяснимой. И будущий капитан стремился ее осуществить, однако полностью это не удалось. Но та самая тропка привела не только к деду, а, как бы по следу его судьбы, еще к кое-кому. Вот этот человек (тоже уже мертвый, к сожаленью) и стал настоящим кумиром.

О нем чуть ниже, а пока скажем, что маме удалось справиться в одиночку, хотя процесс реабилитации деда затянулся на несколько лет, до 1960-го (если б помогал муж, вышло бы куда скорее, и мама не потратила бы столько нервов). С того самого года капитан 1-го ранга Павел Пепеляев стал полноправным, пусть и неживым, членом их семьи. Такое бывает, уверился Лёня.

А вот теперь речь о кумире. С ним Лёня жил и живет до сих пор. Это адмирал Колчак.

Не шибко большие знания о деде (со слов мамы), главным образом в пору его службы на Балтфлоте, привели к герою Балтики эпохи Первой Мировой, к

адмиралу, расстрелянному большевиками в 20-м году, главе Белого движения, Верховному правителю России, как он тогда назывался среди белых. Потом, уже став взрослым, Лёня узнал о своем кумире многое, выискивая по библиотекам сведения из редких книг. Узнал и понял, что тогда, в свои двенадцать лет, не ошибся: Колчак был грандиозной личностью – и как морской стратег, и как (ранее) полярный исследователь. Вот только политиком он оказался средненьким, потому и проиграл свое дело. А почему проиграл? Честным был, болезненно порядочным, а таких в политике быстро обыгрывают. А зачем все-таки полез в политику? Патриот до мозга костей, он не мог сидеть сложа руки, пока шла Гражданская и Россия гибла. Его Россия.

Но в этом Лёнином «мире Колчака» было еще кое-что, отдельное, будто только его, мальчишки, влюбленного в деда и адмирала. Это «еще кое-что» странно объединяло деда и Колчака. Что? Минные дела. Ведь судьбы Колчака (в Первую Мировую на Балтфлоте), и деда (на Балтфлоте же, но в перерыве между войнами) были связаны именно с минным делом.

Впрочем, теперь надо сказать, почему же Лёне не удалось воплотить свою мечту на сто процентов, почему он не стал военным моряком, как дед. Очень просто – подвело не на сто процентов совершенное здоровье. После школы он подал документы в Высшее военно-морское училище имени Фрунзе, что в Ленинграде на набережной Лейтенанта Шмидта (а это славное заведение, заметим, прежде называлось Морским кадетским корпусом, и именно его в свое время с блеском окончил будущий адмирал Колчак!), прибыл туда сдавать экзамены, но перед тем строгая медкомиссия его забраквала. Выяснилось, вегето-сосудистая дистония, то есть периодические перепады артериального давления. Но через год эти самые перепады не помешали родной армии призвать его на службу рядовым в ракетные войска. Да черт с ним, было уже всё равно. Через два года – дембель, потом плавал по Волге простым матросом (влекла таки большая голубая дорога!), а потом отец поспособствовал поступлению в речное училище в Нижнем. Вот там-то будущий капитан Леонид Желтков и встретился с будущим стармехом Кумариным и рассказывал ему о деде и белом адмирале Колчаке, о заочных перекрестьях их судеб по части минного дела, да так рассказывал, что Сашка слушал, как говорится, раскрыв рот.

Если коротко, то в тех рассказах речь шла о следующем.

Значит, тогда, в начале 30-х, дед, будучи капитаном 2-го ранга, командовал на Балтфлоте отрядом минных тральщиков. Готовился к войне, ставил минные заграждения в заливах; всякие учения, испытания минных «секретов» и новых типов тральщиков и заградителей. Похоже, он делал это весьма успешно, потому что был награжден орденом Красного Знамени, повышен в звании (капитан 1-го ранга) и переведен в Москву, в Военно-морской штаб. Но вскоре арест, ГУЛАГ и смерть.

А что Колчак?

Знаменитый исследователь Арктики, герой Порт-Артура, затем, после русско-японской кампании, капитан 1-го ранга Морского Генштаба в Санкт-Петербурге, Колчак в первые же дни войны с Германией назначен флаг-капитаном Минной дивизии на броненосце «Рюрик» и сразу закрывает сильным минным полем вход в Финский залив. Эффектно и эффективно – столица спасена.

Вслед за тем, осенью 1914 года, в составе нескольких кораблей, рискуя ими, Колчак выставляет минные заграждения около крупнейших германских военных баз – Килия и Данцига. Это называется, щелчок по носу кайзера. Через несколько месяцев – повторный рейс к Килию, и вновь успешная минная блокада флота противника.

Еще через месяц, в феврале 1915-го, Колчак, охраняемый крейсерами, направляется в очередной дерзкий поход, опять к Данцигу, опять ставить минные заграждения. Но уже далеко в море флагманский крейсер охранения насккивает на подводные камни, после чего дается команда по радио: «Операция отменяется. Всем возвращаться на базу». И тут же – радио от Колчака флагману, адмиралу Эссену: «Прошу дать добро продолжать операцию без охранения». Эссен, скрепя сердце, позволяет, и Колчак делает свое дело: доходит без охраны до Данцига, выставляет мины, на которых вскоре подорвались: четыре германских крейсера! восемь миноносцев! одиннадцать транспортов! И финал этой истории: после случившегося командующий германским флотом запретил своим кораблям выходить в Балтику до тех пор, пока не будет найдено способов борьбы с русскими минными кораблями и самими минами. Морская история войны на Балтике ничего подобного не знала.

Дальше – больше. С сентября 1915 года Колчак – уже не только командир Минной дивизии Балтфлота, но и командующий всеми морскими силами Рижского залива. Вот тут-то будущий адмирал демонстрирует еще один свой талант, главный для высшего морского офицера - флотоводческий. И за активную оборону Рижского залива удостоивается ордена Святого Георгия 4-й степени, весной 1916 года производится в контр-адмиралы, а вскоре в вице-адмиралы.

В общем, за полтора года войны в холодных водах Балтики Колчак сделал почти невероятное. И это оценил сам император: пожелал глянуть на не по годам зрелого героя (чуть более сорока лет всего-то!). Призвал в Ставку, выслушал доклад и распорядился направить Колчака командовать Черноморским флотом, где, не в пример Балтийскому, дела шли плоховато. Однако черноморская история Колчака – это уже иная история, не минная и, безусловно, драматическая, потому что грянула Февральская революция, а за ней – крах. Крах флота, да и всей России. А с ней и адмирала Колчака, расстрелянного в 20-м.

(Кстати, еще одна полумистическая связка историй Колчака и деда капитана. В Омске у Колчака – Верховного правителя России – председателем Совета министров был Виктор Пепеляев, который, когда Колчака предали, оказался единственным, кто остался ему верен, за что и был расстрелян большевиками вместе с «шефом». Так вот вопрос: тот Пепеляев и дед, тоже Пепеляев, – просто однофамильцы или все-таки какие-то родственники?) Обо всем этом, если сейчас излагать коротко и сжато, рассказывал будущий капитан Желтков будущему стармеху Кумарину. Но это было когда-то, в период Речного училища, а сегодня... Побывав у отца-полковника и поняв, что тот ему не помощник, капитан вспомнил об их ссорах, о взглядах родителя, об отказе помогать матери в деле реабилитации деда, потом, следом, вспомнил о Колчаке... словом, вспомнил обо всем и затем ясно осознал, кто ему поможет. Сашка Кумарин, конечно! Пусть Сашка простоват и пьянчужка, но парень он верный, свой в доску и терпеть не может, когда баб

обижают. Вот это капитану и нужно.

- Привет, Дед! – поздоровался, услышав в трубке знакомый голос. – Ты еще трезвый, то есть не прикладывался сегодня? Это странно, но очень кстати. Тогда вот что. Есть повод хорошо выпить. Потому что есть дело. А если есть дело, мы должны быть вместе. Понял? Срочно ко мне!

АЛИСА (почти месяц спустя)

Это, как уже приводилось выше, отрывочки из ее дневника:

И что теперь? А не знаю я, что теперь!.. Да нет, знаю: всё будет хорошо. И сейчас всё хорошо, вот только тоскливо. А как иначе – Лёня пропал. Ну, не пропал, а всё работа, работа, плавание туда-сюда. Мотается по своей большой голубой дороге. То Ярославль, то Кинешма, то Череповец. Да, трепались несколько раз по телефону, он звонил оттуда по межгороду, говорил, что ему меня не хватает, но ведь говорил всего лишь! Так и прошел август.

А на море было здорово, но всё-таки тоскливо опять же. Это папка молодец, прихватил меня на пару недель перед началом учебного года. А куда? В Новый Афон под Сухуми, в дом отдыха, куда достал путевку. Прихватил, уже на месте договорился с кем-то из медперсонала, чтобы мне сдали комнатку. Отлично! Комнатка оказалась в бывшем монастыре, где и размещался этот самый дом отдыха. Море прямо внизу, десять минут. Жарюга – по гальке босиком ходить невозможно. Бегом – и в волны. Местные абхазки носят по пляжу еще горячую кукурузу, персики, бутылки с минералкой. Кайф! А вернешься к себе в комнатку – опять тоска. Папка у себя, я одна. Читаю, смотрю в потолок. Вечером – танцы, или кино, или можно выйти на набережную, посидеть в кафе, пройтись вдоль рядов с сувенирами. Всё равно тоска. Лёни нет, друзей нет. Главное, Лёни. Друзья – это что: ну, разговоры всякие интересные или поездки по окрестностям. Но так днем, а по ночам? Поэтому главное – нет Лёни. Вот кого мучительно не хватает!..

Так и прошел август, теперь институт, пятый курс. Лёня обещал скоро вернуться. Ладно, потерпим, подождем. А пока – учеба, друзья-приятели, с которыми не виделась после новомосковской практики. Ну вот – встретились, расцеловались, расспросы всякие: что, как, где была, что видела (о том, что плавала с Лёней в Петрозаводск – ни слова, только о Черном море с папой). В общем, сентябрь, пятый курс, друзья-приятели. А с одним из них – проблема, да. Ну, не такая уж я чурка влюбленная, чтобы не видеть, как Костя Гастев сохнет по мне! Сохнет, смотрит нежно-ласково, но героически не мучает признаниями. И так знает, что я всё знаю. А мне неловко, стыдно. А как же: ведь я виновата перед ним, причем дважды. Ведь это из-за меня началась та самая жуткая драка, когда он пытался меня защитить и его избили, страшно избили... внутрочерепная гематома, нейрохирургия в Туле, трепанация – кошмар! И еще: ведь хотели всей компанией на обратном пути заехать к нему в больницу в Тулу, а я... а я сорвалась с Лёней в Москву, к нему домой – и никакой Тулы! Ну да, голова поехала, сама упростила внезапно появившегося

Лёню забрать меня из Новомосковска, из травматологии. Сама! Голова поехала, всё позабыла, только Лёня, только он и я. Вот я и виновата перед Костей. Бедный мальчик! Ну что я могу сделать, если люблю, но не его?

Он только спросил вчера, и, как всегда, будто в шутку: «Как там наш отважный капитан, что объездил много стран, после нашего славного рейса не объявлялся?» Ага, сразу догадалась я, значит, ребятки, когда заезжали к нему в Тулу, ничего о Лёне не сказали, о том, что он вдруг приехал в Новомосковск и забрал меня с собой. Молодцы ребятки, пожалели несчастного влюбленного!

Вот и я пожалела – ответила, усмехнувшись: был капитан и сплыл. Между прочим, это почти правда: сплыл куда-то, то есть плавает по Волге, плавает до сих пор. Речной волк, черт!

А странно, хотя и печально опять же, если о Косте. Не понять ему, бедному, что делает себе только хуже, когда рядом со мной. Я не могу не сравнивать, это помимо моей воли. Вот он, Костя, и мой капитан. Какая разница! Костя, он чудный, но мальчик еще, юноша, умненький инфант. А капитан? Это – мужчина, мужчина, и всё, этим словом сказано всё. Я хочу его, только его, сильного, разумного, твердого, ироничного.

Наверно, я нормальная баба. Говорят, молоденькие бабы именно таких и хотят, а не погодков без опыта и внутренней силы. А возраст тут ни при чем.

Так когда же ты, чертов капитан, объявишься наконец и призовешь к себе, да не на пару часов, а на ночь?

КАПИТАН И СТАРМЕХ

А соврал капитан свой любимой Алисе, соврал. Правда, частично, но... В Ярославль плавал, и в Кинешму плавал, а вот на Череповец рейса не было. Было несколько свободных дней, и эти дни капитан провел – где? В Новомосковске. Да не один, а с Сашкой Кумариным.

Они уехали туда вскоре того самого разговора, когда капитан пригласил к себе домой стармеха – дескать, выпить надо, дело есть.

Так о чем они говорили, помаленьку выпивая? Вот о чем, если коротко.

- Слыхал последние новости?

Удивительно, но Сашка сразу понял (или просто угадал):

- Про наш любимый Рыбинск? Ага, вчера по телеку передали. Суки долбаные! Теперь – Андропов, значит. Ничего святого для них нет! Ну, засранцы, инвалиды ума!..

Он ругался еще и, исчерпав запас матерщины, приказал срочно напиток и выпить. Потом хохотнул:

- А этот новый хрен, живой покойник? Ну, протянет с годок, похороним торжественно, но ведь опять что-то переименуют в его честь! А что? Где он родился, кстати?

- А вот это мы сейчас узнаем! – подмигнул капитан, встал из-за стола и извлек из книжного шкафа пухлый том. – Это, Сашка, премудрая книга, «Большой советский энциклопедический словарь» называется, тут всё про всех партийцев есть... Так, находим буквы «Ч». Теперь ищем Черненко... Как

его звать-то?

- Ксин Синыч, – подсказал Сашка.

- Не понял!

- Это я не по пьяни, это я по злобе. Ксин Синыч – то есть Константин Устинович.

- Теперь понял... Так, нашел, вот он, голубчик. Значит, родился – ох, ё-моё! – в 1911 году в селе Большая Тесь Красноярского края. Сибиряк, значит. Значит, немало еще протянет, хоть и за семьдесят, и больной.

- Откуда знаешь, что больной?

- Они все больные.

- А, конечно, конечно.

- Отсюда следует, дорогой мой стармех, что переименуют... э, ну не эту же самую Большую Тесь, это село занюханное, это мелко для памяти генсека, так?

- Мудро мыслишь! Значит, переименуют город Красноярск. Ведь эта Тесь – где? В Красноярском крае. Вот Красноярск и будет город Черненко. Ура!

- М-да, это круто. Но, может, одумаются? Хотя... инвалиды ума... Ладно, пора выпить, ты прав. И ну их всех к херам!..

Еще через некоторое время Сашка спросил:

- Ты узнал, куда плывем теперь?

- На Ярославль и обратно, двенадцатого в шесть ноль-ноль. Погрузка за двое суток, с десятого.

- А, на Яр! (Здесь и местами далее – жаргон; «Яр» – это Ярославль.) Очень хорошо, люблю этот город. На цирк со мной пойдешь? («Пойти на цирк» – значит, взять женщину на пару часов или на ночь, что связано с тем, что рядом со зданием цирка в Ярославле – площадь, где по вечерам толкуются определенного типа девушки.)

- Не, на цирк не пойду.

- Это как?

Капитан промолчал, но так многозначительно, что Сашка всё понял:

- Э, ясно-ясно! Погиб наш капитан! Интересно, надолго?

- Посмотрим... А ты, значит, опять бабу на судно притащишь?

- Ну, так к себе же в каюту! А что – кое-кому можно к себе в каюту, а мне...

Капитан перебил:

- Мне – можно. И не потому, что я главный на судне, а потому что это – Алиса.

Саша развел руками, но потешно. Но и как-то уважительно все-таки:

- Ладно, капитан, понимаю, правда. Алиса, да... Ну, так я схвачу бабу – и на судно, о'кей?

- О'кей. Только чтоб никто этого не видел. Усёк?

- Именно так, мерси...

Еще через некоторое время вышли на балкон, закурили, глядя на вечерний город.

- Вот что хотел сказать тебе, Сашка, – начал капитан. – Э, ты еще не пьян, соображаешь? Мне нужно, чтобы ты хорошо соображал. Тогда слушай. Про упомянутую тобой Алису, значит.

И рассказал всё. Всё, что знал: и про сам случай в Новомосковске, и про больницу, и про посещение милиции, и про заведенное дело, а под финал про бесполезную поездку к отцу-полковнику. Сашка сначала перебивал,

сыпал ругательства, но вскоре смолк и слушал внимательно. Когда капитан закончил, спросил коротко:

- И что?

- А ты думаешь – что?

- А я думаю так, – тряхнул головой Сашка и сузил глаза. – Первое: преступление налицо. Второе: преступников, то есть тех двоих насильников милиция не найдет, это ясно. Третье: твой папаша... ну да ладно. Отсюда четвертое: поскольку расплата должна быть, то, значит, мы сами. А кто кроме нас? Только мы с тобой! Значит, едем. Как куда? В этот сраный Новомосковск, город послесталинского криминала. Наведем справки, пообщаемся с людишками и опять с тамошними ментами. Авось, найдем конец ниточки. Как тебе мой план? Вот вернемся из рейса с Яра – и вперед! Только денег побольше надо захватить, деньги в таком деле очень нужная вещь, понял, сведения, они задором нам в руки не свалятся.

Зазеркалье мое, это я пишу тебе письмо, а ведь я сплю. Как же так – писать письмо во сне? Вот видишь, вот так.

Мы едем на поезде из Новомосковска в Москву, и меня совсем сморил сон. Сплю. А рядом в соседнем кресле – Сашка Кумарин. Тоже заснул, кажется, плечом ко мне привалился. Хорошие поезда нынче понаделали, кресельные, как в самолете. Вот мы и спим рядышком, как в самолете на плече у соседа. Только самолет – на большие расстояния, а эти поезда с креслами – на короткие. Три часа – и приехали. Значит, это скоро, и я проснусь. А пока пишу тебе.

А чего пишу? А то, главное, что у нас ничего не вышло. Хотя нет, главное – это ты, конечно. То есть я очень соскучился по тебе, Алиса из моего Зазеркалья, гриб мой дрожащий под зонтом, моя девочка ненаглядная, моя женщина. Вот это главное, конечно, а то, что у нас с Сашкой ничего не получилось, это... нет, это тоже немаловажно, это жуть как обидно, даже противно!

Вот я и пишу тебе об этом. А зачем? А затем, что как я тебе про то скажу наяву? Наяву-то – никак. Поняла? И злость берет оттого, что у нас с Сашкой всегда всё получалось, а тут – нет. Вот зараза!

Всегда у нас получалось – и когда еще в Нижнем учились в Речном, и позже, уже на «Волго-Доне». Всякие дела я имею в виду, а не только службу, работу. То есть наши дела.

Вот, например. Было дело, послушай. Это уже давно, в Нижнем, в Речном училище. Однажды занял у меня Сашка трёшку. На что, не знаю – может, на девку очередную, а может, на бутылку. Это его проблемы. Я дал, он обещал отдать со стипендии, а слово держать он умеет. И тут... Я приболел простудой с насморком, несколько дней не был училище, а как раз – выдача стипендий. Святой день, понимаешь! А я весь в соплях. Ну ничего, думаю, через пару дней получу, не пропадут мои дохлые рублики, а еще и Сашка долг вернет... И вдруг он приваливает ко мне домой (я, пока учился, у двоюродной бабки жил в Нижнем, на Университетской набережной). Приваливает, морда заметно побитая, а сам весь возбужденный, бледный, но явно растерянный. Что случилось? Объясняет: получил он свою стипендию, отнес маме домой (сам он

нижегородец, я тебе говорил, если помнишь), а трояк, который мне должен, упрятал в карман, чтобы завтра вернуть. И пошел куда-то прогуляться вечерком, пивка глотнуть, поразвлечься. Вот и развлекся, ага! Куда-то его затащили, ограбили, да еще и по морде крепко вдарили. Значит, трояк мой – тю-тю. А Сашка такого терпеть не может – чтобы быть битым и чтобы слово не сдержать. Вот и примчался ко мне, но не каяться, а звать на дело. Тех двух парней он хорошо запомнил, и улицу, где его избили-ограбили, тоже запомнил (это в Автово, есть в Нижнем такой райончик). «Пошли, – говорит мне Сашка, – поможешь мне твой трояк вернуть». Что ж, я пошел – даже не за трояком, а чтобы за родного друга отомстить. И для подкрепления наших сил зашли мы по пути в общагу – еще за одним нашим верным другом, Володей Дадиани, с которым вместе учились. Я тебе о нем рассказывал, если помнишь: сам он из Грузии, точней, Абхазии, из Гагры.

И что ты думаешь – мы их нашли! Не сразу, но нашли. Отметелили их и деньги отобрали. Я-то и тогда был крепкий как лось, да и Дадиани не хилый и горячий, а Сашка хоть и помельче, но цепкий, жилистый и в озлобленности прямо бес какой-то, всё сметает на пути. В общем, поквитались. Правда, с деньгами вышла у нас разногласица. Когда отняли рубли у тех придурков (а у них оказалось около десятки), я и кричу Сашке: «Возьми наш трояк, а остальные им в хари швырни!», а он: «Хрена им лысого, берем всё, это за мордобой, за нанесенный мне физический и моральный ущерб!» И Володя, наш грузин, поддакнул: «Вот это справедливо!»

Ну, я не стал спорить, и мы быстренько смотались, чтоб на ментов не нарваться. Трояк я взял себе, а остальное досталось Сашке. За нанесенный ущерб, значит.

Вот я и говорю тебе, Алиса моя ненаглядная, говорю, что всё и всегда у нас с Сашкой получалось, а вот сейчас, в этом Новомосковске, – не вышло. А как, а почему? А вот так.

Пообщались с тем самым следователем, что твое дело ведет, и оказалось, что дела-то уже нет, то есть оно закрыто. Помнишь, их было пятеро – тех, кто к вам в школу под ночь приперся... потом драка и прочее... ну, с тобой. Так вот, троих, которых сразу схватила милиция, их, оказывается, уже осудили, они сейчас пока в тюрьме, но скоро их ждет зона. Сколько им дали? По-разному, но все пошли по 108-й статье*. Это (о, я запомнил!) за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. А за это – от двух до восьми. Однако на следствии выяснилось, что твоего дружка Костю Гастева железным прутом бил только один из той троицы, а остальные двое били по-простому, по-нашески, то есть кулаками и ногами. Так вот тот, кто орудовал прутом, получил пять лет, а двое – лишь по два года. Это потому (пять и два), что, как нам растолковали, пострадавший в результате нанесенной черепно-мозговой травмы ничего не лишился... э, то есть не утерял важные

функции, например, речь, слух или зрение. Травма – да, операция – да, но выписался на своих двоих, никаких осложнений. Вот из-за этого крючкотворства и вышло: тому, кто бил по башке прутом, – пять лет, а тем, кто бил просто так, руками-ногами, по два года. И всё.

Э, стоп, говорю я следователю, а те, которые в розыске, которые пытались насилловать гражданку Пивоварову? Я, говорю дальше, то есть мы с товарищем (и киваю на Сашку Кумарина), за этим и прибыли из Москвы – чтобы на месте узнать, нашли их или нет. Нет, отвечает он нам, не нашли. И арестованных допрашивали, и свидетеля, но следов так и нет: куда-то они пропали, и в городе их точно нет, и в области. Э, стоп, опять говорю я, а что это за свидетель такой, откуда он взялся?

И выяснилось, что в той компании у вашей школы был еще один парень, но он сразу ушел, лишь только понял, что будет драка. Это все арестованные показали: да, был с ними, но в драке не участвовал, быстро смотрелся. Вот этот парень и проходил по делу свидетелем, а не обвиняемым. Свидетелем не драки и попытки насилия, а того, что сошлись на танцах в горпарке, потом выпили, потом пошли к школе на окраину, чтобы девок на улицу вытащить, погулять с ними, ну и так далее, но затем, когда понял, что дело пахнет жареным, быстренько ушел. Ни драки не видел, ни попыток насилия над девушкой.

Так вот, Алиса моя ненаглядная, наш следователь оказался нормальным мужиком, понятливым. Все-таки фамилию имеет соответствующую – Кешман. Этот самый Кешман всё про нас с Сашкой Кураминим понял (то есть, зачем это мы к нему из столицы приехали) и кое-что нам рассказал, но так, будто это только между нами. Что дело дохлое и тех двоих, которые на твою красоту покушались, не найти, вероятнее всего. Потому, осудив по 108-й остальных, дело и прикрыли. Но адресок того самого свидетеля Кешман нам дал. Уж больно сердечно мы его о том попросили. Назвал имя и фамилию, сказал, где проживает, но тут же отверг наши попытки вручить ему презент в конверте. Молодец Кешман! А на прощанье даже посочувствовал нам и пожелал выкинуть эту хренотень из наших голов. Все живы-здоровы, и слава богу, а тут, в органах следствия, как было, так и будет, хоть покойный генсек Андропов и грозился навести порядок.

Что дальше? Нашли мы того свидетеля, нашли. Вроде обычный парень, хотя и придурок маленько. Трусоват, да. Поэтому пришлось поднажать, но словесно, без применения силы. Да он толком и рассказать ничего не смог! Ничего не знал. Те двое? Раньше видел их мельком. Работали, кажись, на химкомбинате. Или, кажись, нигде не работали. Какие с виду? Ну, как все, без особенностей. Молодые, после армии, кажись, выпить любят, громкие, к бабам приставучие... Вот и всё. Полезная информация для розыска, если учитывать специфику нашего народонаселения, особенно на периферии. И мы с Сашкой поняли, что нечего нам делать тут, в этом задрипанном Новомосковске с его криминальным прошлым и настоящим. Значит, обратно в Москву, не солоно хлебавши. А это как унижение. Для нас. Мы ведь удачники, а не неудачники. У нас всегда всё получалось, а тут... Вот такая история, моя красавица, вот что я хотел написать тебе, пока

сплю. И написал, кажется...

КАПИТАН, ПОЛКОВНИК, АЛИСА

Сразу же позвонить Алисе!

Это первое, что хотел сделать капитан, когда вошел в квартиру после зряшной поездки в Новомосковск. Хоть и был опечален провалом, раздражен, а чувствовал себя виноватым. Алисе, скорей: и виноват, и, главное, соскучился! Сначала рейс в Ярославль и обратно, потом сразу же эта самая поездка... Подсел к телефону, и тут, опережая, раздался звонок. Оказалось, отец. Нет, заговорил, ничего не случилось, а вот кое-что выяснить надо. Что? И дальше – сюрприз. Отец попросил (попросил, как приказал) дать ему следующие данные: номер отделения милиции в Новомосковске, номер заведенного дела по фактам избиения и попытки изнасилования, фамилии пострадавших и фамилию следователя, ведущего дело. Капитан всё это назвал, причем медленно, пока отец записывал. Записав, тот сказал: будут подвижки, сообщу. И сразу распрощался.

Вот так номер! Что же с отцом произошло? Совесть заела? Ладно, в любом случае спасибо: не вышло у капитана, так, может, выйдет у полковника МВД. Теперь – Алисе. Набрал номер, но там никто не брал трубку. Ну да, еще не вечер. Кто где. Оставалось ждать.

Через полчаса новый звонок. На сей раз из Северного порта, начальство. Срочно в рейс, да, вне плана, на Саратов. Срочно, завтра с утра, судно уже под погрузкой, команда в курсе, собрана. Поэтому сейчас же в порт. Отдельная оплата плюс премиальные, потому что груз по ведомству Минобороны. Ясно? Ясно, секреты хранить умеем, научены. А почему заранее не сказали? Звонили, никто не снимал трубку. А, ну да, ну да... Значит, срочно в порт. Это до поздней ночи. А утром в рейс. Вот так, Алиса моя ненаглядная! Наша ночь сегодня отменяется. И не только сегодня, а на всю ближайшую неделю, если не больше. Вот так...

Капитан повздыхал и отправился в душ. Вот так, моя Алиса, всё повторял, вот так. Что за день! Из Новомосковска приехал ни с чем, ни черта там не вышло, потом звонок отца (может, у него выйдет?), а теперь срочно призывают в порт – и в рейс на неделю. Что остается – только позвонить тебе вечером из порта, извиниться, сказать, что люблю, очень люблю – и попрощаться. Терпи, моя девочка, терпи, что нам теперь делать обоим – терпеть, да.

Из рейса он звонил ей дважды: по прибытии в Саратов и перед отплытием в Москву, и вот тот второй звонок вышел странным. Из-за Алисы.

Действительно, она говорила как-то странно. Нет, что до чувств и того, что очень ждет, когда же наконец объявится ее отважный капитан, тут всё хорошо, это даже приятно, а вот дальше... Какие-то загадки. Не напрямую, а намеками. Дескать, вот он вернется, и она что-то расскажет. А что? Ну, вот увидимся, тогда. Да нет, ничего не случилось, просто соскучилась, просто надо побыть вместе наконец, уж скоро месяц, как не общались, только по

телефону... Капитан не любил загадок и спросил без дипломатии, но многозначительно: «Это связано лично с тобой, с твоим здоровьем?» (Нет, все-таки чуть схитрил: хотел спросить – может, она беременна?) Алиса поняла и рассмеялась в трубку: «Нет, не беспокойся, донжуан! – И вдруг продолжила так: – А ты, Лёничка, давно не звонил отцу? Так ты ему позвони, а то нехорошо как-то, родитель все-таки. Ты пропал из Москвы и не даешь о себе знать, а человек небось волнуется».

Вот тебе и Алиса! Намек на что-то или просто дань вежливости и добросердечию – дескать, какими бы ни были отношения, а отец есть отец и позванивать ему надо... Вот тебе и Алиса – учить вздумала!.. Нет, тут что-то не так, это она неспроста...

Пока плыл в Москву, время от времени вспоминал тот телефонный разговор, а еще мечтал о том, чтобы Алиса его встретила. Капитана никто никогда не встречал. А хотелось. Чтобы увидеть с мостика или из рубки, как стоит женщина на причале и ждет тебя. А потом ты спускаешься по трапу, и она спешит к тебе, обнимает и шепчет ласковое... Такого не было. И опять не будет, то есть в этот раз. Потому что в Северном порту после швартовки всякие дела, документация и прочее-прочее, и что ж, Алиса должна его ждать, а сколько, неизвестно? К тому же у нее днем свои дела, учеба в институте, что-то еще. Значит, не сможет она его встретить у трапа. Значит, теперь до вечера. Да-да, они так и договорились, что она сама позвонит ему сегодня, позвонит, удостоверится, что он дома, и приедет...

По пути к себе, отстояв в очередях, капитан прикупил продуктов и теперь, после душа с дороги, взялся за готовку обеда. Это он не что любил, но умел хорошо – готовить. Особенно получался борщ, типа украинского, то есть со свининой, свеклой, капустой, помидорами, луком и картошкой, густой, так что, как говорится, ложка стоит. Такой борщ – и первое, и второе блюдо сразу. А ежели еще и пару рюмок холодной водочки, – это вообще кайф, особенно после долгой дороги, с рейса, где питание, пусть и нормальное, да все-таки не домашнее.

Значит, капитан готовил борщ, причем делал это с удовольствием, ибо, что греха таить, хотел показать свое умение вечерней гостье – Алисе, которая наверняка проголодается после целого дня в институте... Ну вот борщ уже готов, можно выключать газ, а Алиса уже позвонила, сказала, что будет к семи вечера. Теперь до семи капитан свободен – и чем бы заняться в этот час? А, да-да, надо позвонить отцу, узнать, есть ли подвижки по новомосковскому делу, а после доложить драгоценной девочке из Зазеркалья, что не такая уж он свинья, чтобы совсем забыть о своем родителе.

Но позвонил сам отец. Еще одна неожиданность, очередная уже.

- Ты куда запропал? – начал недовольно, поздоровавшись. – Я тебе третий вечер подряд звоню! Или четвертый.

- В Саратове задержались, спецрейс был, груз негабаритный, по оборонке. Для города Энгельса, понимаешь?

Отец понял.

- И что – нормально?

- Да. Только возня была, вот и стояли в порту. Но премию уже выдали, так что никто не в обиде, я тоже. Теперь, пожалуй, машину наконец куплю.

- Молодец, поздравляю... А вот за что не поздравляю, так это за твой

волюнтаризм, как говорили про нашего засранца Хрущева, когда его сняли. Капитан опешил:

- За что сняли? Это что за словцо?

Полковник рассмеялся:

- Объясняю тебе, сыночек! Волюнтаризм – это, попросту говоря, произвол. Когда кто-то что-то делает как бог на душу положит, то есть «хочу, и всё!», без учета объективных обстоятельств и без просчета последствий. Вот таким и был товарищ Хрущев, и правильно, что его из власти выкинули, надоел всем! Понял?

- Ага, вот теперь понял. А XX съезд – это тоже как бог на душу положит?

- XX съезд – это извращение линии партии, явный перегиб! Вот с этого всё и покатилося, и почти на тридцать лет, пока не пришел Юрий Владимирович. Да ненадолго, к несчастью для него и всей нашей страны.

Капитан чертыхнулся про себя, но сказал мягко:

- Ладно, отец, не горячись, пусть так.

- Именно так! – безапелляционно отозвался тот. Однако тоже справился с собой: – Про Андропова и про нынешнего – это я не зря помянул, кстати. Потому что... Теперь слушай, это про тебя.

И дальше капитан узнал следующее. Все-таки решив откликнуться за просьбу сына, отец, как он и говорил, никого ни о чем не просил в своем ведомстве и самолично позвонил по спецсвязи в указанное капитаном новомосковское отделение милиции. Тамошний начальник, подполковник такой-то, сразу вызвал следователя Кешмана с тем самым делом о криминальной драке и попытке изнасилования, и тут выяснилось, что не далее как некоторое время назад, такого-то числа сего месяца, к следователю Кешману вторично приезжал из Москвы некто капитан Желтков, на сей раз еще с одним товарищем, и опять интересовался, как отыскать тех, кто в розыске по данному делу... Поэтому сейчас начальник отделения милиции тоже заинтересовался у звонившего ему из Главного Управления полковника МВД Желткова, который, начав разговор, представился по форме, не родственник ли ему приезжавший сюда капитан Желтков? Полковник Желтков внутренне озлился, но сдержал себя и, процедив многозначительно: «Однофамилец!», запросил дело к себе в Управление, по факсу, и срочно.

- Ты догадываешься, Лёня, что я понял? – продолжил отец. – Если нет, то я скажу тебе. Ты – наивный и безголовый. Каким был, таким и остался. Романтик! Дурак!.. Ну ладно, прости, это я по-родственному, не обижайся. Но голову все-таки иметь надо! Неужели ты не понимаешь в свои почти уже сорок лет, что если наша милиция, которая в стадии разложения, едва что-то может, то ты... Да кого ты там и где найдешь?.. Ладно, это мне понятно. Мне понятно вот что. Первое: эта твоя милиция в Новомосковске вряд ли доведет дело до конца, ибо, как воцарился товарищ Черненко, так вся начатая Андроповым реформа МВД стала сворачиваться. И второе: за дело берусь я. Я! А почему? Ты прав: правосудие быть должно. И оно будет. Верней, оно уже есть, хотя и частично. То есть суда еще не было, но двоих тех голубчиков, которые пытались изнасиловать гражданку Пивоварову, их арестовали, они уже в Москве, в СИЗО. Вот так-то! И их уже опознали, вот! Кто опознал? Те трое, что шли по делу ранее, за драку с причинением тяжкого вреда здоровью, то есть по 108-й, а еще их опознала твоя

Пивоварова, я ее вызывал. Как? Элементарно! Ее паспортные данные, адрес, телефон и протокол с ее показаниями, они в деле, в том деле, которое вел следователь... как его?.. Кешман, да, и которое мне переслали из Новомосковска. Вот я твою Пивоварову и вызвал. И она опознала. Всё! Им грозит 117-я, а это от двух до пяти. Но уж не беспокойся, по полной, то есть пятерик они получают, да еще на зоне строгого режима, потому что уже в ходе следствия выяснилось, что за ними и прежде были грешки по уголовке. Понял, романтик? Кстати, твоя дама... ну, Пивоварова Алиса... ты молодец, одобряю, одобряю. Это я и для нее сделал. Для справедливости, конечно, это в первую очередь, но и для нее, не для тебя же, романтического балбеса!

Капитан сглотнул слюну. Потом спросил:

- А где они нашлись, те ублюдки, если не секрет?

- Да какой секрет! Всего-то и надо было, что включить их в реестр всесоюзного розыска. Вот это я и сделал, причем сам, без Следственного управления. Фамилии были, фотографии были. То есть были еще в Новомосковске, в деле, которое мне переслали. Две недели – и готово! А где? А далеко, на БАМе. Думали схватиться в таежных краях. Но это ж все-таки БАМ! Там хорошая кадровая система налажена, то есть всё через отделы кадров при найме, никаких неучтенных шабашников. БАМ же, всесоюзная, народная стройка! Кадровики прошерстили списки – и пожалуйста. Потом – милиция: задержали, арестовали и доставили в Москву, на Петровку. Ну, дальше – уже наше следствие. Вот и всё. Так что успокойся: скоро суд, а потом пять лет они будут заняты лесоповалом на нашей уютной Вологодщине. А на зоне, знаешь, всякое бывает, на зоне насильники не в чести, как известно. У нас свои законы, а там свои. Да, главное, чтобы везде законы соблюдались. Вот это мой принцип на всю жизнь. Понял, Лёня?.. А, да, – добавил отец после торжественной паузы, – если ты это серьезно... ну с той самой твоей девушкой, то милости прошу в гости. Ну, как-нибудь. То есть когда посчитаешь нужным. Я – с радостью. Понял?

Капитан понял. Коротко поблагодарил. Других слов в тот момент у него не нашлось.

Было уже довольно поздно, и Алиса спросила:

- Лёничка, ты проводишь меня до метро?

Он всерьез удивился:

- Здравсьте-приехали! Ты что, не останешься на ночь? Нет, останешься!

- Как? Как я останусь? А родители? – Она сделала страдальческое лицо и развела руками.

- Ну, так позвони им и скажи.

- Что сказать?

- Ну, например, так: что после вечернего секса, ты планируешь еще и ночной, поэтому остаешься.

- Лёня, зачем ты валяешь дурака? У нас в доме такого не бывало, чтобы я где-то у кого оставалась, не приходила на ночь домой.

- Тебе что, шестнадцать лет? Тебе двадцать с хвостиком, ты взрослый человек!

- Ну да, взрослый, но мама с папой! Они будут переживать. Нет, невозможно.

Капитан взял ее за плечи, чуть встряхнул:

- Алиса, девочка, всё возможно, запомни. Надо только очень захотеть. Если ты хочешь остаться со мной, позвони и скажи, что ты останешься. Твои папа с мамой, они что, не поймут?

- Не знаю... Я-то, конечно, хочу, а они... Они такие... старорежимные, как из прошлого века. Они меня всё еще за ребенка держат, за девочку.

- И сколько же им, твоим старорежимным, лет?

Алиса вскинула головку:

- Ты с какого года?

- С 45-го.

- А, вот я и узнала, кстати... А мои? Мама тоже с 45-го – чудеса, да, совпадение какое! А папа с 40-го.

- Старики! – Капитан рассмеялся. – Мои ровесники, плюс-минус, мое поколение! Значит, если я понимаю, что у молодой женщины могут быть близкие отношения с мужчиной, то и они поймут, спокойно поймут! Чего ты себе напридумала, а? Позвони и скажи! – добавил твердо.

- Что сказать? Про вечерний и ночной секс?

- Нет, лучше скажи правду. Скажи, что есть мужчина, с которым у тебя серьезные отношения, а не просто так. Вот ты у него и остаешься сегодня.

Тут она чуть заиграла:

- А что, у нас с тобой серьезные отношения, Лёничка?

Он махнул рукой и пошел в кухню.

- Кажется, да, – произнес на ходу. – И уже из кухни продолжил громко, чтобы она слышала: – Я тебя сегодня ждал в порту, так ждал, а ты не пришла, зараза! Как это – не знала? Не перебивай старших по званию!.. Я никогда никого так не ждал! – И вдруг перешел на крик: – Меня никто никогда не встречал в порту, понимаешь? Никто, никогда! А я, оказывается, всегда ждал этого, все двенадцать лет, что плаваю на «Волго-Доне»! Ты понимаешь это, гриб дрожащий? А ты не пришла! А я ждал! Знал, что не придешь, а ждал. Да, мы не договаривались, но интуиция есть у моей любимой женщины или нет? Она что, не догадывается, что капитан истосковался по ней? Что она должна встретить его на причале, у трапа? Что есть такая традиция, черт возьми, освещенная веками, – встречать моряка из плавания, из рейса! Встретить, обнять, пошептать ласковое!.. Нет, она не догадалась! Она чурка бездушная! У нее чурка вместо души! Она...

Он осекся, потому что увидел Алису в проеме кухонной двери. Он не видел ее такой. Глаза широко распахнуты, и в них... нет, еще не слезы, а влага, много-много. Будто набухшие озера, которые сейчас вытекут из берегов.

Он застыл, а она приподняла подбородок и шумно сглотнула. Он понял: вот это – слезы, но те, которые не наружу, а в себя, в душу, которую оскорбил грубый мужлан, обзвав ее чуркой.

Ночью Алиса ластилась к нему, как ребенок.

- Ты классный борщ приготовил, ты редкий мужчина!

- Угу, – соглашается он, довольный.

- Я тоже умею готовить, но борщ – это только ты!

- Угу, – соглашается он опять, но затем уточняет: – Я еще кое-что умею готовить – яйца вкрутую, например. Тоже классно получается.

- Отлично! Значит, за тобой борщ и яйца вкрутую.
- Угу. А еще я умею рыбу вялить.
- Да ну? Отлично! Вот и вяль.
- Угу. Тогда за тобой пиво.
- Договорились.
- Угу.
- А что ты всё время мычишь?
- От послевкусия удовольствия. Нет, вообще-то я и спеть могу. От послевкусия.
- О! Ну, спой.
- Ты серьезно?
- Конечно.
- Тогда так. Я тебе говорил, что обожаю блатные песни, то есть интеллигентно-народные? Ага, говорил. Тогда так. – И действительно затянул тихонько, хрипловатым баритоном:

*Он капитан, и родина его – Марсель.
 Он любит пьянки, кутежи и драки.
 Он курит трубку, пьет крепчайший эль
 И любит девушку из Нагасаки...
 У ней такая ма-а-аленькая грудь
 И губы, губы алые как маки...
 Уходит капитан в далекий путь,
 Целуя девушку из Нагасаки.*

- А дальше? – спрашивает Алиса. – Что ты замолк?
- Дальше будет печально, как и положено в народе. А я не хочу печальное. Я про тебя. Ты вот кто еще – ты моя девушка из Нагасаки! Только у тебя не маленькая грудь, а нормальная, хорошая, даже роскошная.
- Ладно, спасибо, – улыбается Алиса. – А скажи, мой капитан, когда ты недавно проходил Рыбинку, как там было – опять тишь да гладь?
- Именно! Как по заказу. Верней, как по мне. Представляешь: опять гляжу в зеркальную воду, как тот медвежонок из мультфильма, и вижу. Кого? Нет, не мужика в фуражке, то есть свое отражение, а тебя. Тебя, Алиса! Которую однажды я выловил здесь бурной ночью. Всего-то один раз была здесь при мне бурная ночь на Рыбинке, а для чего? Чтоб выловить тебя, девочку из Зазеркалья, девочку с той стороны... с той стороны меня, понимаешь? Выловил – и теперь мы на одной стороне, вместе, вот конкретно сейчас на одном диване, и я могу целовать тебя, а ты меня... Во-во, я ж всегда знал, что та самая Алиса из страны чудес – это никакая не сказка. Это мне подсказала моя большая голубая дорога, открыла. Угу, точно. Вот только... только вот что. – Он повернулся к ней, чуть навалился боком и уткнул голову ей в шею. – Странно, не пойму, – зашептал, – что со мной, когда ты? Что со мной, когда ты со мной? И ведь почти с самого начала! Вот когда я привел тебя к себе в каюту... Ведь тогда я честно сказал себе: как она решит, так и будет, а если нет, то, значит, нет. А вместо этого вдруг повалил тебя, взял силой фактически. Ужас. Что со мной случилось? И вот сейчас, сегодня: вдруг накричал на тебя. А за что? Ты совсем ни при чем, это у меня в голове непорядок. Мало ли что хочется капитану после рейса – ты-то здесь при чем?

А вот, видишь, голос повысил, чуркой обозвал. Идиот!.. Вот и получается, что я не прав, что не... не нежно я с тобой, а грубо. А так неправильно, потому что ты мне не просто особь женского пола, пусть молоденькая и красивая, ты мне – Алиса, моя Алиса из Зазеркалья. Понимаешь?

Она обняла его, потом легла сверху, будто укрыв своим телом.

- Я всё понимаю. Понимаю, что ты всё сделал правильно. Правильно, что привел меня в каюту и заставил стать твоей. Я этого хотела душой и телом, а голова как бы сопротивлялась. Так бы и сопротивлялась, если б не ты.

Правильно сделал, ты молодец. А сегодня: и что? Ну, ты кричал, но не на меня, а на себя, на судьбу прошлую, когда никто никогда тебя не встречал после плаванья. А получилось – будто на меня. И правильно: конечно, я должна была подумать о том, догадаться, приехать в порт, встретить моего капитана. А я... а я, ты прав, чурка бездушная. Так что, Лёничка, не казись, ты всё делаешь правильно, ты настоящий мужчина. Я ведь всё помню – и как ты мне про Дмитровлаг рассказывал, пока мы плыли по Каналу, и про деда твоего, и про стархема Сашку Кумарина, и про твою большую голубую дорогу, а потом, в новом плаванье, про Мариинку, Белозерск и Кириллов, Кижы, Карелию, и про всё другое – помню! – Она шептала это и целовала его – в лоб, щеки, губы, а он оглаживал ее спину. А она целовала, тихонько, нежно. Потом легла рядышком, прижалась. – Вот и хорошо, мы вместе, и ты спокоен, спокоен.

Но он еще не успокоился.

- Ты ведь не знаешь всего, – проговорил. – Про меня. Про меня с тобой, с тобой во мне. Понимаешь?

- Нет. Ты о чем?

- О чем?.. Если ты во мне, то я должен... И никто никогда не имеет права покушаться на тебя! А если надумает такое, то я его убью. Найду и убью. Или покалечу... Знаешь, это я понял еще давно, когда заканчивал школу, в шестнадцать лет. Вот послушай, как дело было.

И капитан стал рассказывать давнюю историю про Стафа, учителя физкультуры, который лапал девочек на уроках, и в числе прочих – Олю, его, капитана, первую любовь. И как капитан понял, что должен отомстить, и как отомстил. Нет, не убил и даже не покалечил, но побил и своего добился: Стаф исчез, а перед тем, несомненно, такого страху натерпелся, что надолго потерял охоту заниматься непотребством.

- Да дело не в том уроде, а во мне, понимаешь? – продолжил он. – Во мне! Я не могу смириться, если такое. Если берут моё. Не вообще моё, а именно мою женщину. Я не могу этого простить. Я зверею. Вот поэтому я... когда узнал про тебя в Новомосковске...

И смолк. Потому что не хотел говорить Алисе о подробностях – и раньше не хотел, и сейчас тоже, но сейчас все-таки что-то вырвалось, проговорился малость. А оказывается, она кое-что знала. А он-то наивно полагал!..

- Ты мне так и не сказал: ты позвонил отцу? – спросила, почему-то улыбаясь.

- Он мне позвонил первым, то есть опередил меня. Сегодня. И рассказал, что вызывал тебя на Петровку. И что...

Но Алиса перебила:

- погоди, Лёничка, теперь мой черед. Теперь слово мне. Потому что скрывать тут нечего. У тебя хороший отец, и ты молодец тоже... Ну, то дело, то есть как я опознала тех двоих, – это ладно, с этим покончено, а я о другом. О том, что

я узнала. Что ты ездил в Новомосковск, что просил отца помочь. И он помог. А я ведь ничего не знала раньше. Ты скрытный товарищ, оказывается! Но папа твой мне кое-что рассказал. И вообще он мне понравился.

- И что же он тебе рассказал? – Капитану стало и любопытно, и боязно.

- Ладно, тогда по порядку. Мне позвонили с Петровки, и, слава богу, трубку взяла я, а не мама, которая в тот момент была дома. В общем, меня пригласили к таким-то часам быть в проходной, с паспортом, и сказали, в связи с чем. Ну, я пришла, получила пропуск, поднялась в нужный кабинет. Сначала со мной говорил какой-то капитан (забыла его фамилию), долго говорил, сверял с новомосковским протоколом, потом мы прошли в другую комнату, и там... ну там и было то, что называется опознанием. На этом и всё вроде бы: я указала на тех двоих, их увели, остальных присутствовавших отпустили, я подписала нужную бумагу, и тут... Тут меня пригласили еще в какой-то кабинет. Там в кресле за большим столом сидел довольно пожилой человек с красивой сединой. Встал, указал на стул и представился: полковник Желтков. У меня мысли заскакали: Желтков? Однофамилец?.. И тут как ошпарило: ведь ты говорил мне, что твой отец – полковник!.. Наверно, у меня было такое лицо, что он улыбнулся и говорит: «Гражданка Пивоварова, можно я буду называть вас просто Алисой?»

В общем, он мне сказал. Что? Что, да, он отец капитана Леонида Желткова, что по просьбе сына забрал мое дело из новомосковского отделения милиции в Главное управление, и вот – дело доведено до конца, то есть следствие фактически закончено, материалы подготовят для передачи в суд, и всё. А я слушала и еще не до конца понимала – а ты-то тут при чем? Почему ты просил отца заняться этим делом? Как ты вообще узнал о том, что со мной произошло, подробности узнал?.. И от растерянности так и спросила его, твоего отца: «А Лёня... то есть капитан Желтков тут при чем?» Он усмехнулся в ответ. Как-то добро усмехнулся. Знаешь, после такой доброй усмешки начинаешь по-другому смотреть на человека, уже не как на официальное лицо при погонах. «А он, Леонид, у нас очень любознательный еще с детства, – говорит, – и большой любитель крайностей. Но по справедливости, как ему кажется. То есть судит не по закону, а по справедливости. Пришел в отделение милиции в Новомосковске и многое там вызнал. Как? Это вы у него спросите. Короче говоря, попросил меня помочь. А потом, ни слова не сказав мне, опять в Новомосковск поехал – хотел сам за дело взяться, тех насильников искать. Наивный романтик наш капитан. А дело закрыли мы, нормально закрыли, положительно... В общем, дорогая Алиса, передайте ему, вашему капитану, чтоб он успокоился и больше не ворчал на нашу социалистическую законность. И чтобы за вас не беспокоился». И, сказав это, он вдруг подмигнул мне по-свойски – знаешь, как это умеют делать добрые родители. И мне это понравилось. Вот и всё. Но и еще: я поняла про тебя, Лёничка, поняла, какой ты и как я люблю тебя, и как я хочу, чтобы ты был совершенно спокойным, потому что всё хорошо, всё.

- И это действительно всё – про него и про тебя? – помолчав, спросил капитан.

- Конечно. А что мне скрывать?.. Ой, да, забыла! На прощанье он пожал мне руку и сказал полупшепотом: «Намекните ему, сыночку, чтоб позвонил отцу. А то по сто лет знать о себе не дает, стервец!» Вот, я тебе и намекнула,

помнишь?

- Угу.

- Значит, действительно всё – и та проблема закрыта, и с папой ты поговорил. Славная история, прямо сказка.

- В этой сказке есть еще и предложение отца нанести ему визит. То есть чтобы я вместе с тобой.

- Ну и какие проблемы? Он мне понравился, я – за.

Капитан присел, потянулся за сигаретами в изголовье дивана.

- Да, вроде никаких проблем. Тем более, он всё сделал. Я попросил, он сделал, хотя... хотя и не сразу, про законность много говорил, про свой принцип никого ни о чем не просить по службе. И получается, никого не просил, всё сделал сам.

- Ну, вот видишь!

- Вижу. Только объясняться с ним не тянет. Как обычно, начнется бесполезный спор. Опять про любимого Андропова, который рано помер, не успел навести порядок. Про дурака Хрущева, про безвольного Брежнева и такого же нынешнего Черненко. Про то, как после товарища Сталина все последующие цари страну, прости меня, профукали. А как ему понять, что первый, кто профукал страну, был Ленин. Религию убил, интеллигенцию убил, философов заставил убираться к чертовой матери, крестьянство сгнобил, офицерство уничтожил – кого в ГПУ, кого на Гражданской, кого в эмиграцию. Да-да, и мой Колчак сгинул в том числе, и мой дед тоже. И хана державе! Нельзя корни рубить у дерева, нельзя! Без корней дерево гибнет, лес гибнет, и на его месте образуется болото. Вот это и есть сегодня его страна, его, отца. А он, как известный кулик, хвалит и хвалит свое болото.

Алиса присела рядом, привалилась к его плечу:

- Жаль, что я не курю. А то бы вместе с тобой.

- И не кури, не надо, – кивнул он и скопился на нее. – Черт, какая же ты красивая! Ты и в постели красивая, а вот так – сидя! А ну-ка, встань, я хочу любоваться всей тобой, твоим телом.

Но она осталась сидеть. Усмехнулась:

- Ну вот, наконец ты вспомнил о главном, о любви, о красоте... А что до отца, Лёнечка, то его взгляды... это ведь не отменяет того, что он хороший, правда? Вот это тоже главное – помнить о сути. А он о тебе помнит. Так мы поедem к нему в гости, а?

СПУСТЯ ПОЛГОДА

Алиса достала свой дневник, с которым никогда не расставалась, и записала следующее.

Конечно, это чудеса. Всё, что со мной, – чудеса. Как в той книжке. И как не в той, а в моей. Ну, значит, как в той-моей.

Я никуда не провалилась, ни в какой колодец (как провалилась та самая кэрролловская Алиса, погнавшаяся за кроликом), а оказалась в ночном штормовом море и приготовилась утонуть. О чем я тогда думала? Не знаю. Как опять же в той самой книжке: «Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу – тогда узнаю». И это правильно: я сказала себе – и узнала. Я

сказала себе: будет чудо, и я не утону, потому что явится ОН и спасет. Вот так и вышло. Явился он, капитан, поднял к себе на борт – и я спасена, жива. А потом, еще через день, он бесслвно предложил: «Будь моей», а я опять не знала, что подумать, что решить, но в конце концов сказала себе «да» и пошла за ним ночью в его каюту, в его, а не в другую, где могла бы переночевать одна. И это было опять чудо. То, которое, дай бог-то, на всю мою жизнь.

И потом были новые чудеса: его, капитана, внезапное появление в больнице, где я оказалась после того дикого ночного случая; наш почти побег оттуда в Москву, к нему домой, и наша ночь вдвоем; потом наше путешествие по Мариинке в Карелию, в мир, который мне там открылся; потом... потом всякие его, капитана, тайные от меня дела, вызов на Петровку к его отцу-полковнику, потом наше новая ночь и тот разговор...

Да, сплошные чудеса, будто действительно я оказалась в некоем зазеркалье, будто я и вправду оттуда, как часто шутит капитан. А может, он не шутит? Не знаю. Вот скажу – тогда узнаю. (Смеюсь.) А теперь не смеюсь и скажу, а лучше почти процитирую. Ага, из той самой книжки, любимой с детства. Там, где про любовь. Вот: «Эта великая любовь превращает фокусы в чудеса, а фокусника – в волшебника. Потому что только настоящий волшебник может подарить девочке такую долгую жизнь».

Вы поняли? Поняли то, что мне понятно? Если есть чудеса, которые сотворяет мужчина, то он – волшебник и, значит, это и есть великая любовь, та, что на долгую жизнь. Как просто!..

Но это было, было всего-то полгода назад, а кажется – полжизни прошло. Теперь новые чудеса. Так не бывает. Не-а, бывает. Ладно, это потом, когда мы вернемся.

Они улетали на юг, к морю. Конец января. У Алисы – зимние каникулы, у капитана – отпуск, а его отпуск – это так: бери когда хочешь, пока нет навигации и ремонтных дел в порту... Значит, вместе, а куда? Капитан решил: конечно, в Старую Гагру, где неоднократно бывал по зиме в обычное свое отпускное время. Теперь надо показать это чудо Алисе.

В аэропорт во Внуково ехали на новенькой «пятёрке», то есть на недавно купленных капитаном «жигулях». Свершилась мечта идиота, шутил он! Вообще-то идиот мечтал о машине не новой, а подержанной, ибо по сеньке и шапка, но тут случилась неожиданность: недостающие на новую машину деньги подкинул отец. Причем не в долг, а как подарок. Возник спор, но дело разрешила Алиса, сказав: «Он – отец, ты понимаешь? Он хочет сделать тебе подарок. Хочет! Не лишай пожилого человека радости, это нехорошо».

Капитан поворчал, но уже через несколько минут махнул рукой, смирился: как частенько бывало между ними, Алиса находила слова и тон, чтобы убедить. Короче говоря, он позвонил отцу, сердечно поблагодарил и сообщил, что на днях приедет за этими самыми двумя тысячами. «Вот и молодец, – слышался удовлетворенный голос полковника, – значит, завтра же иду в сберкассу и снимаю. Приезжай».

Вообще стало заметно (или только казалось?), что с появлением Алисы их отношения как-то изменились. В лучшую сторону, разумеется. Может быть,

после нескольких визитов к нему в гости полковник почувствовал, что эта девушка – как раз то, что нужно его сыну, упорному холостяку? А там глядишь, поженятся, будет внук или внучка. В общем, размечтался. А не исключено, он почувствовал это еще раньше, когда увидел Алису впервые – у себя в Управлении на Петровке, когда вызывал ее для опознания. Поди разбери. Но так или иначе что-то изменилось. Тон, разговоры, невымученные фразы, улыбки. И вот теперь этот подарок – две тысячи на новую машину. «Чтоб ты, солидный да при такой красивой юной женщине, каку-то подержанную колымагу покупал? Это не по-мужски, мы, Желтковы, не из таких!» Хороший аргумент, да?.. Ясно-ясно, всё дело в Алисе: похоже, она отца обаяла.

В общем, появилась «пятёрка», бежевая. Шикарная штука по тем временам! Права у капитана уже были, но он настоял, что их получила и Алиса, а еще и Сашка Кумарин («Нам это пригодится – скажем, когда кто из нас пьяный, другой отвезет домой». – «А если оба поддавшие?» – не преминул уточнить стармех). Что до Алисы, то она обещала записаться на водительские курсы после зимних каникул.

Вот теперь и катили во Внуково на своей «пятерке»: Алиса и капитан – сзади, за рулем – Сашка Кумарин (это чтоб потом он вернулся на машине домой, а когда капитан даст знать, встретил их после отпуска). Катили, Сашка время от времени подавал реплики с вечной своей усмешечкой. Например:

- Это у вас медовый месяц, что ль?

Поскольку капитан смолчал, ответила Алиса:

- Не месяц, а две недели. А что медовые – да.

- Ни хрена себе! А где ж свадьба? Почему такого факта не припомню?

Теперь смолчала Алиса, а капитан улыбнулся почему-то и сказал в спину водителю:

- Твое дело – баранка, понял?..

Потом два часа полета до Адлера и еще полчаса на «леваке» до Гагр. Вот и дом, где предстояло жить в течение двух недель. Симпатичный дом, какой-то полтораэтажный: внизу две комнаты, большая кухня, душевая, туалет, а поднимаешься по наружной лестнице – широкая открытая веранда с видом на склоны гор в снегу, из нее – вход в маленькую комнату (эту верхнюю часть дома и предоставили гостям). Ну и, конечно, сад вокруг дома, сад и двор, где под навесом из сухих сейчас виноградных лоз – стол, лавки, плетеные кресла.

А сам дом, как сказал Алисе капитан, называется между нами «Дом вблизи». В смысле – вблизи ото всего: от железнодорожного вокзала, от моря, от рынка, от главной улицы, ведущей из Старой Гагры в Новую, с магазинами и всяческими службами быта. Кругом зелень, тихо, вот только погода... да, странноватая для Алисы погода: солнечно, а прохладно, но если под курточку поддеть легкий свитерок, то и хорошо. Днем до пятнадцати градусов. Небо яркое, море яркое, хотя и шумливое, с барашками, и на пляже даже размаривает. В общем, странновато: у ног – южное море, а глянешь за спину на высоченные лесистые горы – там снег наверху.

Теперь давний друг капитана, к которому собственно и приехали. Владимир Дадиани, проще – Володя. Отец его – уже пожилой грузин (потомок давних правителей Менгрелии, уточнил он с улыбкой, пожимая Алисе руку), мама – русская, лет пятидесяти пяти, раньше жила с семьей в Сухуми, где ее, почти

еще девочку, и заприметил будущий муж. Спокойные доброжелательные люди, по большей части молчаливые, команды по дому отдаются, как правило, кивками. А сам Володя – статный мужчина с сединой, лет сорока, в форменной куртке, но без погон. Капитан объяснил: Володя – тут большой начальник, а если точно – начальник охраны в системе Управления водоканала. Сам водоканал – это низовье горной реки Гагрипш, вытекающей из ущелья, и собственно канал с техническими постройками уже в черте города. В общем, надо охранять, чтобы потребляемая населением вода отвечала необходимым стандартам и, понятно, чтоб никакой гадости. Интересна его биография. После армии окончил Речное училище (где и познакомилась – капитан, Сашка Кумарин и Володя), потом, отплавав пару лет по Волго-Балту, вернулся домой, опять поступил в училище, теперь мореходное, что в Батуми, после ходил в морские круизы – возил туристов по Черному морю и даже Средиземноморью. Дослужился до старпома. А потом ему это надоело – возить туристов, – опять вернулся в дом родной и вскоре устроился в Управление водоканала. А через год стал начальником охраны в этом Управлении, и даже, смеялся, при оружии, правда, не личном, а табельном. И хорошо: работа спокойная, никто на нашу святую воду не покушается, свободного времени полно, а чем его занять, спрашиваете? Житьем. Житьем, да! Какая у меня родина прекрасная: много солнца, много вина, женщины, виноград, фрукты-овощи, зелень всякая – короче говоря, живи и радуйся, разъезжай по окрестностям, узнавай, читай. Как говоришь (это вопрос Алисе), эпикуреец я? А пусть так. Надо запомнить. Значит, эпикуреец я, хорошо, спасибо, моя дорогая!..

А странно, думает потом Алиса, почему эти три дружка, чьи судьбы связаны с большой голубой дорогой, так никогда и не были женаты, дожив до сорока? Ни капитан, ни Сашка, ни, как выяснилось, Володя Дадиани. Совпадение или что-то чуть есть? Спросила о том капитана, но он отшутился по привычке: «Это потому, моя девочка, что нас никто никогда на причале не встречал после рейса. Понимаешь? Одинокие мы волки, речные и морские. Зато эпикурейцы, ты верное слово нашла!»

Что Алисе запомнилось? Да всё. Каждый день – что-то (ну про ночи – это отдельный разговор, но что ж о таком вслух?). Например, как в один из дней на пляжную гальку выбросило катрана. Шторм был небольшим, а вот выбросило. Огромная рыбина, метра полтора. Катран вяло бился – и никак. Какие-то местные парни подхватили его и отволокли в прибой. Но вскоре его опять выбросило. Обессилила рыба. Алиса подошла и смотрела. Они никогда не видела акул, вблизи тем более. И вот – пожалуйста. Совершенная форма, но главное, это почти невероятный переход цветов на боках: от ослепительно белого на брюхе к густо-темному с синевой на спине. Короткий переход, пара сантиметров, а как чисто и гармонично. Совершенство. Жаль, конечно, что теперь оно прощается с жизнью. «А почему так?» – спросила капитана, когда попросила уйти с пляжа. «От старости, скорее всего. Там, в море, шторм был сильным, вот и прибило беднягу на мелководье, а сил вернуться уже нет из-за прибоя».

Потом ездили на Пицунду. Всего-то полчаса от Гагры. А там – реликтовый лес, сосны, под ногами шишек полно, каждая величиной с кулак. Алиса подобрала несколько – родителям в подарок. Еще ездили в Новый Афон, но провели там всего час (Алиса была здесь с

отцом в прошлом году), и сразу же – в Сухуми, а вот оттуда возвращались к себе в Гагру на вертолете. С ума сойти, это Лёня придумал! Верней, узнал от Володи, что есть такой маршрут, по воздуху. Классно, Алиса никогда прежде не летала на вертолете!

Но, пожалуй, отдельное впечатление – это в Гагре дворец над морем. Он хорошо виден внизу – светлый на фоне зелени склона. И как это он там приютился?

Поднялись туда, долго ходили, смотрели. Большой, высокий, в три этажа светлого камня. Красная черепичная крыша, балконы, башни. Ну, то ли дворец, то ли средневековый замок. А вот внутрь попасть не смогли, ибо это, оказалось, территория какого-то дома отдыха для избранных. Тогда слово взял Володя Дадиани, специально сопровождавший их сюда.

- Ладно, туда нельзя, поэтому слушайте. Это целая история, дорогие мои. Перекошенная история, конечно, как и всё наше. Этот дворец построил не кто-нибудь, а принц! Принц Ольденбургский, правнук Павла Первого, между прочим, ну и соответственно – близкий родственник императора Николая... Ладно, про дворец. Его закончили строить в начале века, кажется, в 1902 году. А вообще принц планировал создать здесь у нас в Гагре «Русскую Ниццу», как он говорил, но не только празднично-курортную, а и как здравницу. Организовал климатологическую станцию выше в горах (теперь там метеостанция) и всякие курортные службы. Ну а в советское время, разумеется, во дворце разместился санаторий «Чайка» для господ чекистов, потом дом отдыха имени Сталина, тоже не для простого народа, как и сегодня, только сегодня уже без имени Сталина. А у нас – что с ним, что без него, а всё равно страна имени Сталина.

Ладно, теперь гляньте туда. Башня, да? Но особая. Называется «Башня сокольничьего». Принц Александр Петрович был большой любитель соколиной охоты и держал там выводок соколов, ну и дядьку при них. Но это – дворец, а кроме него? Я имею в виду, что, кроме дворца, дело рук нашего принца Ольденбургского?

Полно всего. Знаете, в хорошем смысле слова, он был помешан на нашей Гагре. Новый Лазурный берег решил обустроить! Николая Второго водил гидом по этим местам. Говорят, тому очень понравилось. И идея понравилась – русский Лазурный берег. Ну да царь-государь покивал и уехал, а наш принц? Он дело делал. И парк на набережной – это, Алисочка, тоже его рук дело. Каналы, заводи, павлины-пеликаны-лебеди, танцующие деревья и прочее-прочее. А ресторан «Гагрипш»? Тоже он, принц Александр! Именно по его инициативе это здание (ну, а разобранном виде, конечно) привезли то ли из Норвегии, то ли из Швейцарии, хотя кто-то утверждает, что из Швеции, прямо из Стокгольма. Тут разночтения, а вот что точно, так это то, что построен ресторан без единого гвоздя! А огромные круглые часы на фасаде видны отовсюду и, поскольку до сих пор отличаются большой точностью, то думаю все-таки, сей чудо-ресторан прибыл сюда из Швейцарии. Конечно, что до выбора блюд и коллекционных вин, то теперь там не так разнообразно, как при господах, но сам ресторан, здание, экстерьер и интерьер – красота! И всё это – истинная правда, никаких легенд. Что нам перепало от царского прошлого, то и имеем. А вообще так: всё, что мы имеем, это то, что нам упало с барского стола. Но потом барский стол уничтожили, как и самих бар. И мы остались с обглоданными объедками. А

новых с тех пор нет.

Нет, я буду проклят отцом и его менгрельскими знатными предками, если не расскажу вам о принце еще! Александр Петрович, хоть и носил то ли германскую, то ли норвежско-варяжскую фамилию, а был истинно русским человеком. То есть достойным, но занятым. Член Императорского дома Романовых, генерал от инфантерии, человек неумной энергии. Теперь сказали бы, что он был попечителем санитарно-гигиенической службы России. Всякие противочумные дела, благотворительные приюты, а еще он организовал и вложил собственные средства в создание Института экспериментальной медицины в Петербурге. Этот институт получил статус Императорского. Между прочим, принц много и тесно общался с академиком Павловым. И сам был членом Академии Наук, а еще и Военно-медицинской академии. Во время Первой Мировой – верховный начальник санитарно-эвакуационной службы России. Ну а после 17-го – молодец! – сразу эмигрировал во Францию, где и умер, то ли в 20-х, то ли попозже, не помню точно.

Хороша история, да? А ты, дорогая, – обращается Володя к Алисе и улыбается, – а ты нас с капитаном обозвала эпикурейцами. Пусть так, но главное, мы монархисты. Правда, Лёня?

- Ага, жуткие монархисты! – почти серьезно произносит капитан. И добавляет: – Тогда империя была, хоть и чиновничья, империя, но не зона.

- Во-во, – кивает Володя, – а чиновничество?.. Это как у Салтыкова-Щедрина: «Дурное свойство законов российских отчасти исправляется дурным же их исполнением». О! Значит, жить можно.

- Слушай, кацо, в кого ты такой умный? – смеется капитан.

- В папашу-кацо, – слышит в ответ.

Алиса тоже смеется:

- Это унижительно – чувствовать себя дурой рядом с вами!

- Ах, как ты не права, дорогая, как не права! – горячится Володя Дадиани. – Ты такая красивая женщина при таком красивом мужчине! Я сильно завидую ему, по-братски завидую. И как это он умудрился отыскать тебя такую? Могли бы и рассказать, поделиться опытом, а то я всё без такой.

- Сказки надо читать, а не только Салтыкова-Щедрина, – говорит довольная Алиса и на ходу приобнимает капитана за талию. – Про волшебника и спасителя. В общем, про чудеса.

В последний день капитан планировал устроить отвальную в «Гагрипше», но Володя бурно протестовал:

- Ты что, спятил? Какой ресторан – только дома, дома! Отец с утра на рынке поросенка запеченного прикупил, специально на этот вечер! И капусту красную замариновал еще загодя! И фасоль красная! И соль красная! И «Изабеллы» целая канистра в погребе! И коньяк я сейчас куплю! Поэтому только дома, всей семьей! А ты – куда-то, в ресторан! Ресторан – это на каждый день, а сегодня день особый, последний, это – дома, только со своими. Понял?

Пришлось согласиться. Вечером расселись вокруг стола в нижней комнате. Мужчины, как тут положено, сели и ждут, а на стол носит женщина, мама Володи. Алиса хотела ей помочь, но та вскинула руки: «Ты что? Ты гостья,

гостья, ты что? Сиди, я всё сама!»

Потом ели, пили, много говорили, смеялись. Было спокойно, уютно, по-свойски, будто все давно знакомы. Да и были давно знакомы, вот только одна Алиса тут новенькая. А она уж и не замечала этого – так хорошо среди этих людей, почти по-родственному, хотя и странно это, могло бы показаться: все они старше ее, кто на двадцать лет, кто на сорок – почти три поколения за одним столом, а к тому же и по крови они разные: русские, грузин, ну и полукровка Володя. И что? А тепло, вправду по-родственному. Володя, он, хоть полукровка, а поведением традиционный кавказец – эмоциональный, шумный, а вот его отец, чистокровный грузин (менгрел, опять уточнил он!), чаще молчаливый, однако при всем при том – главный и, конечно, тамада: в некий момент поднимается и берет в руку бокал. Все смолкают: будет тост. Отец говорит тост (короткий и точный), выпивает стоя и присаживается, чтобы молчать до следующего

раза. Лишь однажды произнес небольшой монолог, обращаясь к Алисе (это когда вспомнили о предках и, как положено, вторым тостом выпили за них): «Дадиани, чтоб бы ты знала, девочка, это род, род-династия, правители Менгрелии, а она так и называлась в старину, то есть до 1803 года – страна Дадианов, а потом, уже при русском царе, Дадиани стали светлейшими князьями, а потом, при большевиках, мы для них никакие не князья, но это – для них, а для себя – князья, да!»

Вот такой отец, а вот и его жена – еще красивая, сухая, как виноградная лоза зимой: посматривает на мужа, кивает вслед своим мыслям, а то, может быть, слушает, о чем он там думает себе. А потом переводит взгляд на Алису и молча улыбается ей...

И смешное было тоже. Володя вдруг стал вспоминать о каком-то давнем случае, когда они, три друга – капитан, Сашка Кумарин и сам Володя, – учились в Речном в Нижнем Новгороде. Как Сашка занял у капитана три рубля, должен был отдать со стипендии, но его ограбили и избили, вот он и позвал друзей, чтобы найти тех мерзавцев и вернуть деньги. В общем, нашли их, тоже избили, а деньги отобрали. И потом на эти деньги хорошо выпили. «Если три друга вместе, то никакие бандиты не страшны! За друзей, – горячо заключил Володя свой тост, – за наше хорошо!»

Вот потому и Алисе хорошо. И завтра уезжать не хочется. Кончается очередное чудо – зима у южного моря, вместе с капитаном, в этом радушном доме Дадиани.

А еще запомнился Алисе один разговор. Это когда уже поздним вечером поднялись из-за стола и решили выйти на берег моря – напоследок, так сказать, перед отъездом.

Стали у самой воды и глядели в шумную тьму. Почему-то долго молчали. Вдруг Володя спросил капитана:

- Леонид, тебе не кажется забавным, что отец время от времени поминает своих высокородных предков, которые правили Менгрелией?

Капитан повел головой:

- Да нет, не кажется. Почему это забавно? Это нормально – гордиться предками. – И добавил: – Если есть чем гордиться. Я вот тоже горжусь – дедом.

- А, и правильно, конечно! – кивнул Володя. Но тут заговорил уже без эмоций, серьезно: – Понимаешь, дело даже не в них, давних Дадиани. Это когда было – восемнадцатый век! А вот двадцатый... Теперь потомки тех Дадиани тоже на виду, и я имею в виду не отца или себя. Понимаешь?

Капитан не понял:

- Кого ты имеешь в виду?

- Вот! Вот кого... Э, но только это между нами. – Володя заложил руки в карманы куртки и резко развернулся к капитану: – Между нами, да. Есть такой человек – Звиад Гамсахурдия . Знаешь?

- Нет.

- Понятно. Понятно, что не знаешь. Он диссидент. Ну, правозащитник. Сидел, был в ссылке. Покойный Андропов жуть как диссидентов не жаловал, это, надеюсь, ты знаешь. Так вот, этот самый Гамсахурдия – тоже от наших предков, от Дадиани. Большой человек, честный. Большой грузин, а то, что менгрел, это частность. На следствии его пытали, потом хотели отравить. А что он делал? Да за права людей в Грузии боролся, правозащитник, антикоммунист! Кстати, не он один. Например, еще Мераб Костава, тоже из нашего древнего рода. Не смешно ли? Не смешно. Их вместе и арестовали в 77-м.

- Откуда у тебя такие сведения?

- От вражьих «голосов», конечно! Слушать надо, а не делать вид, что всё прекрасно! Ну, и у нас в Грузии об этом многие говорят. Про своих всё знают! Кого посадили и за что.

- И они, эти люди, всё так и сидят? – вдруг подала голос Алиса.

Теперь Володя развернулся к ней:

- Звиад – нет, дорогая, слава богу, нет! Верней, спасибо Западу – там такой протест был! Его вдруг помиловали, и теперь он на свободе, литературный и общественный деятель, но это пока, пока... А вот Мераб Костава, он в Сибири срок мотает, уже восемь лет. Ну, так он поэт, а настоящий поэт в России и должен срок мотать! Значит, он настоящий.

- И за что он срок мотает, твой настоящий? – усмехнулся капитан.

- За права человека, я уже сказал, – спокойно ответил Володя. – Ты же коммунистов не любишь – зачем тогда спрашиваешь? А еще... еще он за свободную Грузию, то есть за ее независимость.

Капитан аж присвистнул:

- Ты это серьезно? То есть он, Костава, это серьезно? Независимость от России? С ума сошел! Да его убьют!.. И как это Андропов его не прикончил?

- Я уже сказал: спасибо Западу.

- А, так... Ну ладно, а вот теперь ты мне скажи, ты, Володя из рода Дадиани. Ты тоже за независимость Грузии от России?

Тот как-то неуверенно пожал плечами:

- Не знаю, если честно. От Советского Союза – да. А от России – нет.

- Это как же? – хохотнул капитан. – Что за психиатрия? Ты еще в том прошлом живешь, при царе-государе?

- Ты прав. Мечтатель я, наверно... Ладно, закроем тему. И что это меня за язык потянуло – про людей из рода Дадиани? Гамсахурдия, Костава... Теперь это диссиденты. Смешно? Ага.

- Не смешно, а жалко. В смысле, что приходится протестовать, а потом – тюрьма, – вздохнула Алиса.

- Жалко и печально. – Капитан обнял ее, а Володе сказал: – Поскольку ты тоже Дадияни, то просьба: уж ты-то в политику не лезь! А то мне за тебя кому-то морду бить придется. Или убить придется. Если кто-то на тебя, святого, покусится.

- Спасибо, я постараюсь, – улыбнулся Володя. – Ты тоже святой человек.

- Святых нет, это выдумки. Есть одни грешники – кто больше, кто меньше. Я тоже.

- Э, что ты говоришь, дорогой! Ты – грешник? Ты?

Капитан привычно хмыкнул:

– Я... Ладно, давай закурим и помолчим, в море глядя. Море, оно душу успокаивает, правда.

Так и сделали. Потом еще прошлись по гальке у самой воды. Капитан кивнул в черную даль:

- Море... Тебе плыть не хочется?

Володя понял смысл вопроса:

- Нет. Я отплавался. Сухопутный я человек все-таки. Живу на берегу – и достаточно.

- А вот у меня по-другому, долго без рейса не могу, – заговорил капитан. – Да, на воду тянет. Плыть хочется. Зимой без навигации даже устаю – ну как без дела. А дело мое – судно, вода, большая голубая дорога. Плыть хочется... – И тут рассмеялся: – Эта фраза не моя, кстати. Ага, цитата, между прочим. Слышишь, Алиса моя драгоценная? Чтоб ты не думала что такой уж я валенок необразованный! Объясняю. Ты ведь знаешь, что мой герой – адмирал Колчак. Но не знаешь, что из русских адмиралов не только он. Был еще, например, адмирал Матюшкин Федор Федорович. Знаменитая личность! И не только тем, что он – один из лицейских друзей Пушкина, о чем многие знают. Нет, главное – он на флоте прославился. В кругосветки ходил, полярные земли открывал, и на Чукотке его именем даже назван какой-то мыс. А еще в сражениях участвовал, потом морские уставы писал, был председателем Морского комитета в Петербурге, и к концу жизни его избрали сенатором. Так вот, ребятки, знаете, какое у него в лицее было прозвище? Плыть хочется! Именно так: «Федя – плыть хочется». А почему? Он всё время о море мечтал, о плаваниях на парусниках вокруг света. И это у него сбылось. Но что еще существенно, добрейшим человеком был, верным другом... Вот такой адмирал, который «Плыть хочется». Так и мне, Володя. Странно, да?

- Почему странно? – откликнулся тот. – Это у тебя в крови, значит. Вот и плавай себе на здоровье. Да, Алисочка?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БУНТ НА КОРАБЛЕ

ГЛАВА В СКОБКАХ

Неизвестно, был ли капитан хоть как-то знаком с творчеством Набокова. Вряд ли: и годы шли не те (то есть еще закрытые для книг этого писателя-эмигранта), и особого интереса к психологической литературе капитан не испытывал. Ну, может быть, все-таки прочитал «Лолиту» – понятно, в самиздате. Уж больно модная вещица по тем временам, фактически запретная!

Это к чему упомянуто о Набокове? А он имеет отношение к капитану. В некотором смысле, конечно. Некоторыми мыслями, точнее. Вот, например: «Мне нравится наблюдать узоры судьбы». Вот именно – узор судьбы. А что это такое? Это повтор в судьбе важной детали, но то, что эта деталь очень важна, сразу не понять ни самому человеку, ни тому, кто за ним наблюдает. Это становится понятным потом, когда происходит повтор.

В «Других берегах» Набоков рассказывает об одном эпизоде.

В детстве к ним приезжал генерал Куропаткин (герой русско-японской войны, военный министр и т.д.) и однажды, чтобы позабавить мальчика, стал раскладывать спички, изображая ими море то в тихую погоду, то в бурю. Прошло пятнадцать лет, и вот снежной ночью отец Набокова бежит из Петербурга, скрываясь от большевиков. На мосту его останавливает какой-то мужчина и просит огонька, прикурить. Спичек у отца не оказалось, но он узнал в мужчине генерала Куропаткина... И Набоков поясняет: «Что любопытно тут для меня, это логическое развитие темы спичек... Война, революция, разгромленная армия Куропаткина, бегство отца – *узор судьбы связан не с этими магистральными линиями, он обнаруживает себя в совершенно незначимой подробности, в повторе истории со спичками, напрямую не определившей ничьей жизни*» (выделения автора. – Б.Г.).

В узоре судьбы капитана уже наметился такой повтор, хотя, конечно, не обративший на себя внимания нашего героя. Или обративший? Да нет, какие-то смутные догадки... Так в чем этот повтор? В повторении случаев насилия. Смотрите. Нормальный юноша шестнадцати лет (то есть наш будущий капитан) решает убить учителя физкультуры Стафа за то, что тот покусился на его первую любовь, лапает ее. И так, решает убить, но затем изменяет меру наказания: «убить» на «избить». Это первый случай.

Теперь случай второй, уже после службы в армии, в период Речного училища. Капитан сразу соглашается принять участие в избиении парней, покусившихся на его друга (избили, отняли деньги), причем отнятые деньги – не столь значимый факт; важно другое – униженный друг. На друга покусились!

Еще через много лет. Капитан замышляет убить двух подонков, покусившихся на его драгоценность – Алису, девушку из Зазеркалья. На сей раз он действительно готов к убийству, и лишь благодаря вмешательству отца, полковника МВД, удается избежать произвола, самосуда: преступники осуждены, и это как-то успокаивает капитана.

Заметим, что во всех этих случаях звучат слова «покусился», «покусились». Именно так в отношении себя и своих близких капитан воспринимает данные факты.

Набоков пишет (см. выше) о *незначимых подробностях в узоре судьбы*, однако тут вопрос: насколько незначимы эти подробности в судьбе капитана? Случайное совпадение или всё-таки закономерность?

Вот и поглядим.

СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ ГОДА (1)

Да, минуло четыре года. Не много ли? Достаточно, чтобы произошли следующие события. Они вполне тривиальные, поэтому не стоит

разглагольствовать. Вот о чем речь.

Поездка капитана и Алисы к южному морю случилась зимой 85-го года, а уже вскоре, в апреле, в стране началось то, что называли «перестройкой».

В следующем году, 86-м, Алиса закончила мединститут и осенью вышла замуж за капитана. То есть наконец сыграли свадьбу. Почему наконец?

После поездки на юг они жили уже вместе, но куда не расписывались, причем по просьбе Алисы: она не хотела причинять боли влюбленному в нее Косте Гастеву и упростила капитана отложить бракосочетание на время, когда она закончит институт и жизнь разбросает ее и Костю по разным уголкам Москвы, а то и подальше. Капитан отнесся к этому спокойно: Алиса при нем, в его доме, а штамп в паспорте – это формальность, потому что главное свершилось. А что главное? Теперь после возвращения из очередного рейса его встречает в порту любимая женщина. Сбылась давняя мечта.

А, ну да, стоит упомянуть и о свадьбе. Её именно сыграли. Потому что было шумно, весело, потому что собрались все свои – капитан, Сашка Кумарин и Володя Дадиани, прилетевший из своей Абхазии, из Гагр. Это понятно: как без тамады, который грузин! Конечно, присутствовали и некоторые другие лица: родители Алисы (милые люди, это правда, хотя поначалу они держались несколько зажато с новоиспеченным мужем, который по возрасту соответствовал не их дочери, а им, ее родителям); помимо них была еще Алисина бабушка, ну и, понятно, отец капитана, полковник Сергей Иванович. Последний явился в штатском, то есть не в полковничьей форме, но при наградных планках и главным своим орденом – орденом Отечественной войны 1-й степени, и уже в ходе свадьбы капитан слышал, как отец, немного выпив, рассказывал отцу Алисы, за что удостоился такой награды (эта история была известна в семье: в ходе операции по форсированию Днепра он уничтожил семь батарей немцев – семь, а по статуту данного ордена достаточно и пяти!).

Что дальше, после свадьбы? После нее положено беременеть и рожать. Так Алиса и сделала. В 1987-м она родила мальчика, которого, как условились еще прежде, называли Павлом, в честь деда (того, который бывший капитан 1 ранга и бывший гулаговец – строитель Канала имени Сталина, впоследствии имени Москвы).

И вот теперь, после изложенного, мы плавно влетаем в 1989-й год. Ну, «влетаем» – это, понятно, по выражению капитана, так и сказавшего Алисе в новогоднюю ночь: «Плавно всплываем в 89-й. Что пожелать? Дай бог, чтоб не хуже».

Это что и для кого – чтоб не хуже? То есть, в конце концов, что почитать за главное в жизни? Кто-то считает так, а другой – эдак. Хотя, да-да, конечно, теоретически все говорят будто бы об одном и том же, а вот когда случается крайнее, тут многие разбредаются в суждениях, а то и в поступках. Так водится среди людей: пока всё более или менее хорошо, то все мы – добрые, спокойные, участливые, но стоит возникнуть беде, люди-то, оказывается, ой какие разные! Беда, она, как волшебная дверца в душу, открывает, кто ты есть на самом деле.

Сей мелко-философский пассаж посетил капитана еще давно, после того как однажды ночью он сидел с хорошим приятелем у костра.

Поехали в сентябре на утиную охоту. Дело было в волжских заводях, полузаболоченных, но не топких, густо-травянистых. Молодые утки поднимались на крыло, готовясь к перелету, и капитан уже знал, что, ежели ты без собаки, то этот вид охоты называется стрельбой с подхода на вылетку или охотой на подъеме, и удача придет к тебе именно в тот момент, когда испуганная утка поднимается круто вверх, свечкой, но перед тем как перейти в горизонтальный полет, на мгновение как бы замирает в воздухе. Вот тогда и стреляй.

Стрелял капитан хорошо, да и приятель тоже. Потом нашли сухое местечко у чистой воды, разбили лагерь. За спиной палатка, у ног костер. Еда, выпивка, много чаю. Всё отлично, можно отдыхать перед сном до утренней зори. И действительно, всё бы отлично, если бы обычный треп вдруг не свернул на политическую тему. Ну а как без этой чертовой политики в нашей стране – редкий разговор без такого поворота! Хоть и знаешь, что подобное – совершенно лишнее дело, а нет: будто вредная привычка, от которой, как от курева или водки, не избавиться. А уж если свой человек рядом, так с кем же еще душу отвести?

Так и полагал капитан, что рядом – свой, а вдруг выяснилось – нет.

Долго говорили, спорили, даже перешли на повышенные тона, и тут капитан, хоть и выпил достаточно, сообразил, что пора замолчать: приятель настолько упертый, что его не переубедить. Прямо как и отец. Обидно, да, потому что не думал, что он такой. А какой? Ведь далеко не дурак, да и рядом с ним всегда было спокойно, надежно, не враль, не сволочь, не стукач. Вроде – свой, а тут выясняется – нет. Так какой он, кто? Сидишь рядом с человеком ночью у костра, а будто не с другом, а с врагом.

Верно, нечто подобное почувствовал и приятель, потому что тоже замолчал. Долгая тишина повисла, только сучья потрескивали в костре. Так и сидели, замерев, и неуютно было обоим. Да что там неуютно – даже больно, пожалуй! Это, если перевести на дела с женщинами, будто твоя женщина тебе вдруг изменила. Когда такое случалось у капитана, то первое, что он испытывал, это недоумение, а затем являлась боль.

Вот и теперь. Но через несколько минут он пережил это болевое чувство и спросил, уже спокойный и, кажется, совсем протрезвевший:

- А скажи... Вот если бы мы вдруг оказались, как говорится, по разные стороны баррикад... Ты бы выстрелил в меня? Именно в меня?

Приятель ответил почти сразу, то есть через пару секунд. Проговорил коротко, по-прежнему неотрывно глядя в огонь:

- Да.

Это капитана поразило. Значит, выстрелил бы, убил! А следом подумал: «А как бы поступил я сам?» И не смог найти ответа. Только усмехнулся:

- У нас при себе ружья. Можешь сделать.

- Ну, мы же пока не по разные стороны баррикад, – совершенно серьезно отозвался приятель и отхлебнул чаю из кружки...

Поднялись рано поутру, и будто не было разговора. Но это внешне, а осадок остался.

Прошли дни, и капитан вспоминал те минуты у ночного костра, остановившийся взгляд приятеля, его короткое «да». «Вот ведь как! – повторял про себя капитан. – Дело не в том, что он выстрелил бы – дело в том, что выстрелил бы **приятель, близкий человек!** Значит, стоит

случиться беде, люди-то, оказывается, ой какие разные! Беда, она, как волшебная дверца в душу, открывает, кто ты есть на самом деле. Вот здесь она открыла, что мы – только кажущиеся приятели, а самом-то деле – враги. Враги! И он выстрелил бы в меня. А я?»

И как вывод, хотя и в вопросительном облики: «Выходит, идея, идеология важнее, первее, главнее духовной близости, духовного родства, любви, наконец?»

Этот вопрос относился даже не к тому самому приятелю, поскольку с ним капитан не был так уж особо близок, вопрос относился к категории «вообще»: главнее ли идея духовного родства, просто родства, любви?..

Тогда капитан не нашел ответа. Но хорошо заполнил, что такой вопрос существует.

Теперь он всё чаще вспоминал тот эпизод у ночного костра и свой вопрос. «А я, – спрашивал себя, – я смог бы убить за идею? За идею – нет, пожалуй, а вот за преступление – да. Как хотел убить Стафа, как хотел убить тех ублюдков, пытавшихся изнасиловать Алису. Но они действительно преступники, потому что преступали закон, нравственные нормы: Стаф лапал школьниц, а те парни... ну, тут и говорить нечего». Поэтому капитан мстил или горел желанием отомстить, но преступникам, а не идеологическим противникам. Последнее верно: тогда ночью у костра, поняв, кто, по идейной сути своей, его приятель, было недоумение, была горечь, даже боль, разочарование, однако желания убить не возникло. Нет, нет!

И тем не менее он всё чаще вспоминал тот эпизод. Почему? Настал 89-й год.

Алиса, с которой он теперь многим делился, вдруг сказала после его рассказа:

- Человек может быть хорошим, а его идеи – нет. Что главнее? Человек.

- Вот я и спрашиваю, – продолжил капитан. – Нынче что? Выходит, идея, идеология важнее, первее, главнее духовной близости, духовного родства, любви, наконец? Ты же видишь, что происходит вокруг. И отец опять будто впал в политическую истерику, в свой большевистский раж. Конфликты, кровь, грядет хаос, развал великой страны, нас перестраивать нельзя, нас надо только цементировать! Я устал от этих его речей. Я ему опять как враг, да и он мне не мил. Так что важнее – идея или родство?

Алиса ответила:

- Это смотря где живешь. В демократических странах за идеи, за убеждения судить не принято. А вот в условиях диктатуры – напротив, ты это прекрасно знаешь. Короче, так: есть закон, и по закону судят только за преступления, а не за намерения, слова или мысли, которые кому-то кажутся преступными.

- Красиво звучит, хотя и верно. Но люди во все века убивали друг друга не только за материальные блага, территории и прочее, но и за идеи, убеждения. Примеров – море!

- Да, так, но это не значит, что это хорошо.

- Хорошо, плохо... Ты идеалистка! Или романтик до сих пор, как и я, по мнению отца. А сам он кто?

- Ладно, Лёничка, не суди. Нельзя судить отца, никогда. Даже если он не прав. Слова, слова. То есть все-таки нельзя за слова. Он тебя любит, это я

знаю. И именно это главное. Главное, как ни крути, любовь.

- Большевиков он любит не меньше... – И тут капитан рассмеялся: – А знаешь, я их тоже люблю! Особенно одного из них. Сейчас расскажу. Это было лет десять назад, когда я жил еще на старой квартире с родителями, в Козицком. Время от времени, и почему-то чаще всего в выходные или в праздники, у нас или свет гас, или отрубали отопление. Прямо гадство какое! Звонить в ЖЭК почти бесполезно, ответ всегда один: это не у нас в районе, это город. В общем, однажды я рассказал об этом Сашке Кумарину – поделился с другом за водкой. И он мне советует: ты, капитан, говорит мне, не туда звонишь-жалуешься. Надо не в ЖЭК звонить, а в райком партии. В каждом райкоме партии по вечерам и в выходные обязательно сидит дежурный на телефоне, ответственный товарищ, а не вахтер какой-то. Обычно это старпер, старый большевик на пенсии – так они подрабатывают. А зачем сидят по вечерам или в праздники? Так положено: партия всегда бдит, и не только по будням, партия всегда на страже – мало ли что случится! Вот ты и позвони в райком, только вечером, пожалуйста, потребуй, лучше матом – обязательно помогут. А если это перед выборами, то помогут сразу же.

И что ты думаешь – прав оказался Сашка! В очередной раз вырубился у нас свет, и вот вечером я звоню «09», узнаю номер моего райкома партии, набираю и слышу: «Свердловский райком КПСС, дежурный Савичев». Ну, я этому Савичеву и говорю гневно, громко: что за безобразие, почему регулярно нет света? У народа праздник, а тут опять такое! Сколько это может продолжаться? А ведь скоро выборы – как же голосовать «за», когда такое?.. Ну и что-то еще в этом роде. Савичев несколько очухался после моего выплеска и отвечает добрым старческим голосом: давайте я запишу ваш адрес, всё выясню, а вы, товарищ, не волнуйтесь, перезвоните мне минут через пятнадцать. Я прямо обалдел с непривычки от такой вежливости. Перезваниваю. А он мне: «Это авария на подстанции, уже исправляют, скоро будет у вас свет» – «Надеюсь!» – ответил я по-прежнему сурово, но все-таки поблагодарил. И через полчаса врубилось электричество – вот так!

Я тогда подумал: это мне большевик-старпер помог или просто совпадения, то есть и без его участия аварию исправили бы? Помог, именно он! Потому что вскоре отрубили отопление, и я опять позвонил в райком. Дайте мне товарища Савичева, прошу, а мне отвечает какой-то другой старый хрен: «Товарищ Савичев будет завтра после шестнадцати ноль-ноль, а по какому вы поводу?» Но мне был нужен именно товарищ Савичев, потому что уж очень меня уважил. Поэтому я сказал, что перезвоню завтра.

И перезвонил, поскольку отопления так и не дали. Опять пожаловался ему, опять напомнил про повторяющееся безобразие. Он опять записал мои координаты, опять успокоил, опять пообещал. И вскоре батареи в нашем доме стали теплыми, а потом и горячими. Тут уж я понял, что товарищ Савичев – просто благодетель, и вновь позвонил ему, но за тем только, чтобы выразить сердечную благодарность от простого советского труженика. Он скромно ответил, что это обязанность партии – помогать людям и благодарить не стоит. Благодарить всегда стоит, дружелюбно сказал я ему и предупредил, что если, не дай бог, опять, то и я опять, то есть воспользуюсь его внимательностью к нуждам простого человека. На том мы и

распрощались, но, как на зло, с тех пор что-то изменилось – то ли в мире вообще, то ли конкретно в нашем занюханном ЖЭКе, где, я знал, алкаш на алкаше и слесарь за одно спасибо тебе никогда ничего не сделает. В общем, с тех пор у нас в доме почему-то не гас свет и в отопительный период не стыли холодом батареи. Это, конечно, прекрасно, однако время от времени я вспоминал дорогого товарища Савичева и даже жалел, что нет повода пообщаться с ним. Смех и грех, но не могу не признать, что родная партия сделала мне доброе дело. А какое? Поборола мой ЖЭК! Может, кого-то там уволила, может, что-то еще, но главное сделала: у простого человека нет повода жаловаться на несовершенство жизни, особенно перед выборами... Вот такой способ предложил мне Сашка, стервец! Оказалось, он сам этим пользовался, причем неоднократно.

- Хитрецы вы с Сашкой! – усмехнулась Алиса. – И еще романтики.

- Нет, мы прагматики, а никакие не романтики.

- Нет, Лёнечка, все-таки ты романтик, папа твой прав. Но мне это нравится. – И затем улыбнулась: – Надеюсь, когда вы с папой в последний раз спорили о Сахарове, ты не рассказал ему про тот случай?

А дело было так.

Академика Сахарова сослали в Горький в 80-м, окончательным поводом к чему послужили его открытые протесты против ввода советских войск в Афганистан, хотя уже до того он был лишен работы с секретными (то есть ядерными) делами, а затем его лишили звания трижды Героя Соцтруда и всех лауреатств. Сослали в Горький, и весь город знал, что он тут, и даже знали, где конкретно, на какой улице, в каком доме. К этому дому старались не приближаться – бдительные товарищи сразу могли забрать. А капитану, поскольку он часто оказывался в Горьком, плавая по своей большой голубой дороге, очень хотелось пообщаться с опальным академиком: просто поговорить хоть полчаса, послушать его. И однажды он решился.

Романтик, действительно. Если б он знал о горьковском такси!

А при чем здесь такси? А очень просто. Скажем, находится такой любознательный гражданин, приезжает на поезде в Горький, выходит на привокзальную площадь, садится в свободное такси и называет адрес (другой вариант: приезжий гражданин не знает адреса, поэтому просто просит отвезти к дому, где проживает академик Сахаров, ибо знает, что это место в городе знают все, а уж любой таксист тем более). Таксист спокойно кивает, включает счетчик – и поехали. Через десять минут приехали. К машине, остановившейся у какого-то дома, сразу подходит двое и просят пройти с ними. Куда? Оказывается, этот дом – районный отдел КГБ. Там разговаривают, причем корректно, спокойно, записывают паспортные данные приезжего – и отпускают, напоследок посоветовав впредь сюда не приезжать, то есть именно к гражданину Сахарову. Ибо это бесполезно: тот гражданин никого не принимает. Приезжего галантно выводят из дома и усаживают в так и не уехавшее такси. «На вокзал! – командуют водителю, и приезжему: – Счастливо пути в Москву!»

Капитан не знал о таких случаях. Поэтому, в очередной раз оказавшись в любимом Нижнем, отправился погулять, сел в такси (правда, не на вокзале) и попросил отвезти к дому, где... Его и отвезли. Куда? Ясно, туда же.

Кагэбэшники оказались действительно корректными. Поговорили даже с улыбками. Выяснили, кто он, кем работает, внимательно разглядывали удостоверение. В общем, поняли, с кем имеют дело. И закончили следующим образом: «Ну, вы же сто раз бывали в Горьком, вы же наш человек, речник, капитан, ответственные грузы возите, в том числе оборонные, поэтому давайте так: бес попутал, и всё! Ну да, нездоровое любопытство, понятно! Идите с богом, и забудем этот случай. И даже начальству вашему ничего не сообщим. Договорились? Ну и хорошо, прощайте». Капитан вышел на улицу и махнул таксисту, верней, отмахнулся – дескать, езжай, я сам. Но тот высунулся и крикнул: «Привет! А заплатить? Счетчик-то тикает!» Эта несостоявшаяся свидание с опальным академиком стоило капитану около двух рублей. Или по-другому: около двух рублей стоил романтизм? Поэтому капитан ничего не рассказывал отцу о попытке визита к Сахарову. Чтобы не умножать устоявшееся мнение родителя о сыне. А вот Алисе рассказал. После чего она и произнесла те слова: что ее муж все-таки романтик и папа прав.

Тем не менее, после начала перестройки Сахарова вернули из горьковской ссылки – как известно, это случилось в 86-м году. К тому же получалось так, что противник ввода войск в Афганистан добился своего: через два года, в 88-м, в соответствии с Женевским соглашением, войска оттуда начали выводить, и в феврале 89-го сей процесс завершился. Но и это не всё: в конце 80-тых пошло-поехало обрушение соцлагеря – Чехословакия, Венгрия, Болгария, Польша, на очереди, чуть позже, были Румыния и ГДР, рухнула знаменитая Берлинская стена. В общем, все чувствовали, что перемены неслыханные, судьбоносные. Кто-то радовался, кто-то скрипел зубами. Печально, когда такая поляризация чувств происходила в семье, среди близких. Вот тут-то и давала о себе знать пресловутая проблема отцов и детей. У капитана в роли отца выступал действительно отец, и только он один, потому что родители Алисы к ортодоксам не относились и с ними противоречий не было.

Но капитану с лихвой хватало и своего отца, полковника МВД, у которого буквально уходила почва под ногами. Недавно еще бравый и здоровый, он как сломался: похудел, стал вялым, апатичным и именно в начале 89-го, справив 66-летие, подал в отставку и вышел на пенсию. «Служить этим говнюкам, разваливающим страну и социализм, я больше не намерен! Всё, всё, это без меня!» – вот его гневное заключение. И капитану стало ясно, что отцу конец, потому что тот утерял себя в этом мире. Мир уходил куда-то – то ли вперед, то ли в бок, но уходил, а отец хотел, чтобы он стоял на месте, как часовой у мавзолея.

Так не бывает, и отец заболел. Его положили в госпиталь МВД, что на улице Народного ополчения, сначала в диагностическое отделение, потом в терапию, а через месяц хотели перевести в расположенный за городом, на берегу Пахры, филиал, но не для долечивания, как стало ясно. Поэтому за дело взялась Алиса. Она работала в 1-й Градской, в офтальмологии, но больница эта – клиническая, многопрофильная, и в онкологическом отделении отличные доктора, уверяла она, а к тому же все-таки на одной территории, то есть за всем можно проследить и общаться ежедневно.

Отец верил Алисе давно и безоговорочно. Да, как-то так сложилось, что у них сложилось, причем с самого начала. Удивительно, но приятно. Капитану это нравилось. Не он, так его женщина, его жена. Отцу он не мог дать того тепла, какое ему требовалось, а Алиса могла. У нее это хорошо получалось, от души. Она как бы их всех объединяла, отца с сыном в том числе, несмотря на их давние, устойчивые размолвки. Что ж о них теперь, казалось бы? А вот нет: что-то растрескалось издавна – может быть, с той поры, с 57-го, когда отец отказался помогать матери в деле реабилитации деда, и будущий капитан, а тогда 12-летний мальчишка, не мог этого пережить – забыть, выветрить из памяти. Кто ж виноват – время, страна, люди? Люди, конкретно отец и сын, оказавшиеся в это время, в этой стране? Чего им не хватило – ума, любви?

«Ты только не казнишь, – говорила капитану Алиса, – это просто совпало, перестройка и его заболевание, это не из-за нервов, переживаний, это просто совпадение». Но капитан не верил в совпадения. Всё действительно разумно, повторил бы он вслед за Гегелем, если б знал классическую философию. Зато он знал другое – суть страны. Рак отца был следствием его веры. А вера его – дьявол. Чтобы избавиться от этой веры, надо дьявола убить. Иначе он убьет тебя. Вот такая альтернатива. Для них идея, идеология, – думал он в который раз, – важнее, первее, главнее родства, духовной близости, любви, наконец. Но к этому списку стоило бы добавить и еще кое-что.

СПУСТЯ ЧЕТЫРЕ ГОДА (2)

А капитан и сам начал путаться. Он вдруг стал понимать отца. Уточним: понимать, но не принимать. Неприятие оставалось прежним, а вот некоторое понимание открылось. Понимание того, что есть такие люди, как отец, и с этим ничего не поделать. Это тоже данность. Умны они или глупы, и до какой степени, это вопрос для дискуссий, но они честны. Да, среди этих ортодоксов, упертых приверженцев идеи о великой социалистической родине, есть горстка честных, искренних людей, не конъюнктурщиков или приспособленцев, не сволочей, наконец. Вот для них родина, именно великая родина, родина если не коммунизма, то социализма в их понимании, важнее, главнее всего прочего, всего личного, даже родства и любви. Такие люди не могли бы стать друзьями капитана, но их можно было хотя бы понять и не судить строго. Посочувствовать в душе. Промолчать, а не лезть в спор. Не пытаться убедить, что власть, эта шкура, их всегда использовала, и потому их честность, искренность, верность убеждениям приносила и приносит стране не пользу, а вред. Ибо это путь в тупик. Однако они, те самые честные, в это никогда не поверят. Иначе их мир рухнет, и они или умрут, или покончат с собой. Они не могут существовать вне своей картины мира. Вне – это как на другой планете, где, с их позиций, и разумной жизни нет.

Капитан хорошо запомнил фактически последний разговор с отцом, пока тот еще пребывал в ясном сознании. Начало марта, за окнами больницы снег с дождем, секущий ветер, мрачно, несмотря на середину дня. О чем говорил отец? Не о своем состоянии, не о здоровье (верней, нездоровье) или

лекарствах, не о медицине вообще. То есть не о частном с его высоких позиций. Слабым, но еще четким голосом он будто читал лекцию, а капитан в роли студента молча слушал.

- Что они задумали? Развалить, уничтожить армию и страну. Потому что если уничтожить армию, то и страну. Но Горбачев, дурак, этого не понимает – что, уничтожая армию, готовит гибель всей стране, а вот хитрец Рейган это отлично понимает. Горбачев уничтожает армию, а цель Рейгана – уничтожить нашу страну, ну а армию – это задача по ходу. Смотри, что они наделали в Рейкьявике в 86-м, а в 87-м в Вашингтоне уже подписали тот жуткий договор! По ракетам средней и малой дальности, я имею в виду. Это наша смерть, понимаешь? Родина без ядерного щита, противоракетной обороны! Понимаешь? А подводный флот, а стратегическая авиация? Туда же, в тартарары? Но самое жуткое – это ракеты малой дальности! Не удивляйся, именно малой! Ну, американцы уничтожат свои «Першинги», и хрен с ними, а мы-то, мы-то свою «Оку» в том числе! «Оку» в двух модификациях – СС-12 и СС-23! Ты хоть знаешь, что такое наша «Ока»?

Отец явно возбудился, даже попросил приподнять его на подушке. И продолжил:

- Э, милый мой, ты ничего не знаешь! А я знаю, нам секретный фильм показывали, когда «Оку» приняли в серию. Эта ракета – наше лучшее, самое высокотехнологичное, самое совершенное! Она – для высокоэффективного уничтожения всех наземных развертываний противника – ракетных установок, наступающих войск, аэродромов, систем связи, штабов и так далее. Причем пусковые установки «Оки» полностью автономны, могут ездить по любому бездорожью, плавать, перебрасываться по воздуху, по железной дороге и даже по морю-океану. И вот такое чудо, такое совершенство теперь под нож! То есть вся эффективная, победная тактическая война на континенте – к чертовой матери! Мы голые, понимаешь? Нас можно брать голыми руками! Понимаешь? А вот Горбачев, интересно, понимает? Он или полный дурак, или вредитель, или хитро вознамерился уничтожить, развалить СССР. И развалит, кстати, я уже уверен. – Тут отец приумолк, но вскоре продолжил: – Единственный человек в руководстве, кто честно пытался противостоять развалу нашей оборонной мощи – это маршал Ахромеев, начальник Генштаба до самого последнего времени, но его, понятно, недавно оттуда поперли! Да и что он мог один? Вот так... – Опять опять смолк и вдруг проговорил уже тихо: – Странно, однако, что в 79-м он был против введения наших войск в Афганистан. Не пойму этого.

Капитан, до того не произнесший ни слова, сказал, улыбнувшись:

- Видишь, значит, не только академик Сахаров. Ну да ладно.

Отец вяло махнул рукой:

- Ладно так ладно, что ж теперь!.. Теперь...

Но тут в палату вошла Алиса, и выражение лица у отца разом изменилось:

- Девочка моя, вот и ты, привет-привет!..

Как раз через несколько дней после этого, в середине марта, капитан отвез двухлетнего сына Павку к родителям Алисы, чтобы тот пожил у них в ближайшее время, две недели или три, потому что в эти самые недели Алиса

должна полностью освободиться от дел по дому. Теперь ее дела – уход за отцом капитана в больнице. И даже не столько уход (с этим там было налажено), сколько пребывание рядом с больным в его последней стадии. Так и происходило. Ежедневно после окончания работы у себя в офтальмологическом отделении Алиса приходила в отделение онкологическое, и до позднего вечера, после чего – на метро от «Октябрьской» до «Речного вокзала», где ее поджидал капитан на «жигулях», Дома оказывались часов в одиннадцать.

Конечно, капитан тоже приезжал к отцу. Как правило, через день, днем. Навигация была еще закрыта, поэтому – свободен. Свобода вмещала хождение по магазинам, стояние в очередях, потом готовку обеда с ужином для жены, себя и для отца (это последнее Алиса забирала по утрам, отправляясь на работу). Еще капитан убирался в квартире, загружал стиральную машину, а после развешивал чистое белье на балконе. Не бог весть какие занятия, но так проходило время, а около половины одиннадцатого – в машину, чтобы встречать Алису у метро.

Почему-то хорошо запомнилось это число – 25 марта. Именно тогда, поздним вечером, едва вошли в квартиру, раздался телефонный звонок, междугородний. Звонил Володя Дадиани из Гагр.

Это был сумбур. Сначала капитан едва успевал осмысливать то, что слышал, потом, пытаясь перебить, пробовал успокоить, но Володя говорил, говорил, и в конце концов, уже когда тот кое-как выговорился и обещал позвонить снова на днях, то есть когда они распрощались, картина сложилась вот такая. Неожиданная картина. Ну, если верить всему тому, что наговорил друг из солнечной Гагры.

Еще в начале этого, 89-го, года, в абхазских газетах стали появляться сообщения о собраниях сепаратистов, то есть лиц, ратующих за отделение Абхазии от Грузии. Образован какой-то комитет, проводятся сходки, агитация, митинги, и всё это не подпольно, а открыто, при явной поддержке местной печати. Число сторонников независимости растет, причем уже приходят отклики в поддержку наметившегося движения, в частности из Москвы, но от частных, хотя и известных лиц из творческой интеллигенции. Далее: создан так называемый Народный фронт Абхазии, и именно в Гаграх в конце февраля прошло заседание инициативной группы этого Фронта. Требуют отделения от Грузии, сношения некоторых памятников, в частности памятник герою Отечественной войны Леселидзе. Выдвигаются требования моноэтничности, то есть того, чтобы в Абхазии проживали только абхазцы, а грузины и армяне (о русских пока речи нет) уезжали к себе. «В общем, это массовый психоз, – кричал Володя, – ты не представляешь, что тут происходит, тут, где всегда был мир и покой! Но пока без насилия. Хотя, боюсь, идет к этому!»

Далее он кричал следующее. Неделю назад недалеко от Гудауты прошла 30-тысячная сходка сепаратистов. Направлены письма в ЦК, в Верховный Совет. Всё бурлит. В ответ на эти действия грузинская общественность Абхазии стала проводить свои митинги – в Сухуми, Гаграх и других местах. Говорят, что уже и в Тбилиси поняли, к чему всё это может привести и готовятся к отпору, то есть против сепаратизма Абхазии и ее выхода из состава Грузии. А власть на местах? Она безмолвствует, все сходки и митинги несанкционированные. Местная власть ждет, какотреагирует ЦК

Грузии, ЦК в Москве, Верховный Совет. И пока ждет, события набирают оборот. Поставлен вопрос «о политическом статусе Абхазской республики». Не Абхазской АССР, а именно Абхазской республики! – кричал Володя. Принято обращение к Горбачеву как к генсеку ЦК КПСС и Председателю президиума Верховного Совета.

Но более всего капитана поразили несколько его фраз, сказанных с горьким смехом. Это уже почти в конце разговора: «Дело не только в обращении лично к Горбачеву – дело еще и в обращении лично к нам, здешним грузинам, персональные обращения. Сегодня утром на нашем доме отец обнаружил приклеенную к стене листовку: «Дадиани, убирайся к себе в Грузию!» Вот так. Такие же листовки – на домах других наших грузин. Понял? Что будет дальше? – спрашивал себя Володя и отвечал: – Дальше будет хуже. Я перезвоню тебе, завтра или на днях».

Он перезвонил почти через неделю, 1-го апреля, и именно в этот день умер отец капитана. Поэтому было не до событий в далекой отсюда Абхазии. Это только еще через несколько дней капитан кое-как восстановил в памяти то, что наговорил Володя. Если коротко, то вроде бы так.

Срывают надписи и вывески на грузинском языке. В Гаграх осквернен памятник Шота Руставели. Силами Народного фронта Абхазии временно был захвачен участок железной дороги на Сухуми, а на автотрассе в сторону Сухуми закиданы камнями и обстреляны два автобуса, ранены 14 человек. В ответ на всё это началась эскалация грузинских действий: митинги и забастовки в Сухуми, Гагре, Гали, а помимо Абхазии – в Тбилиси. А из Москвы однозначной реакции нет. Будто все ждут. Чего? Крови, войны?

На третий день, как и положено, были похороны, поминки. Собрались в доме у капитана: два старых друга отца (один еще с войны, теперь генерал в отставке, второй – из Главного Управления МВД, полковник; их капитан знал еще с детства), отец Алисы (без жены, которая, понятно, осталась дома с двухлетним внуком Павкой), Сашка Кумарин, сильно помогавший с похоронами, ну и хозяйка дома, Алиса и капитан.

Сели за стол, помянули раз, другой, третий. Говорили старики – генерал и полковник, – вставали с рюмкой в руке и говорили, вспоминали славные дела, но главное – об отце, конечно. Тут был, наверное, тот несчастный случай, когда о покойном можно говорить всё – то есть не по формуле «или только хорошее, или ничего», а именно всё, ибо «всё» отца было только хорошим. Каким конкретно? Правильным, кристально-честным, верным всему, чему присягал, где служил, с кем работал. Не кичился военными наградами, не пользовался льготами, никого не предал, не выслуживался, не интриговал, не бился за звания, должности и т.п. В общем, верный сын своей родины, как подытожил генерал в отставке. Теперь таких всё меньше, добавил. Вот ему-то и будет земля пухом, именно ему, сказал еще и, тряхнув головой, выпил стоя.

Похоже, это так, подумал капитан, похоже, будет отцу земля пухом, будет, а то, что не во всем он бывал прав, ежели о делах в семье и о его взглядах, так имеет ли теперь это значение? Теперь неизвестно. Это за гранью бытия. А что за гранью бытия? Молчанье.

Поэтому капитан молчал. Его попросили тоже сказать что-то, но он только покрутил головой...

Через полчаса пошли общие темы, и конечно, о политике, о перестройке, о делах в стране, о том, что всех ждет. А ничего хорошего, согласно утвердили старики и, как горячий пример, принялись говорить о нынешних событиях в Грузии. Тут капитан невольно стал прислушиваться. Старики знали больше Володи Дадиани, но, как и он, не знали ничего. То есть только факты, а подноготная, кому это выгодно и куда приведет, – а черт его знает! «Горбачев с Шеварнадзе укатили куда-то в свою разлюбленную границу, на хозяйстве остался Лигачев – может, он прикажет навести там порядок? Жестко, сильно, только так! Без твердой руки, без железного кулака лучше не будет!»

- Но ведь это кровь, – сказал капитан, и услышал в ответ:

- А *так* ее не будет? Будет, и даже больше!

Ну, ясно. А впрочем, что ясно? Ничего не ясно, вот что ясно. Чертовщина! Поэтому тупо повторил: «Но ведь это кровь», но не успел добавить что-то, как думалось, важное, потому что раздался телефонный звонок. Алиса передала ему трубку, сказав удивленно: «Межгород, Тбилиси. Почему Тбилиси?» Вот тебе и к вопросу о Грузии! – усмехнулся капитан.

- Да, я уже в Тбилиси, а тут такое! – услышал быструю речь Володи. – Так мы с отцом решили: он охраняет маму и дом, а я еду в Тбилиси к тетке, его двоюродной сестре. Я тут со вчера. Перед Домом правительства на проспекте Руставели – митинг, уже второй день, люди не расходятся, подходят новые и новые, много молодежи, но и вся интеллигенция, и старики. Все! Сегодня, мне сказали, будут всю ночь стоять, требовать. Что? Против выхода Абхазии, за единую, неделимую Грузию. Но знаешь, не только... Начинается, кажется, и другое: за независимую Грузию, то есть за ее выход из состава СССР. Это еще не главное, но... но кажется мне, это зреет в народе. А руководят всеми наши известные люди. Ты знаешь, я тебе рассказывал – диссиденты: Звиад Гамсахурдия, Мераб Костава. Помнишь?

- Кажется, да, – дипломатично отозвался капитан. – А как же твоя работа, охрана на Водоканале?

- Господи, о чем ты! Судьба Грузии решается, а ты – работа!

- Ну да, ну да... А сам-то ты как – за какую Грузию?

- За неделимую! – был скорый ответ. – А про то, в составе СССР или нет, это потом, потом... Знаешь, у меня такое чувство, что я присутствую на историческом событии! Кровь бурлит. Какое единение народа! Как все едины и прекрасны!

Что-то он говорил еще, так же горячо и высокопарно. Впрочем, капитан знал Володю давно и привык к подобному. Напоследок попросил:

- Ты там поаккуратней, а то вы люди горячие. И лучше ночами спать дома, а не митинговать. Не люблю я больших сходов. Такой потенциал для агрессии! Или ответной агрессии.

- Да не беспокойся, дорогой! У нас всё мирно. И с нами мирно, милиция не вмешивается, всё хорошо.

- Ладно. Но позвони мне еще, завтра, послезавтра. Или так: дай мне твой тбилисский телефон...

Капитан записал продиктованный ему номер, положил трубку и вернулся к прерванному разговору:

- Ну вот, такое совпадение. Это мне из Тбилиси звонил друг. Там бессрочный

митинг у Дома правительства. Кажется, что-то зреет.

- Зреет только нарыв, а нарыв надо вскрывать! – резко произнес генерал в отставке. – Вскрывать по-советски, а не по-горбачевски. Как мы вскрывали нарывы в ГДР в 53-м, в Венгрии в 56-м и в Чехословакии в 68-м. Вот так!

- Не много ли нарывов при социализме? Сплошной фурункулез какой-то! – вставил Сашка Кумарин, ослабившись. – Алиска, я прав с точки зрения медицины?..

Где-то через час стали расходиться, ибо все устали за этот день, и, пропустив в дверь стариков, Сашка быстро проговорил капитану полупрошепотом:

- Я эту политику, ты знаешь, на хрен не перевариваю, пошли они все в задницу, но ты не расслабляйся, будь в форме, там, в Тбилиси, наш друг, а они вскрывать нарыв еще надумают. Понял? Там друг, не расслабляйся!

9-е АПРЕЛЯ

К другу успели вовремя. Ну, «вовремя», это с исторических позиций. А если с литературных, то можно и так: с корабля на бал. В данном случае корабль был воздушным (Ту-134), а бал отнюдь не напоминал великосветскую ассамблею с музыкой и при свечах. Хотя нет, свечи имели место быть.

Последний телефонный разговор с Володей произошел 7-го апреля, и вот после этого капитан и Кумарин, перезвонившись, сразу решили рвануть в Тбилиси. Нет, не ради осуществления высокого тютчевского «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые», а просто, именно просто – по зову души, или по зову родства, или еще как-то, если о дружбе на троих. А как же иначе: там, похоже, действительно будет кровавая заваруха, а Володя без нас. Если нас трое, то как он без нас? Если без нас, то, значит, один.

Алиса это поняла. Но молча. Развела руки – и отпустила. Нет, точнее так: будто выпустила из гнезда. Что ж, срывайся, капитан!..

Да и было почему срываться. Володя сообщил очень тревожные сведения: митинг уже откровенно антисоветский (за независимость Грузии), народу всё больше, не расходятся третьи сутки, лидеры подозревают, что власти готовят введение войск для разгона людей, поэтому все вооружаются как могут – металлическими прутьями, цепями, камнями; начат сбор денег для приобретения огнестрельного оружия. «Как у кого? – и Володя даже усмехнулся в трубку. – Были бы деньги, остальное не проблема, достанем, купим!»

Значит, это было 7-го, а на завтра дневным рейсом вылетели в Тбилиси, перед тем предупредив Володю по телефону, чтобы от шести до восьми вечера он был дома по указанному им капитану адресу: проспект Важа-Пшавела, дом 13, квартира 6. Странно или нет, но народу в самолете оказалось не очень много. Хотя почему странно: сейчас не лето, не сезон, а рейсов на Тбилиси из Москвы целых три.

Приземлились точно по расписанию, в аэропорту никакого волнения или излишней суеты, будто всё по-прежнему, всё прекрасно. Потом на такси до проспекта Важа-Пшавела («Это кто такой?») – не преминул полюбопытствовать Сашка Кумарин, на что таксист аж вскинул руки, на миг оторвав их от руля: «Наш великий поэт прошлого века, настоящий горец!

Неужели не знаешь?»). Наконец встретились, обнялись, Володя всё уговаривал сесть за стол, подкрепиться, поскольку вся ночь на ногах – да, похоже, что так.

Подкрепились (только по рюмке коньяка приняли), попрощались с Володиной тетушкой (чудесная старушка, всё крестила в дверях родственника и его друзей) и уже в темноте двинулись к проспекту Руставели.

Так наступало 9-е апреля.

Потом о тбилисском 9-ом апреля будет сказано и написано многое – и будет много правд, много неправд, факты, мнения, свидетельства, версии, искренние и хитроумные. Эта разноголосица объяснима: слишком разные силы были задействованы в противоборстве той ночью: с одной стороны, простой народ, ведомый убежденной оппозицией, а с другой – спецотряды милиции, части внутренних войск и десантники со своими командующими. А кроме того, были партийные и милицейские руководители Грузии, оказавшие в ситуации выбора, растерянные, но не забывавшие о своих креслах и карьерах. Был еще и церковный глава – католикос Илия II. Понятно, у всех них – своё виденье и своя позиция, да и внутри каждой из сторон мнения не всегда сходились.

Но тогда мало кто знал, что, помимо действующих лиц на проспекте Руставели и в Доме правительства, были и те, кто принимал главные решения. Эти люди находились в Москве, конкретно в ЦК, и именно оттуда 8-го апреля отдали указание направить в Тбилиси спецотряды милиции, подразделения внутренних войск и армейские части. Это так и называлось: санкция на основании совещания в ЦК КПСС. Формально сие было противозаконным, потому что принятие подобных решений принадлежало не партийным органам, а государственным, в частности Верховному Совету страны. Но это формально, а фактически всё решала высшая партийная власть. Лигачев ли, бывший в те дни «на хозяйстве», Горбачев ли, прилетевший вечером 7-го апреля из Лондона и сразу же в аэропорту поставленный в известность о разворачивающихся событиях (то есть он знал о готовящейся акции и как глава государства еще мог ее отменить, но не сделал этого; есть и другая версия: не собирался отменять, ибо был «за»). Так или иначе, решение о введении войск вступило в силу, и глубокой ночью митинг оцепили войсками, а все выходы с площади перед Домом правительства перекрыли автотранспортом.

Описывать последовавший кошмар не входит в задачу данного повествования. Поэтому приведем лишь не подлежащие сомнению факты. В 4 часа утра, после неоднократных призывов разойтись по домам, генерал-полковник Родионов отдал приказ начать вытеснение митингующих с площади и проспекта. Однако у людей практически не было возможности покинуть оцепленную территорию из-за того, что пути отхода оказались перекрыты. Намеренно или по недомыслию? Возникла паника и массовая давка. «Силы вытеснения» применяли резиновые дубинки, отравляющий газ «черёмуха» и более сильный газ Си-Эс, малые саперные лопатки (число случаев их применения разнится) и огнестрельное оружие (один случай), в ответ на что многие участники митинга использовали подручные средства. Тем не менее, по аналогии с «ночью хрустальных ножей», эту ночь назовут

«ночью саперных лопаток».

Вот результаты. 16 участников митинга погибли на месте происшествия, еще трое вскоре скончались в больнице. Во всех случаях, кроме одного (смерти от пулевого ранения), причиной гибели людей была асфиксия в результате сдавления грудной клетки, усугубленная действием отравляющих газов. В больницы города доставили более двухсот людей, а в целом за медицинской помощью обратилось около 4-х тысяч человек с различными ранениями, травмами и симптомами отравления.

Теперь данные от противоборствующих сторон (неизвестно, насколько достоверные). Грузинская пресса утверждала, что саперными лопатками зарубили десятки мирных жителей. Комиссия Съезда народных депутатов СССР объявила о 21 случае ранения лопатками. По данным Прокуратуры – 7 таких случаев. К тому же прокуратура сообщила о тридцати случаях ранений среди десантников, а МВД – о том, что различные травмы получили почти семьдесят человек из состава спецчастей. Наибольшие цифры привело Министерство обороны: травмированы полторы сотни военнослужащих. Вне зависимости от того, насколько точны последние сведения, справедливо признать, что случившееся в Тбилиси ночью и под утро 9 апреля – это кровавый кошмар. Созданные для расследования высокая комиссия пришла к выводу об избыточном применении военными силы против демонстрантов, о серьезных просчетах, допущенных общесоюзными и местными органами власти, о нарушениях закона и т.п., как и о том вообще, что предпосылки этих трагических событий складывались на протяжении длительного времени из-за кризисных явлений в республике Грузия и в стране в целом.

Несомненно, это так. А теперь версии. Они разные, но суть одна: непосредственная причина трагедии – грандиозная провокация.

Вот первый сценарий. В Москве уже подготовили указ о посягательстве на государственной строй страны, к чему теперь приравнивается любая критика строя и партии (это правда – подготовили). Указ должны были огласить по радио и телевидению в половине одиннадцатого вечера (по тбилисскому времени). Но, еще не зная об этом, лидеры оппозиции и другие граждане на митинге продолжают свои гневные речи, требуя независимости Грузии. Но об указе уже знают спецслужбы. В соответствии с ним, переодетые оперативники сразу же начинают аресты лидеров на площади. Толпа возмущается и встает на защиту задерживаемых. То есть налицо сопротивление властям, выполняющим указ. Иначе говоря, налицо групповые действия, подрывающие основы строя. Что и подавляют пришедшие на помощь местной милиции армия и войска МВД.

Вот такой сценарий, таковы ожидаемые действия, но в реальности вышло не совсем так.

Тем не менее есть три варианта приведенной версии (скажем так, московской): 1) с помощью такой провокации первое лицо страны хотело укрепить свою власть, 2) второе лицо имело намерение стать первым, поскольку первый опозорился (ничего не делал, пока назревали события, и ситуация вышла из-под контроля), 3) третье лицо дезориентировало первого и второго для того, чтобы случилось то, что случилось.

Но есть и другая версия, немосковская. Лидеры грузинской оппозиции (или один из них) сами сотворили всю эту грандиозную провокацию, призывая людей к бессрочному митингу, протестам и требованиям выхода из состава

СССР. Последствия таких действий были им понятны – введение войск, бойня, кровь, смерти. А это и нужно для достижения генеральной цели – дальнейшей борьбы за независимость Грузии и своего лидерства в ней, то есть власти.

Такие версии. А единственной правды нет. Для нас нет.

И виновных не оказалось. Никто из главных не пострадал – ни Горбачев с Лигачевым, ни Шеварнадзе, ни местные руководители, ни генерал Родионов, ни даже лидеры оппозиции, бывшие диссиденты Гамсахурдия, Костава и другие. В общем, никто ни при чем. Ну, может быть, кроме главы компартии Грузии Патиашвили, который после событий 9-го апреля ушел в отставку (сам ушел или его «ушли» – для нас это очередная тайна).

Кстати, о лидерах оппозиции. Самые главные из них вскоре погибнут позже. Сначала Костава (уже осенью 89-го), потом Гамсахурдия (в 1993-м), успев стать президентом независимой Грузии, а потом свергнутым президентом и беглецом. Но это другая история.

А в той истории были не только эти, всем известные люди, но и мало кому известные. Наши знакомые – капитан, Сашка Кумарин и Володя Дадиани. Они-то как?

КАПИТАН И АЛИСА

По прошествии четырех месяцев, в августе, у Алисы был запланирован очередной отпуск, и на вопрос капитана, как она намерена проводить это время, поскольку он ей не компаньон из-за навигации до поздней осени, Алиса ответила сразу и просто: «Намерена с тобой. Возьмешь на «Волго-Дон»? С тобой – и в Петрозаводск, в Карелию. А Павка побудет с мамой и папой на даче».

Хороший вариант, капитан согласился. Всё, как прежде: каюта на двоих, большая голубая дорога, Карелия. Да и Сашка Кумарин, стармех, рядом. Все свои и всё свое. Значит, поплыли.

Поплыли, как только выпал такой рейс, то есть на Петрозаводск.

И вот тогда, там и тогда, капитан стал выздоравливать.

Сначала, в ночь перед выходом в Рыбинку, ему приснился отец, а после была сама Рыбинка.

С отцом они катили на велосипедах. Сильный молодой отец и десятилетний Лёнька. Отец в форме с майорскими погонами, но Лёньку это никак не смущает, потому что это сон, а во сне можно и так: на велосипедах, по какому-то шоссе, ветер свистит в ушах, они несутся и почему-то хохочут, перекикаясь на ходу, а то, что отец в форме, так и пусть, даже забавно. И вот они подъезжают к спуску. Будто горочка, да крутая, посерединке которой – узкая голубая полоска шоссе. «Вперед?» – смеясь, спрашивает отец, и Лёнька кричит: – «Вперед!». Они срываются с вершинки и несутся вниз, всё быстрее и быстрее, но почему-то Лёнька знает, что они не упадут, не разобьются, что будет только прекрасно. А почему знает? Потому что отец. Отец же сказал «вперед» – значит, никакой опасности, значит, они не упадут, доедут донизу целыми и невредимыми. А как ветер свистит в ушах! А стоит

открыть рот, так даже зубы стынут! Голубая полоска асфальта под колесами несется тебе навстречу – только руль держи крепче! И краем глаза видно, как густо синее полоска леса сбоку, а перед лесом покачивается овсами большое желтое поле, а сверху (но это не видно, а чувствуется) жарит солнечный блин, и хоть жарко, а и холодно, потому что ветер, такой ветер из-за скорости, что на руках даже волосики стали дыбом!

И они с отцом летят, летят сверху вниз, не притормаживая, всё вперед и вперед, и нету конца этому волшебному спуску, этому полету. И как это прекрасно – лететь с отцом на велосипеде, а куда, да разве это важно? Важно лететь, с отцом, и никакой беды не будет, никогда...

Капитан проснулся, но сон еще плавал в его глазах, и оттого он улыбался, хотя уже понимал, что это – сон, сказка подсознания, миф. Его, капитана Леонида Желткова, миф, сон про отца и детство, а детство это что?

Репетиция жизни. Но всегда именно такая, когда репетируют счастье. А странно, возникла мысль, репетируют счастье, а играют драму. А то и трагедию. Это как?

Но ответить себе не успел, потому что заворчалась Алиса и тут же присела на койке. Улыбнулась.

- С добрым утром, капитан! А с чего ты такой сахарный? Улыбка – прямо будто до арбуза дорвался в детстве: чем шире кусок, тем слаще!

Он провел рукой по ее спине.

- Мне хорошо. – И рассказал о своем сне.

- Это ты выздоравливаешь, – заключила Алиса.

- А что, я болел?

- Было дело. Но теперь, похоже, всё хорошо.

Он покивал. Потом вдруг спросил:

- Сколько тебе лет?

- Двадцать семь, – ответила она с ноткой удивленья.

- И сколько лет мы знакомы и вместе?

- Пять. Уже пять.

- Да ну? Странно – а я тебя всё люблю, и даже сильнее, чем тогда, чем раньше. Это совсем на меня не похоже, это почему?

- Ответ на этот вопрос знает только волшебник. Вот его и спроси.

- Ага, вот сегодня выйдем в Рыбинку, там и спрошу. Гляну в воду, в мое зеркало, и спрошу. Вот она, моя девочка из Зазеркалья, почему же я ее всё люблю? – так спрошу.

- Мне тоже интересно, что он ответит. Расскажешь потом?

- Не, никогда! Это наша с ним тайна...

На Рыбинке было, как и положено, ясно-спокойно, вода – зеркало, и что там нашептал волшебник капитану, неизвестно, но это как-то подействовало. В том смысле, что капитан начал рассказывать. Алисе, ночами. Одной ночью, другой. Какие-то фрагменты, отдельные картины. А потом Алиса уже сама складывала эти картины в нечто целое.

Ведь до того она знала только официальные факты – то, что давали по телевизору или звучало по радио. Но это информация все-таки исходила от властей, которым было что скрывать. А вот взгляд изнутри, от участников тех событий... Но капитан молчал, долго молчал. Заговорил только теперь.

...Сколько тут народу? – несколько раз спрашивал я Володю, и он называл разные цифры (из-за возбуждения или так ему хотелось, чтобы побольше?): пять тысяч, десять, двадцать...

Какой-то пожилой грузин предупредил нашу троицу, что если будут разгонять, то надо вести себя миролюбиво и не оскорблять солдат. «Каких-таких солдат?» – удивился Сашка Кумарин. «Ну, если введут войска». Но в это никто не верил...

Требовали, чтоб к народу вышел Патиашвили, глава компартии Грузии. Не вышел...

Потом пошел дождь. Люди накрылись зонтами и полосками полиэтилена – ну, у кого это было. Стояли и напряженно ждали. Чего?..

Кажется, около трех ночи появился патриарх – католикос, как его тут называют, Илия Второй. Красивый старик с седой бородой, в черной шапочке с серебряным крестом. Доброжелательный, но напряженный. Не знаю, почему как бывает, но такому сразу веришь, даже если впервые видишь... Все затихли, а он очень волновался, пока говорил. Что сказал? Что мы – его духовные дети, что все мы за свободу и процветание Грузии, что он понимает, почему люди здесь собрались, но ему стало известно, что над всеми нависла смертельная опасность, и потому, во имя сохранения жизней, он просит уйти отсюда, пойти за ним в храм и помолиться о спасении людей и Грузии.

Раздались выкрики: «Нет!», «Мы здесь до конца!» И что-то еще в том же духе.

Патриарх просил опять и опять. Но все остались на месте. Один из лидеров – Церетели, кажется, да? – стал читать молитву, все опустились на колени с зажженными свечами в руках. Никогда не видел ничего подобного!.. Когда молитва кончилась, патриарх сказал: «Если вы остаетесь, я остаюсь с вами». Вот такой патриарх...

Потом кричали: «Да здравствует Грузия!» (это в Володином переводе, а я до сих пор помню, как это звучало в натуре: «Сакартвелос гаумарджос!»)...

Потом кончился дождь. Кажется, в начале четвертого. Полная тьма в небесах, а здесь – огни фонарей с одной стороны проспекта и горящие свечи, свечи, свечи...

Слепая девочка играла на свирели. Она стояла чуть в сторонке на тротуаре и играла так самозабвенно, что народ вокруг стал танцевать под ее щемящую мелодию. Эту слепую девочку лет двенадцати с флейтой у рта я тоже никогда не забуду. Интересно, она выжила? Ее никто не тронул?..

В четыре часа (или чуть позже) мы увидели: в темноте за каким-то

большим зданием стоят бронетранспортеры с зажженными фарами, а дальше – стена солдат и пожарные машины. Потом солдат построили. Со щитами, дюралевыми и пластиковыми, как я разглядел вскоре...

«Они не поедут, не бойтесь!» – уверял кто-то рядом, но БТРы поехали. По четыре в ряд, во всю ширину проспекта. Крайний наезжал колесами на тротуар, это я хорошо помню. А в это время на площади пели и танцевали, и моя слепая девочка всё играла на свирели...

Солдаты двигались позади БТРов, и люди, пропустив машины, сомкнулись. Так войска оказались перед нами. И через несколько секунд солдаты заработали дубинками. Все закричали, стали разбегаться, но многие сопротивлялись, то есть наносили ответные удары. Рукопашная. Первым из нас удар по спине получил Сашка и упал. Я быстро поднял его, успев крикнуть: «Лежать нельзя – затопчут!» И тут увидел, как с прилегающих к Дому правительства улиц спускаются новые войска. И мы оказались в окружении...

Люди метались, их били (пока дубинками), били тех, кто на ногах, били лежащих, били сильно, жестоко, будто мы враги. Я понял: цель в не том, чтобы мы разошлись, а в том, чтобы нас если не убить, то покалечить. Так им приказали или лишь дали понять, что «можно»? А они... ну, будто с наслаждением. Столько ненависти, злости, жажды бить, убивать!..

БТРы доехали до театра имени Руставели и остановились. Так создали второе кольцо окружения. А у Дома правительства были террасы с кустами, и вдруг я разглядел что-то невероятное. Будто десантники вырубают саперными лопатками эти самые кусты. Но оказывается, в них прятались люди. А их «вырубали»...

Не знаю, как это случается. Вдруг до тебя доходит, что надо спасать себя. Что уже не до лозунгов, криков о свободе и прочем прекрасном, что теперь остается одно ценное – лично твоя жизнь, и ее надо спасать. Только это.

Такое озарение (конечно, животное) разом явилось всем. Именно разом. Потому что все бросились из кольца. А оно не отпускало, не пропускало. Потому что за кольцом БТРов оказалось кольцо из разных машин и автобусов, которые блокировали все отходы с площади. И тогда началась уже не паника, а давка. Давильня. А солдаты били и рубили. А еще возник удушливый запах газа. Одни люди падали, а другие по ним шли, бежали, рвались в переулки через узкие проходы между машинами, но тех, кому все-таки удавалось как-то проскочить туда, солдаты догоняли и били, и рубили тоже.

И крики, крики, жуткие крики...

Мы с Сашкой и Володей старались держаться вместе, но в давке и попытках вырваться, это вряд ли возможно. То я потерял из вида одного, то другого. Потом мы снова рядом. Потом кто-то исчез опять. Потом... Помню, Сашка жутко орал, да, это я помню, но не от страха, а от злости,

и дрался по-чёрному, то есть не столько продирался с площади, сколько пытался огреть дубинкой ближайшего к нему солдата, а дубинку эту он добыл в бою, как сказал мне после. А я не дрался поначалу, я держал в руках какую-то женщину лет пятидесяти и вот так, обняв ее всю, соединив с собой, пытался протиснуться к периферии этого кошмара, ближе к переулкам. Но не смог. Куда-то она вдруг пропала, выскользнула, испарилась – то ли упала, то ли ее подхватил кто-то другой, а меня оттеснили, протащили с толпой дальше, не знаю.

И тут меня сжали, да так, что я, сильный, стал задыхаться. То есть моя грудная клетка не могла расшириться для вдоха.

Вот тогда я ощутил злость. Приступ. Как озверел. Но не попытке спасти свою шкуру, а чтобы убить. Где эта женщина, которая исчезла из моих рук? Где та слепая девочка со свирелью? Это – мои женщины, мои, а на моих женщин покушаться нельзя!.. И я знал, кто виноват, на кого направлять злобу, кому мстить.

Но это было только началом. Началом меня такого...

Стоило чуть высвободиться и побежать, как сразу огрели по спине. Дубинкой. Я развернулся, чтобы ответить, но солдат закрылся щитом. И вдруг упал. И я увидел Сашку Кумарина. Это он сзади сбил солдата. «Лежачего не бьют», – услышал я, будто из детства, свою мысль и ударил. Ногой. А Сашка крикнул: «Оставь его! Володя!» – «Где он?» – спросил я тоже криком, и Сашка махнул дубинкой куда-то. А куда? И мы побежали... Да нет, это сильно сказано: побежали! Два-три шага, и натыкаешься на других бегущих, или на других увертывающихся от солдат, или на самих солдат... Но все-таки мы с Сашкой куда-то перемещались, по пути нанося удары по врагам. Ага, по врагам, это верно, верно. Я подобрал валявшийся железный прут и, помню, жутко обрадовался: теперь я вооружен! Да, теперь мне стало легче освободить себе дорогу, махая прутом, как палицей. Кого-то я задевал по пути, но не наших, конечно, а тех, кто в форме или со щитами. А саперных лопаток вблизи от себя я не видел. Их я увижу вскоре...

«Где Володя?» – опять крикнул я на бегу, и тут увидел его. Верней не только его, а группу из трех человек: Володя, женщина и солдат. Бегущий Володя прикрывал спину бегущей женщине, а их догонял десантник. Это точно был десантник, потому что в руке у него сверкнула черным саперная лопатка. Лопатка была черной. Это я увидел. А куда они бежали? В скверик, небольшой скверик левее Дома правительства, прямо напротив 1-й гимназии, как я узнал назавтра, когда пришел глянуть на место события (об этом скажу потом). В том скверике Володя хотел укрыть женщину. Но их догонял десантник. И мы с Сашкой понеслись за ними...

Дальше – как отдельные кадры из кино, но не немого, а с криками. 1-й кадр: десантник на ходу бьет ребром саперной лопатки Володю по спине (или повыше, тогда я хорошо не разглядел, мешала толпа), и Володя, вскрикнув, сразу падает.

2-й кадр: через несколько метров десантник нагоняет бегущую женщину,

спину которой защищал Володя, пока не упал (она была с непокрытой головой, брюнетка, в черном длинном платье – странно, как я это разглядел, запомнил), значит, нагоняет и тоже бьет ребром лопатки по спине или выше, по шее. Женщина оседает на колени и потом валится на асфальт.

3-й кадр: Сашка склоняется над лежащим Володей, а я бежу мимо них за перешедшим на шаг десантником и бью его сзади прутом по голове... Нет, конечно, это я не вижу со стороны, как в кино, – я участвую. Значит, я бью его прутом по голове, он тоже оседает, и я хочу вдарить его еще, но тут же вспоминаю про Володю и женщину в черном, которые где-то за моей спиной.

4-й кадр: первый, кто ближе, – эта женщина. Она окровавлена, но жива, кажется. Что-то я говорю ей, спрашиваю. Какой-то человек рядом кричит: «Скорую надо вызывать, скорую!» – и исчезает. И сразу же крик Сашки в трех метрах от меня: «Лёнька, ко мне!»

5-й кадр: теперь я хорошо вижу рану у Володи на шее, сбоку. Узкая рана, но из нее здорово течет кровь. Лежащий Володя не отвечает на Сашкин крик, на его вопросы. Помню, спрашиваю, присев на колени: «Он живой?», Сашка опять кричит, кричит и кашляет. Кричит мне: «Подержи его!» – и подвигает ко мне Володину голову. А сам вскакивает и бросается куда-то. Я один и Володя, верней, я и его голова. Я живой, а он не дышит – во всяком случае, это мне незаметно, чтобы он дышал. На моих коленях и на моих ладонях, где его голова, – кровь, липкая и горячая, это я чувствую. «Надо вызвать «скорую», – говорю я себе, и сижу, и держу в окровавленных ладонях Володину голову...

6-й кадр, последний: я куда-то бежу (наверно, это происходит через несколько минут, а может, через полчаса, не знаю). Я бежу с моим драгоценным прутом в правой руке (окровавленной) и на ходу наношу удары по спинам, по щитам, по головам. Странно, что меня долго никто не сбивает. Но в какой-то момент чувствую удар по голове, по затылку, и больше уже ничего не помню ...

Назавтра (да нет, 9-го же), когда меня отпустили из больницы, Сашка рассказал мне, что было тогда. Почти сразу же подъехала «скорая» (оказалось, несколько таких медицинских «рафиков» дежурили вдоль проспекта) и увезли кого куда: Володю в морг, а ту женщину в черном платье – в больницу, она была еще жива. Это случилось, пока я носился среди солдат со своим прутом. Пока мстил. Но вот когда меня сбили и я потерял сознание, Сашка каким-то чудом оказался вблизи и отволол меня именно в тот скверик рядом с Домом правительства, куда стремился Володя с той самой женщиной в черном. Они туда так и не попали, а вот мне повезло. Я пришел в себя, и там мы с Сашкой мирно сидели, курили, нас никто не трогал. Помню, Сашка всё кашлял, матерился и говорил, что попал в облако «черёмухи», а я, кажется, будто оглох тогда, или мне так казалось, не знаю. И про Володю я тогда забыл, и про «черную» женщину. А под утро Сашка отвел меня в какую-то ближайшую больницу. Ну, сотрясение мозга, ну, шишка на башке, на затылке – и всё. И меня отпустили в середине дня 9-го, потому что восстановилась память, и не тошнило уже, и голова не болела, не кружилась, только тупость какая-то.

И вот тогда Сашка мне всё рассказал.

Володя умер почти сразу, а вот та женщина... Оказалось, ей было двадцать шесть лет и она была беременной, причем на немалом сроке, наверно, потому что – пузо, заметное пузо. Это заметил Володя, а наравне с ним несомненно заметил и десантник с лопаткой. Володя пытался ее спасти, а десантник – убить. Володе не удалось, а десантник сделал свое дело. Она умерла в больнице, не приходя в сознание. Это нам стало известно после.

И что ж это за страсть такая – идти беременной на митинг? Ночью! Где толпы людей! И вообще всякое может произойти! Что за блажь? Идиотка, романтическая дура? Воздух свободы опьянил?.. О господи, прости, прости, пусть земля будет ей пухом, ей и ее нерожденному ребенку ...

Потом мы узнали, что среди погибших в ту ночь большинство составили именно женщины. Их возраст был от 16 до 70 лет. Вот такие поборницы независимой Грузии.

Но был и мальчишка. В него выстрелили из какой-то военной машины, но не убили, спасибо. По «скорой» доставили в хирургию, спасли. Повезло...

А да, чтоб не забыть! Про ту самую гимназию и скверик. После того как меня отпустили из больницы, мы с Сашком пошли туда, чтобы глянуть при свете, днем, и всё запомнить.

Запомнили и даже кое-что узнали.

1-я гимназия, она рядом с Домом правительства, прямо напротив Кашуэтской церкви. И чего только не выяснилось! Там в разное время учились Шеварнадзе, Гамсахурдия, ну и другие известные грузины. А перед этой гимназией – «наш» скверик со скульптурой Ильи Чавчавадзе и еще кого-то, не помню. В общем, знаменитое в Тбилиси место, где мы спасались. Правда, Володе и той беременной это не удалось, а вот мне и Сашке повезло...

Теперь про то, Алиса моя драгоценная, что ты знаешь в общих чертах. Ну и я буду в общих, а то тяжело до сих пор, ты понимаешь... Нет, надо! Не спорь и не перебивай меня! А может, мне выговориться надо, и потом легче будет, а? Ты же сама сказала, что я помаленьку выздоравливаю – значит, всё идет на лад, я и так молчал два месяца.

Да, о Володе, конечно. Как мы с Сашкой вернулись в дом его тетушки на Важа-Пшавела, как всё ей рассказали, как по телефону дали телеграмму отцу в Гагру – и про сам факт и про то (вопрос), где хоронить. А почему телеграмма? У них же дома в Гагре нет телефона, и Володя звонил мне оттуда с почты.

Короче говоря, вечером же отец позвонил. Сначала спрашивал, как это произошло, потом сказал, что следующим утром выезжает в Тбилиси вместе с женой, мамой Володи. И хоронить будут здесь же, в Тбилиси, поскольку тут есть могилы рода Дадиани, а в Гагре хоронить не нужно, ибо еще неизвестно, что случится в этой чертовой Абхазии, так и сказал.

Назавтра они приехали, сели за стол, опять начались наши с Сашкой рассказы. Потом старик поведал про тбилисские могилы их знаменитого рода. Одна – в пантеоне Мтацминда, там похоронен некто Шалва

Дадиани, какой-то известный грузинский писатель. Еще – на Верийском, или Армянском кладбище (почему на армянском?), там могилы княгини Дадиани и ее сына. А помимо Тбилиси, разные знатные Дадиани похоронены в Менгрелии, в Зугдиди, в Хоби. Но это теперь морока, поэтому лучше и проще тут, в Тбилиси.

Так и сделали (вернее, отец сделал, договорился, и без проблем: к павшим героям 9-го апреля все относились свято), и Володю похоронили на Верийском кладбище. Там православный храм, отслужили поминальный молебен (как они полуговорили-полупели по-грузински!), потом опустили гроб в землю. Плакала мама, плакала тетушка, а отец стоял как изваяние. Кремьень! И представляешь, Сашка зашмыгал носом, заплакал! А я... я тогда опять как оглох и онемел.

В этот день и еще в течение недели в Тбилиси хоронили других погибших. Мы с Сашкой пытались узнать, где будут хоронить ту беременную в черном. Узнали. Но Сашка пошел без меня, потому что... В общем, как-то я заплыхел, понял, что мне хватило выше крыши. Так что каюсь: ту женщину, которую пытался спасти наш Володя, из-за чего и получил саперной лопаткой от советского воина, ту женщину схоронили без меня. Но Сашка-то там был! За себя и за меня, и за погибшего Володю.

А еще одна моя тбилисская женщина, ночная сестренка по 9-му апрелю, – та девочка со свирелью, – она в опубликованном списке погибших не значилась (ее фамилии, понятно, я не знал, но там указывали возраста, иногда приблизительно). Нет, все-таки есть правда на Земле, хоть какая-то!..

И еще, Алиса. Ты мне сказала, что, если по-врачебному, у меня был посттравматический синдром, а точнее, психотравматический. Вот и отец твой, психоневролог, тоже так считает. Ну ладно, пусть так. У меня ведь действительно два месяца что-то не ладилось в голове – молчал, даже с Павкой общался жестами и мычанием, и в первый рейс ушел только в конце июня, хотя навигация уж давно началась. Ладно, проехали. Но вот еще.

Понимаешь, как вспомню, как увижу, закрыв глаза, какую-то из тех самых картин, так чувствую, что во мне опять волна злобы поднимается. Убить, убить!.. Нет, теперь уже не так остро, что даже дыхание перехватывает, а все-таки... Но ведь я нормальный человек, не псих какой-то! Так почему?

И однажды вспомнил: а и раньше такое было! Просто приступ озверенья – отомстить, избить, убить, и именно самому, и плевать на правосудие, законность и прочее! Бывало такое, да. Помнишь, я тебе рассказывал? Про сладострастного придурка Стафа, учителя физкультуры, который школьниц лапал и которого я за это... потом про то, как мы с Володей и Сашкой в Нижнем устроили избиение тех, кто отнял у Сашки деньги, а еще много потом – как я хотел убить этих дебилов, которые тебя чуть... ну, ты поняла. И убил бы, если б не отец. Ну да, ведь фактически он спас меня от статьи... И наконец, последнее – это в Тбилиси: Володя, та беременная в черном. Не знаю, убил я там кого-то из солдат за ими убиты, но поранил не одного, это точно. И всё как в тумане, будто съехала крыша, и только одно: убить, убить! Потому что нельзя

покушаться на моё, нельзя! И та моя первая девочка, и Сашка, и ты, моя Алиса, и Володя, и «черная» беременная, с которой я даже знаком не был, – это моё, моё!

Вот я и думаю: что это со мной? Это что, моя судьба?..

- Обними меня, – попросила Алиса, когда очередной ночью в капитанской каюте сухогруза «Волго-Дон 201» закончился этот рассказ. – Обними, и я тебе отвечу, обними.

- С удовольствием.

И капитан тут же сделал это, почувствовав, как возвращается в свой мир – реальный, который вокруг него и в нем самом, с его Алисой, на его корабле, плывущем по большой голубой дороге.

А Алиса продолжила:

- Я плохо знаю генетику, да и кто хорошо знает, как и почему мы такие, какие гены от родителей в нас сильнее. Но я хочу, чтобы в нашем Павке главенствовали твои гены. Так мне будет спокойней – жить, зная это: что есть ты – вот такой – и такой же он.

САШКА КУМАРИН

Была большая голубая дорога, и по ней плыл корабль. Сей корабль относился к классу теплоходов, а по предназначению – к сухогрузам типа «Волго-Дон». Этот «Волго-Дон» имел свой номер – 201, и его команда состояла из восемнадцати человек. Однако в тот раз (как и однажды ранее) с ними плыл еще один человек, женщина, жена капитана. Ее звали Алиса, а если полностью, Алиса Дмитриевна – и именно так, по имени-отчеству, к ней на судне обращались все, кроме капитана и стармеха. Ну, это понятно: капитан состоял при ней мужем, а вот стармех, он уже давно числился в друзьях этой женщины, она его любила как брата, а коли так, то многое ему прощала, и он это ценил.

То ли стармех играл под простачка, то ли взаправду был таким, но, помимо всегдашней резкости, грубоватости и желания, как он говорил, «об дать по морде, но по делу», ему была присуща склонность к неожиданным умствованиям и даже афоризмам. Один их них приведён в самом начале этой повести. Напомним:

«Хорошая женщина – редкая женщина, а редкая – это такая, которая прощает наше несовершенство и, как ни странно, продолжает любить».

Так он изрек давно, и капитан даже процитировал эту фразу в письме к Алисе, вскоре после того как они стали близки. Ну, вы помните: он спас ее во время шторма на Рыбинском водохранилище, подняв ночью на борт своего «Волго-Дона», а следующей ночью всё и случилось. Что? Начало любви. А потом... Сашка Кумарин (а он и есть стармех) оказался прав: Алиса умела прощать наше несовершенство и продолжала любить, а такое – редкость. Но мы отвлеклись – ведь речь зашла о кумаринских афоризмах. На сей раз, когда, приплыв в Петрозаводск, они втроем сидели в ресторане «Карелия» на набережной Гюллинга (финна по крови, но большевика по воззрениям и роду деятельности, расстрелянного в 38-м), Сашка, уже изрядно выпив, изрек:

- Капитан, слушай! Хочу наконец объяснить тебе, что такое женщина. Если ты меня уважаешь, то помолчи и распахни уши. Мерси!.. Значит, так. Женщина – это вторая сигнальная система с сиськами.

Капитан аккуратно уложил на тарелку вилку с ножом и вскинул голову:

- Чего-чего? Какая система?

- Вторая, – повторил стармех, – вторая сигнальная система, но с сиськами.

- Про сиски – понятно, а что это за система?

Алиса рассмеялась, а Сашка стал объяснять:

- Сообщаю невеждам. Это – способность речевого общения с тебе подобными. Подарочек Всевышнего людям. В общем, это речь, способность говорить, обмениваться речевыми сигналами. Что и назвали второй сигнальной системой. Понял? А поскольку среди человеков эта способность безмерно развита именно у баб, то и получается: женщина есть вторая сигнальная система с сиськами. Усёк? Ну, ты небезнадежен!.. Так почему я сейчас об этом? А из-за Алиски. Алиска, ты – редкое исключение из этого правила! То есть, пардон, с внешностью у тебя полный порядок, а вот до говорения... Ты же молчушка. Молодец, уважаю!.. Вот и сейчас: мы с твоим мужем треплемся, а ты потягиваешь вино и молчишь, как Штирлиц.

- Налей мне водки, трепач, – приказал капитан, – и отстань от моей драгоценной супруги!

- А он и не пристает, – шутливо вступилась за Сашку Алиса. И уже ему: – А молчу я сейчас потому, что слушать тебя и капитана – это не надо на Райкина ходить. Продолжайте.

- Вот видишь, – кивнул другу капитан, – нам с тобой еще и сомнительный комплимент отвесили.

- Ага, редкие женщины, они умные, они всё про нас знают, они слушают и думают! – ответно кивнул Сашка и стал разливать по рюмкам.

- Алиса, редкая, девочка моя, о чем ты думаешь? – хмельно улыбнулся капитан.

- Не знаю. – Она рассмеялась. – Лучше процитирую: «Откуда я знаю, что думаю? Вот скажу, тогда узнаю».

- Отлично! – Сашка аж хлопнул в ладоши. – Это откуда?

Теперь настал черед капитана:

- Так кто у нас невежда, стармех? Это из «Алисы в стране чудес»! Тебе известна такая книжка, такая не-сказка? Вот ее героиня, прямо перед тобой, живьем!.. Твое здоровье, моя дорогая! Пьем!

Но всему бывает конец, и этому рейсу тоже. Через три дня, уже под ночь, сухогруз «Волго-Дон 201» вошел в Канал имени Москвы и, следуя к Северному порту в Химках, стал бесчисленно шлюзоваться, а это так нравилось Алисе!

Она стояла на полубаке и глядела, глядела. Потом к ней подошел капитан, набросил на плечи курточку (было прохладно, а тут еще встречный ветерок) и обнял. Как раз миновали шлюз «Темпы» у Дмитрова и теперь шли к Яхроме.

- Я помню, помню, я всё помню, – сказала Алиса, – про деда твоего помню, про то, что где-то здесь он похоронен.

- Да, – кивнул капитан, – где-то здесь. И я всегда его поминаю. Давай

позовем Сашку Кумарина, сядем, выпьем, помянем. Нам есть кого поминать сегодня. Пойдем в каюту...

Там он извлек из тумбочки бутылку коньяка, стаканчики, лимон. Вскоре подошел стармех. Уселись.

- Ты чего это, драгоценный мой капитан? – удивился Сашка. – Ведь на судне не положено. Нарушаешь!

- Сегодня исключение. Но между нами, втихаря.

- Нет, вообще-то я всегда «за». И что за повод?

- Поминальная ночь. У тебя ножик при себе есть, перочинный? Отлично.

Алиса, нарежь лимончик, а ты, стармех, разливай...

Решили поминать по старшенству. Значит, сначала – за деда капитана, за славного капитана 1-го ранга Павла Пепеляева, гулаговца, точнее дмитровлаговца, чьи кости где-то здесь в одной из безымянных, никак не обозначенных могил на берегу, мимо которого сейчас плыл корабль.

Выпили не чокаясь, мужчины закурили, и пошел короткий рассказ про деда.

Потом Сашка разлил снова, и капитан сказал:

- Теперь за отца, полковника в отставке Сергея Желткова, честного эмвэдэшника и упертого большевика, сталиниста, но искреннего человека. Опять выпили.

- Я его неплохо знал, – тихо начал Сашка, – ну да, помнишь, пока вы жили вместе, я бывал у тебя дома, и мы с Сергеем Ивановичем говорили, спорили. Да, упертый был мужик, но ты прав – хороший, искренний.

- Очень хороший, – вставила Алиса, и тут заговорил капитан:

- Я всегда думал, и правильно думал, между прочим, что для него идея, идеология важнее, первее, главнее родства, духовной близости, любви, наконец. Так и было до самых его последних лет. И вдруг в нем что-то изменилось. Не знаю, может быть, на него подействовали события перестройки, как-то странно подействовали, потому что, страшно переживая из-за того, что, как ему казалось, страна рушится, он... ну, будто очнулся сердцем, то есть меня полюбил – да-да, именно вдруг полюбил меня, Алису полюбил, но... но, наверно, его организм не выдержал сразу двух перестроек – перестройки в стране и перестройки в сердце, – и в нем развилась смертельная болезнь, внезапная и быстротечная. Что за чертовщина! Как это так? Не знаю... Одно хорошо, если, конечно, подходит это слово «хорошо», что он до последних событий не дожил. Не представляю, как бы он это пережил: 9-е апреля в Тбилиси и вот совсем недавно – ферганские события. В общем, да, думаю, хорошо, что до этого он не дожил. Ладно, так или иначе, светлая память!

- И наука всем нам, – сказала Алиса.

- Какая наука?

- О человеке. О том, каким может быть человек. В том числе, вот и таким, как твой папа. Ты всегда думал, что он тебе чужой, а выяснилось – нет. Ты, правильно думал, но вдруг – нет. Это как? А вот так. Значит, бывает и так. Вот и наука о человеке, о людях вообще.

Помолчали. Капитан вскинул голову:

- Теперь последнее поминание. За Володю.

Выпили. Сашка вдруг выругался в тишине:

- Вот бляха-муха, не могу смириться!.. Ладно. Но на 9-е апреля, в годовщину, полетим в Тбилиси, на кладбище сходим.

- Конечно, – сказал капитан.
- И я с вами, – утвердила Алиса.
- Конечно, – повторил капитан.
- Э, черт, забыл, как то кладбище называется? – сморщился Сашка.
- Верийское.
- А, да-да!.. Как они пели молебен, помнишь? И потом у тетки дома, когда поминали, отец Володи, помнишь?.. Эх, Володя!
Алиса попросила:
- Мальчики, только ничего о нем не говорите, о нем и той ночи! Я не могу это слышать, не могу!
Капитан кивнул, и Сашка кивнул, но тут же опять озлился:
- Хорошо, о Володе не буду, а о тех суках – что, нельзя? Мало я издубасил их, сволочей! Потом еще с месяц кашлял от ихней «черёмухи», уже в Москве даже. Траванули все-таки!
- Ладно, стармех, всё! – чуть повысил голос капитан.
- Да конечно, ладно! Что там я, это мелочи по сравнению... – И замолк.
Так и молчали долго. Потом Сашка потянулся за бутылкой, стал разливать.
- Вот что, ребята, – начал, – есть еще тост, но уже не поминальный.
Послушайте-ка, до чего я додумался, напрягши память, замутненную алкоголем. Значит, так... Смотрите, какая у нас картина получается. 86-й год – события в Алма-Ате. Ну, помните: выступления против русификации, митинги и прочее, ввели войска, тысячи раненых, несколько убитых. Ага, первая ласточка!.. Так, далее. Далее – это 87-й год – Прибалтика, затем Украина, затем Белоруссия: тоже митинги протеста и демонстрации. Теперь 88-й – Нагорный Карабах: уже настоящая война, раненые и убитые. Потом... потом, о господи, 9-е апреля в Тбилиси, это уже 89-й. И наконец, вот, месяц назад – события в Фергане. Роскошная картина, да? Кровь, кровь. Но в сути-то что? Бунт, ребята! Бунт на корабле! На славном корабле под названием Советский Союз. Такой бунт, что уже нет никакого союза между народами, между властью и людьми! А если говорить по-корабельному, нет союза между капитаном и командой! А такого быть не должно на корабле, если он хочет плыть по проложенному курсу. А на нашем корабле – такое есть. И уже льется кровь. И, похоже, дальше будет еще хуже. И что тогда, к чему это приведет? Нет, не к тому, что команда захватит корабль и повесит капитана на рее! Нет! Этот бунт закончится тем, что корабль затонет. Наскочит на рифы и затонет, потому что управлять кораблем команда не умеет, а капитан и его помощники – уже не могут. Затонет корабль, ей-богу! Вот я и думаю: туда ему и дорога? На дно? А и хрен с ним! Вот за это и выпьем, так?
- А черт его знает! – покачал головой капитан. – Про затонет и про на дно – черт знает, а про выпить – это можно.
- Пейте, мальчики, – улыбнулась Алиса, – а мне достаточно. А затонет или нет, не знаю, но по мне важно, чтобы мы были живы. Кого я люблю: вы, алкоголики, мой сын, мои мама и папа. Ну и я вместе с вами. Мне любить вас хочется еще долго-долго.
Капитан и стармех опрокинули стаканчики, после чего Сашка изрек:
- А теперь так. Теперь – песня, наша любимая. Ну-ка, капитан, подпевай:

*Он капитан, и родина его – Марсель.
Он любит пьянки, кутежи и драки.*

*Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки...*

В этот момент «Волго-Дон 201» стоял в очередном шлюзе. Выше бортов судна поднимались бетонные стены, поэтому внутри шлюзовой камеры и вдоль ближайших берегов с потаенными погребениями, в ночной тишине, хорошо слышались поющие голоса из открытого иллюминатора капитанской каюты.

2011